



Александр Тер-Григорян

Когда улыбнется Ганеш



Александр Тер-Григорян

Когда улыбнется Ганеш

БУДНИ И БУРИ
ЮЖНОАЗИАТСКОГО СУБКОНТИНЕНТА



ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МОСКВА 1985

Редакционная коллегия

К. В. МАЛАХОВСКИЙ (председатель), Л. Б. АЛАЕВ,
А. Б. ДАВИДСОН, Н. Б. ЗУБКОВ, Г. Г. КОТОВСКИЙ
Р. Г. ЛАНДА, Н. А. СИМОНИЯ

Ответственный редактор

О. В. ПЛЕШОВ

Фото автора

Тер-Григорян А.

Т 35 Когда улыбнется Ганеш: (Будни и бури Южноазиатского субконтинента). М.: Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1985.

303 с. с ил. («Рассказы о странах Востока»).

Прочитав эту книгу, мы вместе с автором — журналистом, работавшим в странах Южноазиатского субконтинента шесть лет в качестве собственного корреспондента «Известий», — совершим увлекательное путешествие по непальским горам, ланкийскому побережью, по дельте Ганга, побываем в десятках индийских городов и сел, познакомимся с множеством человеческих судеб.

Большая часть книги посвящена Индии, с которой нашу страну связывают традиционные узы дружбы.

Т $\frac{1905020000-065}{013(02)-85}$ 208-85

ББК л 8

© Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1985.

Сначала я два с половиной года ездил и летал по периферии Южноазиатского субконтинента и лишь после этого попал в его сердце. Сначала видел лишь истоки и притоки Ганга в Непале, его устье в Бангладеш, ощущал его эхо в Шри Ланке и Пакистане и только потом познакомился с основным течением реки, которую индусы считают божеством (индийцы ее называют Ганга). Различные по характеру и жизненному уровню, политическому устройству, господствующей религии и языку, страны, о которых пойдет речь, объединены принадлежностью к горячему и пестрому континенту, сходностью судеб, близостью культур, «узнаваемы» друг в друге. Вот почему в книге, посвященной главным образом Индии, я счел возможным рассказать и о некоторых ее соседях.

Я подолгу жил в Китае, Вьетнаме, Венгрии, Бангладеш, Непале. Писать об Индии труднее, чем об этих странах. Она настолько многообразна и многопланова, что почти каждое слово, которым пытаешься характеризовать то или иное явление, оказывается вдруг шатким, ненадежным, иногда беспомощным, требует множества оговорок. Чем дольше я жил в Индии, тем более непостижимой она мне казалась; каждое последующее впечатление вытесняло предыдущее, одни и те же обычаи в разных местах имели различную, порой противоположную подоплеку, логика поведения людей в быту часто оставалась непонятной. И все же я рискую предложить читателю эту книгу очерков, имеющую скромную задачу: дать некоторое представление о красках поразительной страны, о жизни, внешнем облике и стремлениях ее людей, сравнительно недавно ступивших на путь сложного, противоречивого, но самостоятельного развития. Мне хотелось бы, чтобы читатель ощутил масштабы целей, которые они ставят перед собой, оценил их мужество, почувствовал нелегкость их доли.

Есть в индийской мифологии демон Раху, тайно от богов хлебнувший напиток бессмертия амриту и вечно

проглатывавший Солнце и Луну, дабы навредить людям. Великий Вишну отсек ему голову, которая улетела и превратилась в небесное тело. Голова Раху и сейчас время от времени подкарауливает и проглатывает Солнце и Луну. Но затмения при этом оказываются краткими, ибо у демона нет больше туловища... Немало затмений происходит и в жизни независимых стран. Но они преходящи, ибо бессилен Раху, ибо независимость и свобода пришли навсегда, ибо магистральный путь в будущее открыт.

Эта книга была уже набрана, когда мир потрясла тяжкая весть о подлой расправе над Индирой Ганди. Вспомнились многочисленные встречи с ней в Дели — в парламенте, на пресс-конференциях в Вигьян-бхаване, в ее рабочем кабинете, на приемах в Советском посольстве. Вспомнилось ее удивительное умение общаться со множеством людей одновременно — будь то стремящиеся перекричать друг друга журналисты с каверзными вопросами или полумиллионная толпа крестьян, которым надо объяснить суть аграрной политики правительства.

Индира Ганди была, несомненно, одной из самых выдающихся личностей второй половины нашего столетия. Ее сердце было исполнено любви к своей родине, к народу, она обладала трезвым и глубоким умом и стальной волей. Она боролась за процветающую, сплоченную, сильную Индию, свободную от кастово-религиозных и национальных противоречий, которые в свое время разжигали колонизаторы и которые используют в борьбе против великой азиатской державы ее нынешние недруги. За это и сразили ее пули сепаратистов. Пророчески прозвучали ее слова, сказанные несколькими днями раньше: если меня убьют, кровь моя поможет стране сплотиться.

Индира Ганди была большим и искренним другом нашей страны, придавала огромное значение развитию и укреплению индийско-советского сотрудничества во всех сферах жизни.

Многие достижения Индии, о которых узнает читатель, непосредственно связаны с деятельностью И. Ганди. Ее никогда не забудут индийские и советские люди.

Вторжение в сказку

Получив утром в номере газету «Райзинг Непал», с удивлением узнаю, что идет 2038 год, который вот-вот кончится, хотя на дворе март. «Викрам самбат» — один из четырех, принятых в Непале календарей, — пожалуй, наиболее распространен в этой стране, говорящей на 58 языках и исповедующей по крайней мере четыре религии. Он обязан своим происхождением удачливому радже Викрамадितье, который, угостив богию молнии Ваджрайогини куском собственного мяса, одобренного специями, получил в награду тайный рецепт изготовления золота, обрел невероятное богатство и посему объявил новую эру.

Каждый шаг в Катманду делаешь в двух измерениях одновременно — в реальном и сказочном. Сказка стала неотъемлемой частью реальной жизни, а жизнь вторглась в сказку и расширила до бесконечности ее рамки. Времени, отпущенного человеку, не хватит, чтобы хоть бегло ознакомиться с 33 миллионами небожителей непальского пантеона. Однако десятка три богов, обладающих индивидуальными чертами характера и наделенные всеми человеческими страстями и слабостями, сопровождают вас повсюду в Непале — и в долине Катманду, и в заснеженных горах, и в жарких тераях.

У крошечной молельни в темном, извилистом переулке стоит высокий кувшин с молоком. Рядом тарелка с жареными хлопьями риса. Это угощение приготовили для богов обитатели осевшего набок углового домика. В переулке десятка два таких молелен. Если выйти по нему на площадь Ханумандхока, названную так в честь обезьяньего вожака Ханумана, который, как известно, оказал неоценимую услугу великому Раме, устроив пожар на Ланке и посеяв тем самым панику в войсках короля ракшасов Раваны, то от обилия храмов, чайтьев, молелен, скульптур просто захватывает

дух. Боги окружают вас плотным кольцом, будут глядеть на вас со стен, из притворов, с алтарей, с постаментов. Оскалит страшные клыки Кал Бхайрав, или Чернокаменный Бхайрав,—самое свирепое воплощение Шивы. У ног многорукого бога всегда скромные дары. Меню почти неизменное — кислое молоко, жареный рис, сушеная рыбешка, несколько кусков сахара, хлебцы. Ноги Бхайрава вымазаны разваренным крашеным рисом. Ублажив его, люди ставят себе на лоб тикку с этим рисом — знак благословения, который может уберечь от напасти. Рисовой краской для тики вымазан и хобот слонноголового бога Ганеша — сына Шивы и Парвати, приносящего, как утверждают, удачу труженику и торговцу.

Маленький Ганеш выдолблен и в скале, к которой прилепилась хижина пахаря. А вот и сам пахарь — в черной трапециевидной шапочке-топи, с огромным, загнутым книзу ножом кхукри за поясом. Его буйволы осторожно тащат соху по полю-террасе. Пахарь сосредоточен: надо ведь не оступиться, не сорваться в пропасть, прорубить заветную борозду. Ему поможет тысячелетний опыт предков. И, как он думает, красная тика с хобота Ганеша на изборожденном морщинами лбу.

Круты Гималаи. Их сверкающие снежные вершины острыми клиньями вонзились в густую синь неба. Их тайны до сих пор волнуют воображение поэтов, ученых, альпинистов. Но не они отгородили Непал от остального человечества. Это сделали люди. В начале прошлого века английские завоеватели, потеряв надежду превратить непальского короля в свое послушное орудие, начали войну против маленькой горной страны. Героическое сопротивление не спасло непальцев от поражения — силы были неравными. Формально Непал не утратил тогда независимости. Но только формально. От него отторгли большую часть тераев — южных равнинных земель, ему запретили иметь какие-либо связи с другими странами. Колонизаторы способствовали приходу к власти в стране феодального рода Рана, который образовал институт наследственных премьер-министров. И сам король, земное воплощение Вишну, оказался пленником этого семейства. Целое столетие продолжалось в Непале мрачное господство Рана, которые, выполняя волю английских резидентов, тщательно заботились о сохранении изолированности страны от остального мира. Однако, несмотря на все усилия англи-

чан и их приспешников, им не удалось предотвратить «разгерметизацию» Непала. В 1951 году долгая и мужественная борьба непальского народа против тирании Рана увенчалась успехом.

С Непалом произошло примерно то же, что происходит с человеком, проснувшимся в незнакомом месте и все еще находящимся во власти сновидений. Сновидения эти, однако, не улетучиваются, как у человека, а продолжают наяву, и провести границу между ними и реальностью оказывается подчас невозможно. До тех пор, разумеется, пока одно не противоречит другому и не встает вопрос о выборе.

Сразу же после свержения Рана Непал начал стремительно приобщаться к современности, а мир стал открывать для себя эту страну. Долго шел в ней процесс утряски внутривнутриполитической структуры. В конце 1960 года отец нынешнего короля — Махендра Бир Бикрам Шах Дев распустил парламент, арестовал министров и установил режим прямого правления. Была запрещена деятельность всех политических партий. Страна была провозглашена конституционной монархией, образовалась система выборных местных советов — панчаятов, а роль парламента стал играть Национальный панчаят. Потом, в 1980 году, король Бирендра Бир Бикрам Шах Дев провел референдум, который решал, сохранить ли в стране систему панчаятов или вернуться к многопартийно-парламентской системе. С небольшим преимуществом победили сторонники панчаятов. Однако и в период, предшествовавший референдуму, и в последующие годы в панчаятскую систему было внесено несколько существенных коррективов. Национальный панчаят стал избираться путем всеобщего прямого голосования, а сам он стал избирать кандидатуры своего председателя и премьер-министра страны для последующего утверждения королем. Ежечасное общение с богами не помешало людям открыть для себя сладость политических дискуссий, остро заинтересоваться социальными проблемами. Важные перемены произошли и в экономике. В частности, в таях с помощью Советского Союза были построены завод сельскохозяйственного оборудования, мощный сахарный завод, сигаретная фабрика. Были созданы и другие предприятия, образовался небольшой, но устойчивый рабочий класс.

И еще одна существенная перемена произошла в стране после ее освобождения от деспотизма Рана:

В нее хлынул нескончаемый поток иностранных туристов. Мгновенно изменились представления людей об окружающем мире. В Патане, в мастерской, носящей громкое название «Патан индастриал эстэйт», я наблюдаю труд женщин, которые, зажав пальцами ног грубую отливку фигуры Шивы, доводят ее до совершенства с помощью напильника и зубила. Тут же, в цехе, стоит на полу маленький, сверкающий японский кассетный магнитофон, из которого льется современная музыка, и работницы временами покачивают головами в такт мелодии. Боги, создаваемые руками человека, обретают над ним немедленную власть так же, как и раньше. Но происходит это под аккомпанемент квартета АББА и в присутствии современной электроники. Оцепеневшее время устремилось вперед, и его не сдержать. И сказка, и жизнь стали другими. Но, хотя по «Викрам самбату» давно уже наступил XXI век, а по распространенному в долине Катманду «Непал самбату» только что начался век XII, страна эта, по нашим представлениям, не вышла еще за пределы позднего средневековья. Один врач приходится на 38 тысяч жителей. В большинстве деревень нет электричества. Во многих горных дистриктах люди живут натуральным хозяйством. На витрине лавки в Катманду рядом с видеомангитофоном будет красоваться буддистская молитвенная вертушка. Лоб крупного физика, участника международных симпозиумов, украшает тика. Вы можете встретить учителя, для которого утверждение, что земля — шар, было бы подлинным потрясением, или монаха, который убежден, что стал объектом перевоплощения другого существа.

* * *

О, Катманду! В который раз я люблюсь знакомыми контурами холма с белоснежной ступой Сваямбу, откуда спокойно разглядывают долину бирюзовые очи Будды. Снова тесная Нью-Роуд с лежащими поперек мостовой «священными» коровами, не обращающими ни малейшего внимания на роскошные «Датсуны», велосколяски, грузовики и столь неожиданные «газики». Снова дом «живой богини» Кумари, циновки, заставленные живописным непальским барахлом — фигурками, кувшинчиками, бусами из диковинных семян, веерами из павлиньих перьев. Снова гулкая дробь барабанов, гарь жертвенных костров, терпкий запах курений

и специй. Каждая встреча с Катманду в первый момент наталкивает на мысль о неизменности непальских буден, непальских красок, непальского образа жизни. И каждая тут же опровергает эту мысль. В самом центре, на улице Лазимпатх, я останавливаю машину, ибо путь мне преграждает возбужденная толпа. Лица и головы большинства посыпаны специальной пудрой — красной и лиловой. Не верю глазам своим, ибо дело происходит в мае, а праздник Холи, во время которого люди в Индии и Непале окрашивают друг друга, выпадает обычно на март и давно прошел. Оказывается, это толпа избирателей, которую угощает на радостях победивший своего конкурента новоявленный депутат местного панчаята. Настроение у всех приподнятое, как во время Холи. Вот и вспомнили о краске.

Депутат между тем обращается к толпе со словами приветствия. Он в пестрой шапочке-топи. Кто-то услужливо держит над ним большой черный зонт, кто-то подносит стакан... Несколько лет назад, до референдума о панчаятах, такую картину едва ли можно было увидеть где-либо в Непале.

Подъезжаю к одному из многочисленных заброшенных дворцов Рана, отличающихся пышной эклектичностью фасадов. Ощущаю некую символику в том, что в полуразрушенном здании, где предавались роскоши мучители собственного народа и верные прислужники иностранных угнетателей, в нескольких наспах восстановленных комнатах расположилась избирательная комиссия. Ни о каких выборах во время господства Рана нельзя было и думать, непальцы и не подозревали о существовании такого института.

Секретарь избирательной комиссии Прасад Упадхья, высокий, немного грузный человек в традиционных непальских белых облегающих брюках и европейском пиджаке, кажется усталым. Избирательная комиссия — постоянное учреждение при правительстве. Она организует выборы Национального и местного панчаятов. Прасад Упадхья объясняет мне, что по новой системе все местные панчаяты избираются прямым всеобщим голосованием. Косвенные выборы сохранились лишь для панчаятов дистриктов. Членов последних избирают из своего числа депутаты местных панчаятов.

— Люди голосовали весьма активно, — замечает мой собеседник. — Они стремились получить как можно больше сведений о кандидатах, долго прикидывали,

сравнивали и уж потом останавливали свой выбор на ком-то.

Мне кажется, что Прасад Упадхья невольно преувеличивает значение этой активности. Я наблюдал избирателей и в Катманду, и в Бхактапуре. Прекрасная пагода Ньятапола — один из шедевров непальской архитектуры — многоярусное сооружение, в центре которого на крутой лестнице расположились в два ряда скульптуры мифических животных и божеств, — была облеплена предвыборными лозунгами. Особое значение имели символы, выбранные для себя кандидатами. Неграмотный в большинстве избиратель отдавал предпочтение тем предметам, превращенным в символы, которые его больше интересовали, — весам, очкам, рисовому колосу или фонарю. В Бхактапуре наибольшее число голосов собрало изображение зонтика: лето выдалось жаркое и символ тени вызывал положительные эмоции.

Страна, шагнувшая из мрачного средневековья в современность, вдруг проявила невероятный интерес к демократии, оставаясь монархией. Она обрела сложную японскую электронику, не добравшись как следует до электричества. Она провозгласила бесплатное медицинское обслуживание, но количество населения, приходящееся на одного врача, делает медицинскую помощь недоступной для огромного большинства.

Если в политике приближение к современности может быть стремительным, то в экономике процесс модернизации развивается медленно. 40 процентов населения Непала находится за так называемой чертой бедности. Что же касается остальных 60 процентов, то подавляющую их часть также нельзя назвать людьми преуспевающими. Статистика эта, как и всякая статистика в Южной Азии, конечно, условна. Да и понятие «экономика» применительно к Непалу было для меня условным, пока мне не довелось пройти по его горам три сотни километров пешком. Во-первых, шел я не потому, что люблю ходьбу, а потому что ни проехать, ни пролететь в эти места было невозможно. Во-вторых, я увидел, как люди, пританцовывая у крутых обрывов с огромными корзинами на спинах, несут вниз, в долину Катманду, яблоки на продажу. Наверху, в горах, я увидел, как это ни странно, более налаженный быт, чем в долине или тераях. Яблоки, которые шерпы несли вниз километров 200 на себе, были баловством, не более. Так, выручить немного денег на гостинец красивой

девушке. Примерно то же самое можно сказать и о знаменитых горских коврах, ничем не отличающихся по качеству от тибетских. В Хеламбу крестьяне, как и в других горных районах, сами выращивают рис и пшеницу на узких террасах над пропастью, сами ткнут себе одежду, сами изготавливают большую часть кухонной утвари и посуды. На значительной части моего пути в горы нельзя использовать даже вьючных животных. В таких условиях процесс образования единого непальского рынка протекает, конечно, не слишком быстро. Бездорожье бьет не только по экономике горных районов, оно нередко дает о себе знать и в тераях. В Дхангари, куда я летел, чтобы увидеть начало строительства с помощью Советского Союза канифольно-скипидарного завода, у местных жителей и крестьян более прочные торгово-экономические связи с индийскими приграничными населенными пунктами, нежели с Катманду. Скоро, с введением в строй небольшого участка дороги, Дхангари соединит со столицей более или менее сносное шоссе, и положение изменится. Сегодня же практический смысл слов «экономика Непала» в значительной мере сводится к экономике долины Катманду, имеющей более или менее прочные связи с предприятиями, выросшими в восточной части тераев. И конечно же, в это понятие входят бесчисленные террасы рисовых полей, которыми изрезаны едва ли не все горы в Непале, за исключением, наверное, лишь снежных пиков гималайских вершин.

Сельским хозяйством занято 90 процентов населения Непала. Тяжело достается непальскому крестьянину рис насущный.

Рагхабендра Пратап Шах, заместитель министра сельского хозяйства, рассказывает о некоторых достижениях непальского крестьянства в последние годы.

— Мы уже почти достигли самообеспеченности, — говорит он. — Можно надеяться, что через несколько лет мы не только перестанем импортировать зерно, но и сможем его экспортировать. Его Величество выдвинул экономическую программу развития, в которой сельскому хозяйству уделено преимущественное внимание. Правительство намерено оказать существенную помощь фермерам, определяющим развитие нашего сельского хозяйства, налаживает снабжение их семенами, делает их достоянием новую технологию. Мы делим нашу страну на три части — высокогорную, всхолмленную и

равнинную. Последняя является зерновой житницей Непала. Вторая — фруктовой. С первой, увы, не возьмешь почти ничего.

Спрашиваю у мистера Шаха о реформе в области землевладения. Он сообщает, что в настоящее время в Непале нет крупных помещиков, располагающих тысячами акров земли, как это было сравнительно недавно. Правительство ограничило размеры землевладения 50 акрами. Тем не менее существуют относительно крупные землевладельцы, среди которых немало так называемых абсентеистов, то есть людей, живущих в городе, не связанных с сельскохозяйственным трудом и сдающих свою землю в аренду. Землевладельцу достается сейчас примерно половина продукции, создаваемой на его земле крестьянином-арендатором. Все решительнее раздаются требования сократить арендную плату до одной трети дохода крестьянина.

Интенсификация сельского хозяйства Непала осложнена не только системой землевладения и землепользования. Поэтичные террасы изумрудных рисовых полей, на которых мужественно трудятся непальские крестьяне, век за веком привели страну на грань экологической катастрофы. Страшную угрозу природе создали не сточные воды фабрик-гигантов, не загрязнение атмосферы отходами большой химии. Один из парадоксов Непала состоит в том, что экологический кризис он взял с собой из глубин собственной истории, что проявился этот кризис именно тогда, когда страна начала быстро вращаться в современность. Пядь за пядью отвоевывал у гор и лесов под пашни непальский крестьянин. Еще каких-нибудь 20 лет назад 57 процентов территории Непала было покрыто лесом. Сейчас под ним осталось лишь 23 процента. И если вырубка лесов будет продолжаться, к 2000 году их в Непале не останется вообще. И прекрасные непальские горы сползут, сокрушив все на своем пути.

— Мы не допустим превращения нашей страны в мрачную пустыню, — убеждает меня секретарь плановой комиссии доктор Дибья Дев Бхатта. — У нас существует правительственное Управление охраны почв и вод, создаются другие организации, разрабатываются программы восстановления лесов. Развитие экономики должно быть тесно увязано с принципами охраны окружающей среды...

Я не сомневаюсь в искренности доктора Бхатта.

Однако до реальных мер по предотвращению надвигающейся экологической катастрофы, до изыскания средств для соответствующих капиталовложений еще далеко. Слишком уж много тяжелых проблем обрушилось на маленькую страну, сделавшую первые шаги по пути прогресса. Катастрофа грозит не только несравненной природе Непала, но и его архитектурным памятникам. Ведь Непал — это огромный музей под открытым небом. Бесчисленные храмы, ступы, пагоды — его экспонаты. Между тем почти все они требуют срочной, безотлагательной реставрации.

Мы говорим об этом с худощавым, энергичным человеком лет тридцати пяти, лицо которого, улыбочное и аккуратное, обрамлено мелкими черными кудряшками, выбивающимися из-под топи. Мистер Ромеш Джанг Тхапа — секретарь созданного недавно министерства культуры Непала.

— Реставрация требует гигантских средств, — размышляет он вслух. — А где их взять? ЮНЕСКО обещает выделить 75 процентов средств для выполнения реставрационной программы. Мы скорее всего сможем дать остальные 25 процентов необходимого. Непал, однако, не только музей. Это еще и живая, стремительно развивающаяся страна. Мы должны решить, что взять с собой в завтрашний день, а что навсегда оставить в прошлом. Мы сами должны — тут ЮНЕСКО не поможет. Мы должны выработать свои научные концепции, четко определить свои конкретные цели. Мы, конечно, будем и впредь поощрять иностранный туризм, который не только дает нам валютные поступления, но и стимулирует развитие экономики и культуры. Мы должны улучшить нашу систему образования...

Он не договаривает: на столе у него звонит телефон — чудо XX века. Кто-то зовет мистера Тхапу на совещание, посвященное вопросам кинопроката.

Непальская культура должна не просто приобщиться к современности, но и сохранить свою самобытность. Эту мысль высказывают многие. Ее полностью разделяет и канцлер Королевской академии Лайн Сингх Бангдел. Я знаю его давно — без встречи с ним не обходится ни один мой визит в Катманду. Бангдел — художник и писатель. Иногда отдает предпочтение первому своему призванию, иногда — второму. Он много лет прогел в Париже и Лондоне, и зрение у него, несомненно, двойное — он видит свою страну и глазами непальского

патриота, и глазами европейского интеллектуала. С горечью говорит о том, что обилие иностранных туристов, покупающих все без разбора, снизило художественный уровень изделий из слоновой кости и меди, что утрачен древний рецепт изготовления ряда красок, состоявших из минералов и растений. Академия, которую он возглавляет, объединяет науку, искусство, просветительство, смело вторгается в самые различные сферы культуры. Предметом ее изучения являются все культурные ценности, созданные непальским народом на протяжении веков,— от народных танцев и мелодий до покроя одежды горцев, от древних ритуальных масок до современной драмы, от стихов до архитектурных идей.

У Бангдела чуть застенчивая, добродушная улыбка. Его монголоидное, как у многих непальцев, лицо светится искренним интересом к собеседнику и доброжелательством. Ему около шестидесяти. Учился в Калькуттском колледже искусств, но художником стал только в Париже. До этого приобрел известность как писатель. Один из его романов долгое время был настольной книгой каждого непальского интеллигента. Речь в нем шла о судьбе трех поколений непальских воинов-гуркхов, служивших в английской армии, осознавших не только цену собственной крови, но и цели, ради которых им приходилось ее проливать. Бангдел очень ярко показал коварство британского колониализма. Впоследствии, когда страна освободилась от господства английских ставленников, он отложил перо, чтобы взять в руки кисть.

Академия шлет экспедиции во все уголки страны, выявляет художественные таланты, организует смотры ритуальных танцев, народных представлений, выставки картин — и современных, и старинных, и светских, и религиозных. В Непале, как и в Тибете, распространена традиционная живопись танка. Это религиозные, буддистские картины, написанные красками из сульфата меди, окиси ртути и других компонентов на клеенке, которая прикрепляется к шелковому полотнищу. Иногда картины танка по гамме красок неожиданно напоминают русские иконы.

При Академии существует театр, располагающийся уютным, современным залом. Этого нельзя сказать о помещении Национального театра, напоминающего барак. Бангдел знакомит меня с Харихаром Шармой, заведующим драматической секцией Академии. Это моло-

дой человек, родившийся в 2007 (1951) году. На круглом, белом, полном лице под огромной копной иссиня-черных волос выделяются широкие, непокорно торчащие усы. Я видел его в фильме «Синдур», поставленном по сценарию известного писателя Даулата Викрама Бисты режиссером Пракашем Тхапой. Харихар играл роль старого Субха-Сахиба, старосты, который хотел женить своего сына на дочери богатого отставного полковника и коварно мешал ей выйти замуж за любимого человека.

После ряда трагических событий молодая женщина вторично выходит замуж и вновь получает право на синдур — красную полосу вдоль пробора, символизирующую замужество. Революционность фильма состояла в том, что он косвенно одобрил поступок вдовы, вступившей в брак, совершившей шаг, который индуизм, мягко говоря, не одобряет. В фильме же этот шаг как бы закономерен, логически оправдан, и зритель его приветствует.

— Конечно, наш театр находится пока на самой начальной стадии развития, — замечает Харихар Шарма. — Мы не делаем еще крупных открытий на сцене. Но я убежден, что скоро к этому придем. У нас есть хорошая звуковая и осветительная техника, но нет по-настоящему хорошей техники актерского исполнения. Постепенно она, конечно, вырабатывается. Пытаемся сочетать непальские сценические традиции с современным стилем игры. Да и публика наша становится более взыскательной. Наш зал почти всегда заполнен до отказа. Цена билета вполне доступная — от 3 до 15 рупий... На развитие нашей драмы оказывает, разумеется, большое влияние индийская культура — родная сестра культуры непальской. Определенным образом повлияла на нашу драматургию персидская театральная традиция. Довольно сильным было воздействие английской драматургии. Первые свободные от влияния произведения стал создавать великий непальский драматург Балкришна Сома. Мы поставили его пьесу «Мудуку Ветха», в которой Капила Деви очень неплохо сыграла главную женскую роль. Это социальная драма, в центре которой конфликт между богатым подлецом и благородным бедняком. Первый отбирает у второго возлюбленную, которую постепенно доводит до смерти, и в результате полного морального банкротства кончает жизнь самоубийством... Много выдающихся непаль-

ских артистов, известных всей стране, начали свой творческий путь в нашей Академии...

Харихар замолкает, явно пытаясь сформулировать только что пришедшую мысль, и вот что у него в конце концов получается:

— Так же как сказка обогатила когда-то нашу жизнь, развитие театрального искусства обогатит нашу культуру, поможет народу понять многое такое, о чем он еще и не подозревает.

Скорее всего, так оно и будет. Но когда? Я привожу так подробно высказывания моих собеседников, чтобы был понятен уровень размышлений, характер стремлений людей, от которых так или иначе зависит будущее Непала.

В дворцовом комплексе Сингхадарбар, в котором расположена значительная часть государственных учреждений страны, всегда оживленно. Один за другим подкатывают к зданиям, украшенным причудливой лепкой, лимузины, из которых выходят сосредоточенные люди в топи с папками и портфелями. Я подъезжаю к дворцу Национального панчаята, где мне назначена аудиенция. Знакомый привратник впускает меня, и я в ожидании председателя долго разглядываю огромных бронзовых позолоченных львов, установленных по обе стороны тяжелого трона. Трон находится на возвышении, у его подножия расположен полукруглый стол, за которым, очевидно, сидит президиум. Света нет, и в полумраке все кажется исполненным особой символики. Вот она, политическая реальность страны, конституционной монархии, которая к тому же является религиозной. Ее официальное название — «Индусское королевство Непал» носит отнюдь не формальный характер. Абсолютное большинство непальцев твердо убеждено в божественном происхождении монарха. Задумываюсь о том, как, в сущности, близко от этого зала, в котором при обсуждении современных проблем развития бушуют страсти, до загадочного мира огромного комплекса храмов Пашупатинатх, где вьется дым над гхатами у священной Багмати, где у костров отдыхают обсыпанные пеплом странствующие йоги с разрисованными лбами, где паломники в рубище собираются у огромного бронзового изображения священного быка Нанди и люди в оранжевых тогах ведут нескончаемые теологические споры.

Можно ли совместить все это — самодержавную

власть, глубокое проникновение религии в сознание людей, Академию Бангдела, Плановую комиссию, панчатские выборы, новые современные промышленные предприятия, борьбу за предотвращение разрушения гор и памятников, реформирование образования, активное участие в международной жизни, и в частности в движении присоединения? И да, и нет, хотя скорее да, чем нет. Так или иначе, не всегда быстро, хотя порой и стремительно, Непал сокращает расстояние, отделяющее его от других стран, осуществляет модернизацию.

Снова и снова брожу по улицам, рассматриваю выставленные на продажу танка, беседую с продавцами, охотно пробую угощение — кусочек дымящегося шашлыка или острый-преострый пирожок с горохом. Вокруг все время звякают какие-то бубенцы, то и дело звучит гонг, у крошечного храма приносятся в жертву богам козлы. Индусы и буддисты при этом совершенно друг от друга неотличимы — нередко человек даже не способен точно определить, какой из двух религий он отдает предпочтение. В этом религиозном феномене есть своя особая, непальская логика. Вглядываюсь в лица прохожих, торговцев, людей, сидящих на ступенях храмов или пытающихся изловить счастье — увидеть восьмилетнюю «живую богиню» Кумари в оконце. Нет ни одного злого, угрюмого, суетливого, сварливого лица. Все они светятся спокойной доброжелательностью друг к другу, неторопливы, иногда отмечены печатью раздумий, но опять-таки спокойных, добрых, ненапряженных. Отсутствие давки, суеты, нервозности замечаешь в любой непальской толпе. Обилие богов и любовь к общению с ними не приводят к фанатизму. Не эта ли терпимость, не это ли спокойствие влечет сюда грязных, оборванных бродяг из Европы и Америки? Не эта ли особенность Непала в сочетании с его природой и архитектурой представляется им спасением от современной западной цивилизации? И в Патане, и в Бхактапуре, и в Катманду я не раз встречал бритых наголо немцев, шведов, англичан в желтых туниках буддийских монахов. Не знаю, приносят ли буддизм и индуизм утешение этим людям. Среди хиппи немало людей, не имеющих отношения к религии. Бродяги с Запада облюбовали для себя район Покхары с живописным, окаймленным горами озером и видом на дальние снежные пики. Мне приходилось видеть их и в полиции,

робко тычущих свои измятые, грязные бумаги для получения очередного пермита. Пожалуй, такими встречами с бюрократическими реалиями и ограничивается их соприкосновение с современностью в Непале.

Большинство непальцев отличает прямота и открытость в отношениях друг с другом и с иностранными друзьями. Им глубоко присуще чувство собственного достоинства. Во время моих странствий по Непалу я не раз наблюдал, как быстро и легко выстраиваются их отношения, скажем, с советскими специалистами. Вообще, с советскими людьми непальцев связывает чувство искренней приязни. В Катманду и Патане я видел, с каким огромным интересом встречали люди первого заместителя Председателя Президиума Верховного Совета СССР В. В. Кузнецова. Они стояли на ступенях пагод, на стенах и каменных тумбах, толпились у храмов, чтобы хоть одним глазом увидеть советского гостя.

Однажды я разговаривал с Локендрой Бахадуром Чандом, занимающим сейчас пост премьер-министра, а в то время возглавлявшим Национальный панчаят. В коротком интервью он выразил удовлетворение развитием отношений между нашими странами, вспомнил о большой экономической помощи, которую оказал Непалу Советский Союз. Речь зашла и о сахарном заводе в Биргандже, дающем свыше 80 процентов потребляемого в Непале сахара, и о ГЭС Панаути, снабжающей электроэнергией столицу во время перегрузок, и о детской больнице в Катманду, и о сигаретной фабрике в Джанакпуре.

— Мы высоко ценим помощь Советского Союза в подготовке специалистов для нашего народного хозяйства, — подчеркнул Чанд. — Обе наши страны глубоко заинтересованы в мире и процветании своих народов. Это сближает наши взгляды на многие проблемы. Непальцы хорошо знают, что Советский Союз — наш друг.

В справедливости слов Чанда я не раз убеждался и в горах, и в тераях, и в долине Катманду. Десятки людей заговаривали со мной по-русски. Людей, учившихся в Москве, Ленинграде, Харькове, я встречал в самых далеких уголках Непала. Даже на крайнем западе, в Дхангари, единственную маленькую больницу на 15 коек возглавлял «харьковчанин» Бходжрадх Шарма, обрадовавшийся мне как родному и долго рассказывавший о друзьях, оставленных в Харькове.

Я в горах. У маленькой серо-черной буддийской сту-

лы, сложенной из осыпавшейся со склона породы, замечаю алые капельки каких-то высокогорных цветов. Подо мной — всклокоченные облака, кажущиеся бесконечным снежным полем. Но вот ветер легко разрывает толщу «снега», и в образовавшуюся брешь я вижу стремительную Индравати, разлившуюся на множество синих рукавов, рукавчиков и проток. Отсюда она кажется пучком синих тесемок, брошенных между расступившимися глыбами. Думаю, что поднялся уже очень высоко — отсюда рукой подать до причудливого пика Ганджела, то и дело показывающегося мне сквозь туман. И вдруг замечаю террасу, покрытую изумрудной рисовой рассадой.

Вечереет. Пик Ганджела вновь появляется перело мной — на этот раз в багрово-красном одеянии. Мой спутник, шерп Анг Нурбу, разбивает маленькую палатку. Снова вспоминает, как советские альпинисты взойшли на Сагарматху, называемую также Эверестом, величайшую из земных гор, как проложили путь к вершине по контрфорсу юго-западного склона. Ловко и быстро он разводит небольшой костер из взятых с собой щепок. Блики пламени отражаются в его раскосых глазах. Мы пьем терпкий чай и залезаем в спальные мешки. И долго еще я слышу его гортанный голос, легко справляющийся с английским языком.

— Может, это и хорошо, что боддисатва Манджушри срубил в свое время гору и превратил Озеро змей в долину Катманду. Но она все равно не по мне, я люблю горы. И ночевать в горах, и чувствовать туман у себя на лице.

Остров грез

Уже упоминавшийся мною Хануман, сын бога ветра Вайю и обезьяны, как свидетельствует Рамаяна, чуть было не лишился разума, увидев Ланку, которую ему предстояло поджечь. «Казалась волшебная Ланка небесным селеньем, парящим в ночных облаках бестелесным виденьем». Я его хорошо понимаю, этого хитроумного обезьяньего вожака: красота Шри Ланки выше всяких представлений о ней. Не зря ей посвящены десятки строк великого эпоса. И сейчас, когда мы с коллегой из АПН подъезжаем к местечку Китулгала в горах и путь нам преграждает стремительный поток, в

памяти снова вспыхивают точные строки «Рамаяны»: «Река с крутизны, уподобясь рассерженной деве, летела, как будто покинув любовника в гневе». Здесь в Китулгале, снимался знаменитый «Мост через реку Квай». В холле небольшой гостиницы висят на стенах фотографии, запечатлевшие моменты жизни съемочной группы. Рассекая горную гряду, Келани шумит на порогах, пузырится, щерится белоснежными пенными потоками. Не верится, что это та самая Келани, которая лениво, как бы нехотя впадает в океан у Коломбо.

У берега покачивается на волнах катамаранчик — пирога из сравнительно тонкого ствола, скрепленная с большим бамбуковым поплавком-противовесом. Старый лодочник перевозит за рупию на тот берег. Несколько юношей усердно ищут что-то в прибрежной гальке, глубоко запустив в нее ладони. Набрав пригоршню камешков, паренек лет семнадцати начинает тщательно их промывать на ладони и вдруг радостно вскрикивает: «Аметист!» Протягивает мне розовато-лиловый камень: «Возьми, сэр, на память». Я отказываюсь, и камешек отправляется в маленький плетеный мешочек.

Поиск драгоценных и полудрагоценных камней, даже такой невинно-примитивный, — занятие здесь довольно распространенное. Ланка всегда славилась самоцветами. В последние годы государство пытается полностью взять под контроль добычу драгоценных камней, но это ему не всегда удается.

Мой спутник вдруг вскрикивает — чуть было не наступил в воде на маленькую змейку, которая теперь стремительно удирает, головка ее испуганной буквой «Г» висится над водной поверхностью...

Дорога-серпантин вьется между горами, которые похожи на изумрудные купола, громоздящиеся друг на друга, слившиеся в едином графическом ансамбле. Горы-купола — это чайные сады. Упругий зеленый ковер, которым они плотно укутаны, занимает 60 процентов обрабатываемых земель Шри Ланки, дает ей 90 процентов валютных поступлений. Только что мы побывали на чайной плантации «Кирипорува» у Махинды Раватте в горах в самом центре острова. Внешне Махинда походит скорее на лихого гусарского офицера, нежели на расчетливого и рачительного хозяина: молодцеватая походка, кавалерийские усы, энергичское радушие. Однако даже беглый взгляд на вверенное ему

хозяйство убеждает: менеджер свое дело знает. Махинда и его коллега Джаясекера показали мне маленькую фабрику, обрабатывающую выращиваемый на плантации чай. Здесь на широкой сушилке на крыше чай отдает 46 процентов содержащейся в нем влаги. Еще 20 процентов он отдает в центрифугах. Затем попадает на теплую жаровню-статор, по которой его раскатывает своеобразный «утюг» — ротор. Крупносвалаянный и проведенный на жаровне мало времени чай обладает большой крепостью. От него просто кружится голова. Он предназначен на экспорт в мусульманские страны, где религией запрещено употребление спиртных напитков. Более длительной обработке подвергается чай, идущий в Европу. В нем меньше наркотических веществ. Ну а крошка, которая проваливается в специальные емкости сквозь изрешеченную дырочками жаровню-статор, продается самым дешевым сортом чая.

Трудно представить, что чай появился в Шри Ланке лишь в последней четверти XIX века, что чайное хозяйство стало развиваться здесь после гибели кофейных плантаций, уничтоженных враждебным вирусом. Чай — не только богатство Шри Ланки. Он еще и ее проблема. Эта монокультура в свое время ограничила на острове посадки других культур, и в частности риса, который при англичанах ввозился из Бирмы. Чай, конечно, вытеснил рис не в прямом смысле: в основном для этих культур предназначались различные земли. И все же должного внимания рису не уделялось. Его приходилось импортировать в больших количествах, и этот дорогостоящий импорт подрывал экономику страны. Между тем чай — кормилец острова — встречает на внешних рынках все более острую конкуренцию. Чай — главный, но не единственный источник валютных поступлений. Есть еще каучук, кокосы...

Неподалеку от Кирипорувы мы осмотрели каучуковую плантацию и фабричку. Небольшие рощицы гевей, напомнивших мне в первый момент наши осины, окружают одноэтажный белый барак. И плантация, и фабрика — государственные. На каждом дереве укреплен чашечка, в которую стекает латекс. В барачке с помощью чанов, прессов, каландров латекс постепенно превращается в белый, толстый, упругий каучуковый лист, предназначенный для экспорта.

Часа через два мы оказываемся в Элкадуве. Среди немисливо зеленых гор, там и сям отмеченных искря-

щимися на солнце стрелками водопадов, у небольшого озера расположена таким невесомым белоснежным гнездом гостиница «Хунас фоллз». Легкая, как бы невзначай присевшая на гребень зеленой горы, внутри она поражает тяжеловесностью английской роскоши. Здесь, наверху, вдали от экваториальной жары Коломбо, колонизаторы с чисто британской обстоятельностью вкушали радости жизни, на сто процентов используя возможности, которые таила завоеванная страна. Существует расхожее мнение, будто англичане не слишком грабили Шри Ланку, стремились сохранить ее как здравницу. Думаю, что мнение это ошибочно — сыны Альбиона великолепно сочетали в своих действиях и то, и другое. Колонизаторов больше нет, и красота Элладувы, как и все прочее на острове, принадлежит островитянам.

Мы едем вниз, в Канди. Мальчонка лет десяти пытается остановить нашу машину. Он предлагает сложенный гармошкой набор цейлонских специй в целлофановых кармашках. Мы не обращаем на него внимания. Но пока наша машина делает очередной виток, пострел умудряется сбегать по горе вниз и снова вырасти на нашем пути. Наконец мы сдаемся и покупаем его сокровище. Еще несколько витков — и мы в Канди. Вот он, знаменитый храм Зуба Будды, святыня для всех приверженцев господствующей в Шри Ланке религии.

Как и большая часть южноазиатских городов, Канди торгует множеством разнообразных ремесленных изделий. Страшные пестрые маски, изображающие демонов различных рангов и категорий, картины батик, которыми остров славится, — кандийские танцы, праздничное шествие людей и слонов-перахера, бытовые сценки. А вот и серебро — кольца, браслеты, подвески, брошь в виде скорпиона, усеянная лунными камнями, а вот и знаменитые ланкийские сапфиры. Канди многолюден, по-праздничному пестр, но при этом тих и спокоен. Завоевав Шри Ланку, англичане два десятилетия не могли покорить Кандийское государство и его столицу в центре острова. Кандийцев и сегодня считают самыми упорными и бесстрашными людьми.

Рядом с Канди — Перадения, восторженно описанная русским путешественником Пузановым, побывавшим здесь в 1910 году. Главной достопримечательностью Перадении является ее ботанический сад, обладающий

одной из крупнейших в мире коллекций тропических деревьев. Посреди его пруд, повторяющий очертания острова Шри Ланка, поросший диковинными цветами. Деревья с гигантскими воздушными корнями, бамбуковые рощи, длинная, как взлетно-посадочная полоса, пальмовая аллея. Иногда — поляны с одним-единственным деревом, кроны которого хватило бы на целую рощу. Живые достопримечательности — жаждущие попасть в объектив мальчишка с черным скорпионом на нитке и старик с коброй, шипящей в корзине, и удавчиком на руке — преграждают нам путь.

Отсюда до Коломбо — часа полтора езды. Горы остаются позади, и мы уже не ползем, а летим. Проскакиваем деревни — несколько хижин под сенью пальм, рынки с горами золотистых — я не видел таких в других тропических странах — кокосовых орехов, минуем яркие, будто светящиеся изнутри рисовые поля. Кое-где прямо у дороги стоят столы, с которых по традиции самые красивые девушки деревни продают орехи кешью. Говорят, холостые молодые люди потихоньку высматривают себе невест именно среди «девушек-кешью».

Стремительно, как всегда в тропиках, падает ночь, и в прозрачной черноте неба показывается полная луна. Полнолуние, или «поя», — праздник, который отмечают массовыми песнями и плясками. Нам навстречу движется множество праздничных процессий.

Проезжаем поворот на Орувелу, где с помощью Советского Союза построен металлургический завод. Вот и знакомая развилка, посреди которой сидит на постаменте в позе лотоса белокаменный Будда. Мы уже в Коломбо.

* * *

Случилось так, что в этот приезд я сразу подался в горы, не успев разглядеть Коломбо, подметить перемены, происшедшие в этом городе за минувшие два года. И вот сейчас с наслаждением брожу по Голл-роуду, главной улице, тянущейся вдоль океана и соединяющей бывшую резиденцию колониальных властей Маунт-Лавинию, превращенную в роскошный отель, с фортом.

С интересом всматриваюсь в здания, сбросившие только что строительные леса. Голл-роуд явно стал повыше ростом и понаряднее. И света на нем прибавилось, неона вывесок и реклам. Утром он производит

инное впечатление, нежели вечером, когда залит огнями. С одной стороны, кажется не столь парадным и торжественным, с другой — подавляет грохотом автотранспорта, количество которого возросло чуть ли не вдвое. Бросается в глаза многоэтажное здание беспощинного магазина, которого раньше не было. Здесь торгуют дефицитными товарами только за твердую валюту. Все больше ланкийцев ездит за границу, и ряд компаний пытается с помощью этого торгового комплекса найти применение остающимся у них долларам и фунтам стерлингов.

Долго стою у Маунт-Лавинии. Это огромное сооружение напоминает фантастический корабль, устремившийся в океан. Неподалеку от Маунт-Лавинии расположен городской пляж — в этом месте нет рифов, опасных для любителей плавания. Сюда горожане приезжают расслабиться, побыть наедине с океаном, забыть о городском калейдоскопе, чаеразвесочных фабриках, каучуковых и мыловаренных заводах, обувных и швейных мастерских, бесчисленных лавках и рынках.

Сажусь в машину случайно встреченного знакомого журналиста, и мы едем через весь Голл-роуд к форту. Неподалеку от бронзового монумента-памятника Соломону Бандаранаике и здания парламента стоят обращенные к океану старинные английские пушки, у одной из которых идет бойкая торговля мороженым. А вот и форт. Огромные, ультрасовременные многоэтажные здания обступили кажущуюся по сравнению с ними маленькой и неказистой башенку с часами, бывшую когда-то маяком. Банки, страховые компании, правительственные учреждения из стекла и бетона, старинная лепка министерства иностранных дел и стоящий у входа неподвижно, как статуя, матрос с карабином в красочной униформе, тысячи лавок и магазинов, толпы людей. Женщины в традиционных сари и в европейских платьях, щеголеватые молодые люди в модных сафари, озабоченно спешащие куда-то чиновники с лицами, отмеченными выражением особой значительности, никогда и никуда не спешащие торговцы у стендов, заваленных поделками из дерева, кокосовой скорлупы, тряпья, ракушек, глины, бронзы. Юный денди, торгующий с лотка аппетитно нарезанными ломтиками ананаса, обрызгивает свой товар водой, пытаясь продлить его жизнь. У входа в лавку, привлекающую с витрины демоническими масками, сидит «холодный сапожник»,

перенесенный сюда как будто из моего тбилисского детства.

Прибывая подметку к ботинку стоящего рядом на одной ноге клиента, он, как и его далекий тбилисский предтеча, явно философствует. Языковой барьер мешает мне понять, ругает он или хвалит нынешнее правительство. Седая грива его подрагивает в такт ударам молотка.

Внимание мое отвлекает от сапожника резкое скандирование. Мимо проходит толпа молодых людей и девушек с транспарантами, надписи на которых гласят: «Требуем обуздать цены. Союз студентов». Чувствуется, что они хотят выглядеть сердитыми и возмущенными, но это им плохо удается — многие лица улыбаются. Рост цен им, конечно, не нравится, и не нравится основательно, но хмуриться они не умеют.

В отличие от ряда других стран Южноазиатского субконтинента Шри Ланка кажется страной чистой, опрятной, благоустроенной, тучи нищих не наседают на вас со всех сторон, люди обладают чувством собственного достоинства, выглядят благополучными. В пестрой уличной толпе Коломбо редко встретишь человека в лохмотьях, просящего подавание. Чисто и опрятно в общественных помещениях — в кино, клубах, крупных школьных залах. До недавнего времени каждый ланкиец получал бесплатную меру риса ежедневно, имел льготы при пользовании транспортом. Эта система субсидий была введена после провозглашения независимости и отменена лишь несколько лет назад. Подобного эксперимента не знала ни одна страна. Не берусь судить, сыграл ли он определенную положительную роль в развитии страны. Многие мои собеседники резко его критиковали, считая одним из главных тормозов экономического прогресса. Так или иначе — системы субсидий практически больше нет. Зато есть безработица, растущая с каждым годом, есть множество обездоленных людей, жизнь которых подчас напоминает кар্তু.

Я долго наблюдал рыбаков Негомбо — жилистых, загоревших, остроглазых Гомесов, Фернандесов, Гонсалвесов, людей, в именах которых звучит эхо далекого колониального прошлого. Когда их катамараны в море, их жены штопают сети. Лица женщин спокойны, сосредоточенны. Но вот наступает час возвращения мужей, и они боятся поднять глаза к морю, а потом, подняв,

зо страхом считают показавшиеся на горизонте катмараны... Полгода ветер дует в одну сторону, полгода — в другую. И весь рыбацкий поселок бросает арендуемые хижины на этом берегу клинышка-полуострова и переселяется в такие же халупы на другой стороне. Когда рыбаки возвращаются после лова, их встречают посредники-перекупщики и рыба, обваленная в песке (чтобы не портилась), перекочевывает в чужие лодки. Рыбаку достается лишь четверть дохода от его улова. Попытки правительства навести в этом деле порядок пока не дают результатов.

Наследие колониального прошлого — однобокое развитие экономики — делает ее зависимой от капризов внешнего рынка. Эти объективные трудности, конечно, пытаются использовать в своей стратегической игре транснациональные монополии, рвущиеся к богатствам острова. Хозяином положения в стране все больше становится Международный банк реконструкции и развития.

— Как это ни парадоксально, — сказал мне как-то известный публицист и общественный деятель Дурайсингам, — в названии нашей страны появилось слово «социалистическая» — мы называемся теперь «Демократическая социалистическая республика Шри Ланка». Появилось именно тогда, когда мы резко отделились от социализма.

Курс на так называемую «либерализацию» экономики Шри Ланки, провозглашенный правительством Джаявардене, с самого начала означал прежде всего «открытие дверей» страны иностранным кампаниям, широкое стимулирование иностранных капиталовложений. Появились так называемые «зоны свободной торговли». В этих зонах представители иностранного капитала, получившие право беспошлинного ввоза машин и оборудования, создают на базе дешевой и квалифицированной рабочей силы (Шри Ланка — страна почти сплошной прамотности) предприятия, дающие им колоссальные прибыли. 80 подобных предприятий, текстильных, химических, радиоэлектронных, уже действует. Все это, с одной стороны, усиливает зависимость Шри Ланки от развитых капиталистических стран, с другой — консервирует на низком уровне доходы трудящихся.

Положение становится все более напряженным. Дело доходит до крупных уличных столкновений, и моло-

дые люди, не умеющие хмуриться, оказываются вдруг способными на гнев, ярость, борьбу.

Напряженность порождается не одними лишь экономическими проблемами. На острове живет около 14 миллионов человек. 71,9 процента населения — сингалы, 11,1 процента — цейлонские тамилы, 9,4 процента — тамилы индийские, 8,6 процента — прочие. Так вот, индийские тамилы, даже те, что живут здесь всю жизнь, лишены прав, которыми обладают тамилы-аборигены. Последние обитают в основном в северных районах острова. Национальная проблема в Шри Ланке, как и во многих других странах Азии, да и не только Азии, связана с хроническими, подчас непреодолимыми сложностями и оказывает существенное влияние на внутривнутриполитическую обстановку. ТОФО — Тамильский объединенный фронт освобождения, давно уже превратившийся в сильную и влиятельную оппозиционную политическую партию, требует создания автономного тамильского государства.

Я не видел уличных потасовок на этой почве, но слышал и читал о них. Некую напряженность в отношениях между представителями различных религий, национальностей и каст в Шри Ланке я мог почувствовать лишь по жестам и репликам окружающих меня людей.

Как-то я попросил кельнера в отеле доставить мне в номер надрезанный кокосовый орех с вставленной в него трубкой. Вместо обычного «йес, сэр» кельнер сообщил, что в ресторане кокосов нет, и пообещал поручить покупку кокоса «тамилы». Не пристало, мол, ему, сингалу, бегать по улицам в поисках подводы с кокосами, когда существует в отеле еще и тамил. И тут же, открыв дверь в коридор, заорал: «Эй, тамили!», вложив в свой крик чувство немислимого превосходства. Коридорный был не просто тамилом, но еще и «пришлым».

Не успел я по-настоящему ощутить и кастовых различий, сохраняющихся на острове, несмотря на то что подавляющая часть его населения — буддисты. Вероятно, не так просто увидеть кастовые антагонизмы в стране, в которой 90 процентов сингальского населения относится к высшей касте земледельцев «гоивансе», а люди на улицах добры и почтительны друг к другу. Ученые не смогли до сих пор объяснить, каким образом кастовость сосуществует с буддизмом, тем более с юж-

ной его разновидностью: ведь последний не может одобрять какой бы то ни было формы отчуждения людей друг от друга. Буддисты составляют 67,4 процента населения, индусы — 17,6 процента, христиане — 7,7, мусульмане — 7,1. Ясно, однако, что касты в Шри Ланке не имеют того значения, что в Индии. Да и не те это касты.

В Голл-Фейсе, одной из бывших резиденций британских правителей, а ныне в роскошной гостинице на самом берегу океана, я побывал на свадебной церемонии. Весь бомонд Коломбо решил почтить своим присутствием великое событие — соединение двух крупных капиталов, местного и индийского происхождения. О каких кастах или национальностях могла идти речь, если шла она о капиталах? Господа в безукоризненных костюмах, дамы в сари и европейских платьях, сингалы, тамилы, так называемые бюргеры — люди, в чьих жилах течет толика голландской крови, щеголеватые юнцы с ниспадающими к плечам холеными волосами, девушки — воплощение грации и изящества, украшенные множеством колец, браслетов, серег с ослепительными ланкийскими камнями, властные матроны.

Невеста — индуска, жених — буддист, поэтому среди гостей представители того и другого духовенства. Сперва пожилой индус произносит короткое напутствие новобрачным, сидящим под аркой из украшений и принимающих поздравления близких. Потом начинается буддийская церемония. Молодые переходят в другой конец зала и в момент, вычисленный заранее астрологами, вступают на специальный помост, усыпанный рисом. Щупленький бонза связывает золотой провололочкой большие пальцы рук жениха и невесты, окропляет их святой водой и что-то выкрикивает. Невеста — почти девочка. Смуглая, стройная, нежная, с множеством золотых украшений в крыльях маленького носика, в мочках ушей. Ее черные глаза-угли сверкают неподдельным счастьем, хотя нет-нет да и мелькнет в них усталость. Жених, напротив, светлолиц и высок, взгляд его кроток и застенчив. Неумело пытается скрыть восхищение невестой. Обоим как будто нет никакого дела до породнившихся с их помощью капиталов, до истеблишмента, который они так красиво представляют в этом королевски блестящем зале.

Кстати, на этой свадьбе я впервые столкнулся с ланкийскими суевериями. Мне приходилось читать о

демонических культах и культах богов-покровителей, распространенных на острове. О том, что зачастую, независимо от исповедуемой религии, ланкиец считает, что живет в окружении множества различных демонов и духов, которых необходимо постоянно убаживать, с одной стороны, и по возможности избегать — с другой. Мои попытки заговорить с кем-либо на эту тему ни к чему не привели. И вот тогда в Голл-Фейсе я вдруг обратил внимание на одну безупречную пару за соседним столиком. Неожиданно юноша, как бы восторженно вскочил, потом сел и со строгим выражением лица отставил в сторону тарелку с ломтиками жареной баранины, стоявшую перед его прекрасной спутницей. И я вспомнил, что демоны-яка любят запах жареного, и поэтому красивая женщина, от которой пахнет жареным, может, сама того не желая, сделаться их добычей. А это не только бесчестье, но и прямая опасность для общества, ибо от случайной связи с демоном может родиться только демон. Жареное мясо под вечер опасно и для юношей, ибо ночью его может подстеречь мохини-якини, очаровать своей красотой, а потом съесть...

* * *

Вцепившись в металлический поручень и боясь оглянуться, медленно протискиваюсь вверх. Еще шаг — и я на вершине сигирийской скалы, как бы вонзившейся в землю острием гигантского конуса. Далеко внизу — ров, кишевший некогда крокодилами, холмы с каменными глыбами на тонких ножках, которые мгновенно могли быть сброшены на атакующее войско. А сюда, на скалу, можно было попасть лишь по веревочной лестнице, которая потом убиралась. Здесь у Кассьяпы был дворец с бассейном и дансинг-холлом. Здесь в роскоши и страхе прожил он 18 лет. Любитель поэтических парадоксов назвал бы Сигирию чудом, рожденным страхом. И в самом деле, разве не страх перед возмездием заставил Кассьяпу вырубить этот замок в скале? Ему было чего бояться. Он замуровал заживо в стене своего собственного отца Дхатусену и завладел тронем, который по закону должен был унаследовать другой сын Дхатусены — Моггалана. Моггалана, удалившийся в Индию, мог вернуться в любой момент. И вернулся, и разбил войска брата-отцеубийцы, и тот,

исчерпав все шансы на спасение, перерезал себе горло.

Эти поистине шекспировские страсти разыгрались в Сигирии задолго до появления Шекспира — в конце V века нашей эры. Стало быть, и тогда не была Ланка «краем в океане» для ланкийцев. Остров стал им значительно позже — для португальских, голландских, английских колонизаторов. Не раз сравнивали с землей его города и раньше завоеватели с субконтинента.

Из Сигирии я еду в Полоннаруву, которая сделалась сингальской столицей в начале XI столетия, после разгрома и разрушения первой столицы — Анурадхапуры.

Резные базальтовые стены окружают базальтовое же изображение Будды. Полоннарува разделила участь Анурадхапуры. Много сотен лет каменный Будда стоит под испепеляющим солнцем. Когда-то он пребывал в прохладном полумраке в окружении множества зажженных свечей и курильниц, источавших благовоние, и люди приходили к нему, прося защиты. Но он не сумел защитить ни их, ни себя от индуистских фанатиков. Огромная каменная стела испещрена письменами. Если перевести их на бумагу, получится, наверное, книжка страниц в полтораста. Видимо, Виджаябаху I рассказал потомкам, как удалось ему восстановить здесь на короткое время сингальский трон... Камни говорят больше, чем эти письма, наверное, даже тем, кто способен их прочесть. Это — кричащие камни. Вопиющие о трагедии, здесь разыгравшейся. Но слух наш несовершенен, и мы не слышим этого крика, и не раздрает он наши души, влекомые чудовищной живописностью развалин.

Все в Шри Ланке объемно, прозрачно, естественно, все западает в душу.

И слишком много рубцов на ее прекрасном лице. Не только осязаемых.

В одном из школьных клубов я смотрел любительский спектакль — пьесу молодого драматурга Самаракона «Мост через Келани». Под мостом этим у въезда в Коломбо ютятся люди, не имеющие другого крова. Когда уровень воды в реке поднимается, их заливают. Пьеса написана и сыграна в острогротескной манере, является, по существу, социальным памфлетом. Зрители — в подавляющем большинстве студенты — смеются зло и откровенно и над чиновниками, переносящими ответственность за положение дел друг на друга, и над ленивой позицией обитателей трущобы под мостом, и

над полицейским, раздающим не отмененный в то время бесплатный рис.

Редактор одной из столичных газет Филипп Курей, показавший мне этот спектакль, тихий, аккуратный человек с топорщащимися усами и печальными глазами за стеклами очков, сказал мне тогда, что почти все деятели ланкийского кино и театра обращаются в своем творчестве к современности.

— Путь к такой вот пьесе был мучительным, — добавил он. — Ведь до провозглашения независимости наше традиционное искусство, по существу, умирало, сводилось к пляскам масок в деревне. Все остальное было лишь более или менее удачной попыткой перевести на сингалскую почву португальские, голландские, английские спектакли. Есть у нас легенда — «Манами» — о принце, которого предала его жена, во время поединка подняла оброненный им меч и отдала его противнику. В первые годы нашей независимости некоторые наши режиссеры невольно оказывались в роли этой принцессы-предательницы... Лишь с середины 60-х годов мы смогли подняться выше подражательности, начать борьбу за возрождение наших традиций, за их соединение с современностью...

Я вспомнил слова Курея, когда в огромном Зале памяти Бандаранаике, в котором обычно проходят международные конференции, высшему обществу Коломбо был предложен спектакль «Май фэйр лэди» по пьесе Бернарда Шоу «Пигмалион». Публика была не просто шикарной. Она была утонченной, высокоинтеллектуальной, окончившей оксфорды и кембриджи и не имевшей ничего общего со своим народом. Спектакль был безупречно разыгран на безупречном английском языке, и зрители получили безупречно-английское наслаждение, находясь на безупречно-английском уровне театрального переживания. Однако смысл изящных острот великого Шоу едва ли мог бы дойти до большинства ланкийцев, работающих на чайных плантациях, ловящих рыбу с катамаранов, вручающих правительству петиции или протестующих против попыток США столкнуть Шри Ланку с пути неприсоединения.

В этом смысле виденный мною любительский спектакль был куда более уместным в ланкийской жизни. Интересны попытки некоторых ланкийских режиссеров вложить современное содержание в традиционную плясовую пантомиму. Элементы балета и драмы в сочета-

нии с народными плясками в масках выстроены в сюжетное сценическое повествование. Одни персонажи в масках, другие — без, одни условны, другие подчеркнута реалистичны...

Ланкийский театр только зарождается. Кино же, если судить по фильму «Сита — дьявол», вступает в пору возмужания. Сюжет этого фильма представляет собой ланкийский вариант «Рамаяны». Как известно, жену великого Рамы Ситу украл и увез на Ланку коварный король ракшасов Равана. Эпос воспевает победу Рамы над Раваной и освобождение Ситы. Уже своим названием — «Сита — дьявол» фильм оспаривает основную концепцию «Рамаяны». Авторы фильма считают, что Сита явилась причиной изнурительной борьбы двух воинов и гибели Раваны. Последний же вовсе не был гнусным похитителем чужой жены. Он был лишь несчастным пленником страсти, которую исподтишка распяляла Сита. Так, через тысячи лет здесь пытаются реабилитировать Равану, который был ланкийцем! Оставляя на совести авторов такую постановку вопроса, скажу лишь, что сделан фильм талантливо. Действие все время переносится из глубокой древности в сегодняшней день, древние рыцари вдруг превращаются в современных молодых людей, острота древнего конфликта то и дело проверяется на современном оселке. Фильм пронизывает ненавязчивая, немного печальная ирония. Немало изобретательности проявляет оператор, с необыкновенной нежностью показывающий ланкийскую природу...

* * *

Волны, вздымаясь, с ревом бросаются на берег и, разбиваясь об его твердь, медленно и нехотя отступают. Отсюда, с крутой скалы, океан кажется рассерженным, встревоженным и грозным. Но если повернуться к нему спиной и пройти через большой, разбросанный, забитый машинами и велорикшами город, можно увидеть с противоположной стороны совсем другую синь. Тихую, ласковую, усмиренную. Этот заливчик считается самой удобной естественной гаванью в Индийском океане. Стремление обладать ею, как полагают ланкийские историки, было одной из главных причин, побудивших англичан начать в 1796 году завоевание Шри Ланки. И полуостров, и город, и заливчик зовут общим име-

нем — Тринкомали. Вдоль берега заливчика расположено около ста резервуаров для жидкого топлива водоизмещением по 10—12 тысяч тонн каждый, которые были частью старой английской военной базы. С тех пор как Шри Ланка стала независимой и, присягнув принципам неприсоединения, потребовала эвакуации английской базы в Тринкомали, прошли десятилетия. Джунгли вплотную приблизились к гигантским бакам и кое-где заключили их в свои вязкие объятия. И вдруг об этих баках заговорил весь остров. Сокращенное слово «Тринко» замелькало в газетных заголовках, зазвучало на массовых митингах протеста.

Дело в том, что нефтяная корпорация Шри Ланки заключила было с американской нефтяной фирмой «Коустал Бермуда Лимитед» соглашение о создании на базе резервуаров в Тринкомали так называемого «международного нефтехранилища». Речь шла не только о сдаче в аренду этих резервуаров Соединенным Штатам, но и о работах в акватории залива, которые дадут возможность захода в него судов более крупного водоизмещения, и о непосредственной близости от резервуаров системы «Дабл Ар» или «Двух Р» (на эти буквы начинаются слова «отдых» и «восстановление»), городка, в котором американские моряки, в том числе и военные, могли бы отдохнуть в промежутках между рейсами. Все это должно было, как утверждали официальные лица, принести Шри Ланке огромную экономическую выгоду.

Перспектива создания на острове фактической американской военной базы вызвала волну возмущения. Вот тут-то я впервые по-настоящему увидел, на что способны спокойные, улыбчивые ланкийцы. Я был на массовых митингах, на которых выступали представители самых различных политических партий. Я фотографировал мощные процессии протеста, импровизированные встречи молодежи на улицах. В движение пришла вся страна. Не помогли ни увещевания официальных лиц, ни клятвенные заверения представительницы США в ООН Джин Киркпатрик, прибывшей в Коломбо, что речь идет лишь о коммерческой сделке.

— Ребенку ясно,— говорил мне тогда известный журналист Мервин де Сильва,— что «чисто коммерческая сделка» приведет в конечном счете к созданию на нашем острове американской военной базы. И в том, что правительство решилось впустить к нам троянского

коня в виде базы в Тринко, скорее его беда, чем вина. Американцы используют наши экономические трудности, чтобы столкнуть нас с позиций неприсоединения...

Движение протеста приняло такие масштабы, что правительство вынуждено было отказаться от «чисто коммерческой сделки».

Шантаж, однако, не прекратился. Столкновения на этнической почве не только не улеглись, но и участились. Сингальские шовинисты убили около трехсот тамиллов. Трагические события в Коломбо и других городах Шри Ланки вызвали протесты в индийском штате Тамилнаду и во всей Индии. Много дней не снимали с рукавов траурные повязки индийские тамилы. Специальный эмиссар индийского правительства М. Г. Партахасаратхи попытался свести за столом переговоры правительство Шри Ланки и представителей Тамильского объединенного фронта освобождения (ТОФО). Джуниус Джаявардене категорически отказался разделить сингальскую и тамильскую общины на автономные области в рамках единого государства. Весь этот кризис понадобился американцам для того, чтобы дестабилизировать обстановку в Шри Ланке и тем самым расчистить себе путь к обладанию базы в Тринкомали.

* * *

Подъезжаю к Хиккадуве. Простоволосые пальмы склонились над океанской синью. Тишина. Сажусь в катмаранчик, точно такой, как у рыбаков в Негомбо. Лодочник быстро проходит зону рифов, и в километре от берега я ныряю в маске и долго парю в воде над фантастическими зеленовато-синевато-розовыми зарослями растопыривших пальцы кораллов, любуюсь полосатыми ярко-желтыми рыбками, каракатицами, стремительно разбегающимися под прикрытием чернильных завес.

— Сейчас почти ничего не осталось под водой, сэр, — говорит с грустью лодочник. — Лет десять назад подводный мир был куда богаче. Сейчас только у Мальдивов так, как было у нас еще недавно. Цивилизация.

Но мне не с чем сравнивать то, что я вижу, и я снова и снова ныряю, наслаждаясь поразительными картинами, созданными природой, которую человек и здесь, оказывается, начал «покорять».

На следующий день меня знакомят с Артуром Клар-

кѡм, авторѡм шестидесяти книг, которыми зачитываются во всем мире. Писатель-фантаст является также и крупным ученым, исследователем подводного мира Шри Ланки. Его дом в Коломбо — своеобразная лаборатория подводного спорта: специальные помещения для множества подводных костюмов, ласт, аквалангов, карты морских течений, мелей, рифовых зарослей и заграждений. Кларк навсегда поселился в Шри Ланке. Могучий старик, высокий и прямой, как жердь, и облаченный в южноазиатскую юбку, которую одни называют лунги, а другие саронгом, встречается меня у ворот, ведет в свой заваленный книгами, увешанный картами и диаграммами кабинет. В оконное стекло вплавлена огромная линза, позволяющая хозяину видеть, кто подходит к его порогу. Кларк смеется, поит меня кофе, протягивает номер советского журнала со статьей о его творчестве. Ведь он — неумная энергия, действие, дело. Говорю о том, что слышал от лодочника в Хиккадуве. Он мрачнеет на миг, потом замечает:

— Ничего, все постепенно восстановится. Человечество в последние годы заметно поумнело, все больше ощущает себя частью природы. Я смотрю с оптимизмом на будущее природы и человечества. И на будущее Шри Ланки, которая была для меня островом грез еще в юности.

Вода сошла...

Этот город в городе — огромный комплекс красно-серых зданий с парламентом в центре спроектировал знаменитый Луи Кан. В пакистанские времена, то есть во времена, когда Бангладеш называлась Восточным Пакистаном, он был Айюб-нагаром — по имени тогдашнего диктатора. После провозглашения Бангладеш комплексу присвоили имя известного национального героя бенгальцев-мусульман Шер-э-Бангла. Однако, как и прежде, он оставался недостроенным. И в 1968, и в 1977, и в 1980 годах я, приезжая в Дакку, заставал ту же картину: замершие будто навсегда краны, обросшие ветхими лачугами стены. И вдруг летом 1981 года задвигались эти окаменевшие на полтора десятилетия краны, забегали с горками кирпичей на головах худенькие женщины. То, что было невозможно сделать в течение многих лет, было сделано в считанные месяцы.

И волшебный Шерэбангланагар открылся взору во всем своем великолепии. Джатъя Шангшад — однопалатный парламент успел даже однажды позаседать в новом здании.

Однако здание подлинной государственности, истинной демократии и политической стабильности построить куда труднее, чем воплотить в жизнь линии причудливой фантазии Луи Кана. Напрасно старался Абдус Саттар, напрасно спешил закончить комплекс к президентским выборам...

Я прилетел тогда в Дакку на президентские выборы, назначенные после убийства Зиаур Рахмана. Был ноябрь 1981 года. В третий раз я был свидетелем всеобщих выборов в этой стране. В 1978 году я наблюдал президентские выборы, на которых победил покойный Зиаур Рахман. В 1979 году писал о выборах парламента — первого после разбежавшегося в результате убийства предыдущего президента, шейха Муджибур Рахмана.

Дакка преподнесла мне в тот раз немало сюрпризов. С широкой Эйрпорт-роуд убрали чугунные разделительные ограды, уродовавшие улицу. Выросли ряды новых, богатых особняков в аристократическом районе Гульшан, открылся роскошный даже по европейским стандартам отель «Сонаргаон», в котором стоимость порции мороженого равна двухдневному заработку рикши. Центр Дакки стал вроде бы чище, просторнее и наряднее. Однако чистота и нарядность эти еще резче оттеняли нищету и убожество большей части города. Как и прежде, к остановившейся машине бежали наперегонки десятки нищих, требовавших бакшиш. Как и прежде, сотни тысяч голодных, оборванных, изможденных, изъеденных страшными болезнями людей прозябали в грязных халупах старого города и прилегающих кварталах нового. За два года моего отсутствия Дакка помолодела лишь с фасада. Чрево ее осталось прежним.

Обилие политических партий, разделенных к тому же на множество фракций, непрерывное отпочкование новых партий, групп, группировок и кланов, способность большинства партий руководить частью учащих-ся, создавать из них всякого рода «боевые когорты», умение политиков ловко манипулировать настроением толпы и, наконец, широко используемая возможность «дешево», за плошку риса, купить голос — вот условия,

придающие любой выборной кампании в Бангладеш исключительное своеобразие.

Всякий раз, присутствуя на многотысячных митингах у мечети «Байтул Муккарам», во время которых толпа непрерывно повторяла за ораторами два слова — «зиндабад» и «мурдабад» («да здравствует!» и «дойлой!»), я думал о том, как, в сущности, мало представляют себе эти люди характер собственного выбора. Всегда и везде они выбирают обязательную плошку риса, нервную тряпку-лунги, чтобы обернуть бедра, улицу, не залитую кровью, не подавленную грохотом танков, урожай, который не унесет взбунтовавшаяся вода. Всякий раз они надеются, что их избранник сумеет уничтожить нищету, повести действенную борьбу против стихийных бедствий, добиться политической стабильности. Но пути к осуществлению всего этого им едва ли ведомы. А кандидаты в президенты не скупаются на обещания. Обещать, как известно, куда легче, чем выполнить обещанное. Даже если искренне стремиться к этому. Ведь помимо стремления и желания есть еще и множество объективных и субъективных условий. Два президента Бангладеш были убиты, так и не выполнив большей части задуманного...

Тогда, в ноябре 1981 года, я привычно включился в бангладешскую выборную игру, то есть начал мысленно раскладывать пасьянсы из участвовавших в ней политических фигур. Отставной генерал Османи, который во время президентских выборов 1978 года был основным конкурентом Зиаур Рахмана, вдруг резко постарел. Изменились и политические платформы партий, поддерживавших его в 1978 году. Его выдвинул на этот раз некий «гражданский комитет», и голосов он получил немного. Главным оппонентом кандидата Националистической партии Бангладеш Абдус Саттара, получившего две трети голосов, был кандидат крупнейшей оппозиционной партии «Авами лиг» Камал Хоссейн. «Авами лиг», партия убитого президента Муджибур Рахмана, возглавляемая его уцелевшей дочерью Хасиной, укрепила в последние годы свое пошатнувшееся было влияние в массах. Ее избирательный символ — лодка — красовался повсюду в Дакке. Иногда на специальных помостах, перекинутых через улицы, возвышались огромные многометровые макеты лодок.

Среди трех десятков других кандидатов выделялся профессор Музаффар Ахмед, лидер Национальной на-

родной партии, стоящей на прогрессивных позициях. Его кандидатуру поддержали бангладешские коммунисты.

Неожиданно много голосов получил вчера еще никому не известный 83-летний маулана Мохамедулла, исламский фундаменталист и яростно отрицавший все, что не имело к Корану прямого отношения. Говорят, он отнял тогда немало голосов у кандидата правящей партии.

За несколько дней до выборов улицы Дакки были заполнены возбужденными толпами. Автобусы и грузовики, украшенные изображением рисового колоса — символа правящей партии, — подвозили к площадям все новых и новых людей. С портретом кандидата — престарелого Абдус Саттара был повсюду сопоставлен портрет убитого Зиаур Рахмана на красно-красном фоне. Я вспомнил короткий свой разговор с покойником, который был молодеват и подтянут, вспомнил его в плотном кольце журналистов после победы на президентских выборах, его резкие движения и нервно ерзающую ножку в аккуратненьком сапоге, запутавшуюся в проводах от микрофонов. Подумалось: куда же лезет этот лысый старик, во что он играет, неужели и ему хочется разделить участь двух своих предшественников, один из которых имел непререкаемый авторитет у всего народа, другой был обаятелен, энергичен и с большим искусством, медленно и уверенно трансформировал свой военный режим в гражданский. У Абдус Саттара же не было ничего — ни авторитета, ни большого политического опыта, ни влияния в армии, ни обаяния...

Молодежь между тем, обрадованная возможностью покричать во всю мощь легких, скандировала примитивные лозунги. У Искатана мою машину окружила группа смеющихся молодых людей. Из озорства, не поняв даже, что я иностранец, они приподняли автомобиль сзади, пытаясь его раскачать. Я ушел от них лишь благодаря тому, что у «Хонды» передние колеса — ведущие.

Кое-кто назвал выборы фарсом. Оппозиционные партии обвинили правительство в подтасовке при подсчете голосов. Однако оспорить результаты выборов сколько-нибудь серьезно никто не решился.

Саттар и до выборов и после них заявлял, что будет продолжать дело своего «убитого молодого друга».

А с именем Зиаур Рахмана у людей ассоциировалось несколько лет более или менее спокойного развития страны. Люди помнили его попытки навести порядок в экономике, ослабить коррупцию. При жизни Зию ругали кто только мог — и за то, что он делал, и за то, к чему не имел никакого отношения. Смерть как бы причислила его к лику святых. Один лавочник в разговоре со мной чуть не плакал, утверждая, что у Зиаур Рахмана якобы не было счета ни в одном из банков. Всем этим правящая партия умело воспользовалась. В итоге режим, созданный в свое время армией (генералом Зиаур Рахманом, заменившим впоследствии свой мундир на элегантный фрак), возглавил 75-летний сугубо штатский, не блещущий здоровьем и отнюдь не яркий юрист, не преминавший в одном из заявлений отвести армии лишь частную роль «защитника государственных границ».

Генерал Мохаммед Эршад, бывший, как и Саттар, доверенным лицом Зиаур Рахмана, тут же заявил, что армия не намерена оставаться в стороне от политической жизни, что она будет вносить в развитие событий в стране свои коррективы.

Это заявление тогда показалось мне странным. Я не раз встречался с Эршадом и пил с ним чай в дни, когда в Дакку приезжали советские спортсмены, а он отвечал за развитие спорта в Бангладеш. Молчаливый и даже застенчивый генерал прижимал руку к сердцу и улыбался.

Через четыре месяца после выборов 1981 года Эршад самым радикальным образом выполнил свое обещание относительно коррективов. Он прекратил короткое президентство Абдус Саттара, объявил военное положение, запретил деятельность политических партий, собрания и манифестации и ввел комендантский час. Абдус Саттару оставалось лишь поддержать бескровный военный переворот... «Мы берем власть, чтобы вывести страну из состояния экономического и политического банкротства, освободить ее от коррупции», — подчеркнул Эршад.

Сможет ли он выполнить свое обещание? Собирается ли? Что ждет его самого в ближайшие годы?

Он начал быстро наводить порядок на транспорте. Расследовал злоупотребления полиции, пресек торговлю номерами для велоколясок, сократил число рикш на главных магистралях и, наконец, вернул столице ее

настоящее бенгальское имя, искаженное в свое время англичанами. Дакка теперь называется Дхака.

Все газеты публикуют на первых полосах фотографии, на которых генерал в пестром маскировочном комбинезоне, но при всех регалиях беседует с крестьянами, иностранными дипломатами, учеными, политическими деятелями. Раньше он командовал генеральным штабом и спортом. Теперь дел поприбавилось.

А что же страна? Внесены ли в ее жизнь обещанные изменения? Думаю, что мой знакомый генерал Эршад не ответил бы на этот вопрос утвердительно. Впрочем, он, кажется, нашел «выход»: в печати ряда стран появляются все более уверенные предположения, что Бангладеш намеревается разрешить военно-морским силам США создать базу под Читтагонгом. Все более зависимым от американских денег становится генеральский режим.

* * *

У даккского, то есть дхакского, речного вокзала я жду знакомого поэта. Люди в рваных лунги, расталкивая друг друга, рвутся к пристани, осаждают пропускной пункт, что-то орут истошными голосами. Полицейский в белоснежной униформе — никогда не мог понять, как она сохраняет свою белоснежность в здешней влажной жаре, — бьет наотмашь по лицу босоногого паренька. Безрукий прокаженный, которого я встречал не раз и в аэропорту, дотрагивается культей до моего пиджака и надрывно требует бакшиш.

Пот льет с меня градом. Я, как и все, давно перестал обращать на это внимание. Стоит невыразимый гвалт. Широкая грязно-желтая Буриганга — один из рукавов Ганга — утыкана жухлыми парусами джонок. По ней шлепают и лопасти нескольких больших пассажирских пароходов.

Вся Бангладеш — гигантская лужа, образованная слиянием Ганга и Джамуны и их совместной дельтой. Отсюда, с речного вокзала Дхаки, можно попасть практически в любую точку страны.

Пароходы режут, заглушая на время гвалт толпы. В эту жуткую какофонию врзается вдруг пронзительно тонкий крик муэдзина. Потом к нему присоединяется другой молла, потом третий... В старой Дхаке сотни минаретов. Кое-кто из рвущихся к пристани цепенеет,

затем лихорадочно начинает искать место для совершения намаза. Но места нет. Там, за оградой, его хоть отбавляй. Я вижу, как неожиданно чистенький старичок в шапочке с кружевами, свидетельствующей о том, что он — хаджи, то есть человек, совершивший хадж в Мекку, расстилает какую-то тряпку и, вымыв руки и ноги водой из маленькой фляги, быстро опускается на колени...

Кабир наконец появляется. В руках у него бенгальский букет, то есть кусок толстого стебля какого-то растения, похожего на тростник, с чем-то вроде твердого плода на конце. На этот плод, утыканный иглами, тесно насаживаются этакой полусферой цветы, лишенные стеблей.

Мы едем к старухе, его дальней родственнице, которая обещала спеть для меня баромаси — бесконечно длинную бенгальскую женскую песнь о каждом из двенадцати месяцев разлуки. Баромаси — одно из поразительных направлений бенгальского фольклора. Но сейчас мало кто в городе способен на эту импровизацию гимна любви. В тесноте, зловонии и гвалте у людей притупляются чувства. Старуха, оказывается, живет километрах в двадцати к северу от Дхаки, в деревеньке у Майменсингхского шоссе. Отчаянно гудя, мы медленно выбираемся из потока рикш, подвод, лошадиных упряжек, велосипедов, из смрада и шума.

В отличие от бангладешских городов, в которых глазу не на чем отдохнуть и человек находится в состоянии подавленности от всего, что он видит вокруг, деревни этой страны живописны, краски их щедры и добры. Деревенька, в которую мы попадаем, состоит из нескольких крошечных островков-усадеб, утопающих в зелени пальм и баньянов. К одной из них ведут от дороги мостки. Внизу, вокруг островка, густо зеленеет созревающий рис. В сезон дождей усадьбы сообщаются друг с другом с помощью лодок. «Двухкомнатная» хижина крыта соломой, стены ее сделаны из джутовых стеблей, скрепленных глиной. Родственница Кабира вовсе не старуха, ей немногим больше сорока. Этот возраст считают в бенгальской деревне преклонным — там редко кто доживает до пятидесяти.

— Спой, тетка Шэнас, — просит Кабир. — Мой друг никогда не слышал баромаси.

Тетка Шэнас оправляет зеленое сари, надетое, очевидно, на голое тело — у крестьянок не бывает денег,

чтобы обзавестись кофтами и нижним бельём,— садится, скрестив босые ноги в ссадинах и порезах, опускает сложенные лодочкой изящные руки с загрубевшими пальцами. И мы с Кабиром погружаемся вдруг в ее тайную думу, печальную и радостную, горькую до отчаяния и неожиданно нежную. Голос ее звучит то грустным контральто, то звонким колокольчиком. Бесконечно длинные ноты сменяются каскадами кратких возгласов речитатива.

У нее даже нет трехструнной бенгальской брэнчалки.

У нее нет ничего, кроме этой хижины и шестерых сорванцов, младшему из которых девять. Но у нее есть ее несравненная песня.

Тяжек удел бангладешского пахаря. Думаю, что нигде больше в мире не испытывает крестьянин такой горечи. Засухи и наводнения в течение нескольких дней уничтожают результаты полугодового труда бенгальского земледельца. Все время нависает над ним угроза голода. Ежедневная мысль его направлена на то, чтобы выжить. Не завтра или послезавтра, а сегодня. Не умереть и не дать умереть своим детям сегодня — вот его главная забота.

Какова реальная перспектива развития сельского хозяйства в этой многострадальной стране? Когда бенгальский земледelec, составляющий 85 процентов 90-миллионной страны, сможет распрямиться, спокойно вздохнуть и прокормить себя? Тогда, очевидно, когда прекратится его зависимость от капризов погоды.

Покойный Зиаур Рахман за два года до своей гибели провозгласил «революцию» в деревне. Он призвал крестьянство начать повсеместное рытье каналов. Слово «диггинг» — рытье стало непременным компонентом газетных заголовков, а аккуратенький президент то и дело появлялся на телеэкране с киркой или заступом в руках. Обступавшие его на том же экране крестьяне и зажиточные владельцы телевизоров в своих квартирах с изумлением наблюдали, как споро и точно работал президент.

Его уже нет, и слово «диггинг» забыто. О самостоятельном рытье каналов никто больше не говорит. Но споры о том, как помочь крестьянину и стране, обычный дефицит зерна в которой составляет два — три миллиона тонн, а во время стихийных бедствий нередко удваивается, продолжают.

Я еду в Майменсингх поговорить об этом со специа-

листами. Майменсингхский университет — один из крупнейших в Бангладеш, на шести его факультетах учится около пяти тысяч студентов, преподает две с половиной сотни ученых.

В город въезжаю незаметно, оказываюсь вдруг на крутом берегу Брахмапутры. В отличие от большинства здешних рек она зеленовато-синяя, прозрачная и не кажется очень уж широкой. Это, конечно, лишь один из рукавов могучей реки, его вполне можно было бы принять за какой-нибудь Днестр. Не могу точно сказать, сколько жителей в Майменсингхе. На глаз — тысяч 200. Грязи такой, как в Дхаке, нет. Хорошо выглядят современные корпуса университетского городка, построенные с учетом жары, легкие, просторные, чистые. На небольшой зеленой площадке разбит палаточный бивак с государственным флагом на высокой мачте.

— Это полиция, — сообщает мне улыбаясь преподаватель университета мистер Хак. — Студенты народ опасный, вернее, взрывоопасный, поэтому полиция у них под боком и всегда начеку.

Слова моего спутника подтверждают гигантские лозунги, намалеванные красной краской на стенах зданий. Некоторые из них едва ли пришлось бы по вкусу президенту Эршаду.

Знакомство с университетом начинаю с большой фермы, которая является экспериментальной базой и одновременно кормит студентов и преподавателей. Мистер Хак представляет мне худенького юношу в очках, мистера Ахмеда, заведующего птичником.

— Нам нужно минимум 10 тонн кормов, а мы имеем лишь три, — говорит мистер Ахмед, показывая свое хозяйство.

— А что вам мешает иметь все десять, у вас вон сколько земли, — сердито возражает юноше мистер Хак. — Вот вам, — он обращается уже ко мне, — наглядный пример распространенного у нас отношения к делу. Все ждут, что им преподнесут все необходимое.

Молодой человек выслушивает это, опустив голову, тем самым признавая справедливость сказанного. -

— Все-таки мы на 80 процентов себя окупаем, — вдруг радостно вспоминает он. — Дотация покрывает лишь 20 процентов производственных затрат.

Мистер Хак ядовито ухмыляется — что, мол, с тебя возьмешь, — и мы с ним отправляемся к молодому профессору ботаники доктору Вадуду. Через несколько

месяцев истекает срок его деканских полномочий. В отличие от высших военных администраторов и президентов деканы в Бангладеш приходят к власти вполне демократическим путем — их избирают строго на два года. Закончив деканство, Вадуд сможет уделять больше внимания чистой науке. А сейчас ему предстоит принять экзамен, и для интервью он располагает лишь 20 минутами.

— Наш университет, — рассказывает он, — в первую очередь учебное заведение. Выпускники получают степень бакалавра и направляются на работу в различные отрасли сельского хозяйства. Большая часть их должна по идее заниматься координированием сельскохозяйственной деятельности на местах. Это соответствует государственной программе расширения подготовки специалистов в различных отраслях сельского хозяйства с высшим образованием. Подготовкой специалистов занимаются земледельческий, ветеринарный, рыбный, животноводческий, механизаторский и экономический факультеты. Вы знаете нашу систему? В министерстве сельского хозяйства и лесов есть два управления — производственное и исследовательское. Кроме того, существует ряд корпораций, среди которых я хочу выделить корпорацию развития. Оба управления и корпорация развития особенно нуждаются в наших выпускниках — агрономах, ветеринарах, рыбаках. Мы готовим также и научных работников, которые направляются в различные научно-исследовательские институты — джутовый, рисовый, табачный.

Новые сорта риса? Это уже из другой оперы. Научно-исследовательский институт рисоводства, например, освоил ряд весьма эффективных филиппинских сортов, которые можно выращивать круглый год, независимо от сезона. Но экономичные сорта сами по себе не избавляют от необходимости регулирования воды. Отсутствие воды или ее избыток — вот основная проблема, милостивый государь...

Исчерпывающе точен и краток профессор. Когда он говорит о воде, я смотрю на цифры, выписанные мною только что из справочника. Наводнение 1974 года полностью разрушило 651 633 крестьянских дома, частично — 1 383 431 дом, уничтожило 47 005 голов крупного рогатого скота и урожай на 20 240 квадратных километрах полей. Оно убило 1988 человек. Это только одно крупное наводнение!

Территория страны — 143 998 квадратных километров. Большая часть ее — 132 тысячи квадратных километров — отведена под пашни. 88 тысяч культивируется под один урожай, 38 600 — под два и 5400 — под три урожая. Всего около 12 тысяч квадратных километров составляет площадь многочисленных городов и рек — крупнейшей в мире дельты Ганга, Брахмапутры и Мегхны. На этих же 12 тысячах умещается свыше 90 миллионов человек! Такое интенсивное использование земли могло бы привести к высоким урожаям, если бы не засухи и наводнения. Сейчас все понимают, что укротить великие реки субконтинента можно лишь совместными усилиями ряда стран, по которым они протекают. Договоренность этих стран друг с другом могла бы создать для ряда других государств и международных организаций выгодное поле для капиталовложений. Более того, существует несколько проектов совместного использования вод Ганга. Однако ни один из них по тем или иным, чаще всего политическим, причинам не устраивает заинтересованные стороны.

Конечно, комплексное решение проблемы рек, создание на них мощных гидросооружений на всем протяжении Ганга в будущем, а я уверен, что это будущее не так уж далеко, внесет-таки изменения в положение бенгальского крестьянина. Но и оно, разумеется, не решит острых социальных проблем.

О них я беседую с деканом факультета экономики и социологии села профессором Ашрафом Али. Профессор сидит в своем кабинете, окруженный восьмью своими коллегами, его внимательный взгляд изучающе скользит по моему лицу. Профессору пятьдесят, меж глаз его пролегла резкая борозда-морщина, губы сложились в едва уловимую улыбку.

— Да, вода — огромная проблема, и решение ее, конечно, многое изменит в положении крестьянства, — соглашается он. — Но есть еще более важный вопрос — вопрос о системе землевладения и землепользования. Вы знаете, сколько у нас было безземельных крестьян лет пять назад? Всего 20 процентов. А сегодня почти половина сельских жителей не имеет наделов. Население растет катастрофически быстро, наделы дробятся, становятся все более мелкими, их обработка оказывается все менее эффективной. Огромное, подавляющее большинство хозяйств — это 2—3 акра земли... Слезы! Есть какое-то количество так называемых абсентеистов,

людей, сдающих свою землю внаем. Но их сравнительно немного, да и участки их невелики. Передача этих участков крестьянам мало что изменит. Ясно, что земля дальше дробиться не может. Ясно, что назрела необходимость земельной реформы. Но никто не знает, как к ней подступиться. Вот профессор Джасим сейчас проводит исследования в области сельского кооперирования...

Профессор Джасим — совсем молодой человек с добрым и умным взглядом. Ему, видимо, под тридцать. Чувствуется, что он привык семь раз отмерять, прежде чем резать.

— Вопрос о кооперировании может быть кардинально решен лишь в общенациональном масштабе и, разумеется, с использованием зарубежного опыта, — говорит он. — Однако, мне думается, вопрос об абсентеистах не так уж мало важен, как считает мой коллега. С ними, к сожалению, ничего не поделаешь — чаще всего это крупные чиновники и даже представители правящих кругов.

Ясно, что эффективное кооперирование требует национализации... Пока что мы лишь разрабатываем для крестьян ряд рекомендаций — как вести совместное хозяйство простейшего типа. Характерно, что и крестьяне видят сейчас единственный путь спасения в кооперировании, часто сами создают кооперативы, обращаются к нам за советом. В ряде случаев мы наблюдали весьма поучительные результаты...

Мистера Джасима перебивает доктор Акбар, человек весьма темпераментный:

— Совершенно очевидно, что без национализации все эти эксперименты ни к чему существенному не приведут. А как ее провести — никто не знает. Надо ведь выработать четкую политику — поддержать ли в первую очередь более или менее зажиточного крестьянина, чтобы быстрее получить экономический эффект, или начать с бедняка. А может быть, следует сперва объединить для работы на национализированной земле огромную массу безземельного крестьянства? Получается замкнутый круг — без национализации не решить социальных проблем, без предварительного решения этих проблем не провести национализации. Вот вы, мистер Джасим, умеете дело с кооперативами, созданными более или менее крепкими хозяевами, ибо только такие объединения оказываются сегодня удач-

ными. А что делать с остальными? Имущественное различие между крестьянами хоть и невелико, но имеет существенное значение...

Ученые увлекаются спором, забыв обо мне, его возбудителе. Я думаю о том, что эти люди куда более целенаправленно думают о будущем своего народа, чем те, кто пытается говорить от его имени в Дхаке. Думаю о несчастной стране, которой пока что не удается решить ни одной из острейших проблем. Когда кончается сезон дождей и вода сходит, обнажаются крошечные лоскутки полей, обреченные на дальнейшее измельчение.

Еду обратно. В нескольких метрах от дороги пожилая женщина переступает босыми ногами по огромным лопастям колеса, перегоняя воду с нижнего поля на верхнее. Зависит ли будущее ее детей от криков «зиндабад» и «мурдабад» у Байтула? Или от спора мистера Акбара с мистером Джасимом? Трудно сказать. В одном я уверен: будет время — сойдет вода и все под ней будет новым, свежим и чистым.

У вечных гхатов

Поля, просторные, возделанные мощными тракторами, и совсем крошечные, вспаханные допотопной сохой, сверкающий изумруд рисовой рассады и тяжеловесный оникс пшеничных всходов, тенистые деревья по обочинам шоссе, кое-где сомкнувшие свои кроны, иногда усыпанные мириадами красно-оранжевых цветов, важно вышагивающие верблюды, редкие слоны с погонщиками в тюрбанах на спинах да женщины с кувшинами на головах, ритмично позвякивающие браслетами-бубенцами на худых, жилистых, черных от загара босых ногах... Обычная индийская дорога, характерная и для Уттар-Прадеша. То и дело она оглашается сиренами двадцатитонных грузовиков местной марки «Тата» — скрежещущих, ярко размалеванных лозунгами на хинди и примитивными рисунками, увешанных амулетами, груженых цементом или кирпичом тупорылых чудовищ.

Уттар-Прадеш — самый крупный по населению штат Индии. И самый типичный, если можно вообще говорить о типичном в этой стране. Нет, пожалуй, ни одной общенациональной проблемы, которая не находила бы здесь самого острого, самого яркого отражения — идет ли речь о политике, экономике, социальном развитии или религиозно-кастовых противоречиях.

Именно здесь наиболее остро стоят вопросы об аграрном перенаселении, о зверской эксплуатации бывших неприкасаемых — хариджанов, большей частью безземельных батраков, именно здесь чаще всего вспыхивают, нередко поощряемые из-за рубежа кровавые столкновения между индусами и мусульманами. И именно этот штат, располагающий огромными ресурсами — его население составляет 110,8 миллиона человек, — остро нуждается в индустриализации, осуществляемой республикой Индией.

В Уттар-Прадеше находится большая часть великой индийской реки Ганг.

Я медленно подъезжаю к Хардвару. Горы неожиданно возникают вдали, как марево, их ломаные линии теряются в размытой синеве. Еще немного — и они становятся реальностью, манят курчавым лесом, обступают меня со всех сторон, ласковые, будто ручные. Не верится, что это начало суровой гималайской гряды, с которой я так часто соприкасался в Непале.

«Хардвар» означает буквально «Дверь бога». Согласно легенде, в которую свято верит ортодоксальный индус, сам грозный Шива помог в свое время правителю Бхагиратху совершить здесь чудо — открыть путь реке — богине Ганге (Гангу) с небес на землю. И великий Ганг устремился к равнине и принес благоденствие миллионам людей. И потому в Хардвар стекается каждые двенадцать лет, когда наступает по индусскому календарю месяц кумбх, множество паломников. Но и в обычное время их немало в Хардваре. Вот они — у каменных гхатов, которые установил, говорят, сам Вишну. Здесь, в верхнем течении своем, Ганг невзрачен, узковат. Читают священные свитки под тентами белобородые старики, на шеях которых висят бусы из кусочков священного дерева тулси, священные коровы, как и всюду, невозмутимо пережевывают отнюдь не священные отбросы, женщины творят молитву, предшествующую омовению. Несколько сухоньких старушечьих фигур уже погрузилось в зеленоватую воду узкой протоки в середине каменистого русла. Вся живописная излучина, окруженная невысокими горами, усеяна людьми, стремящимися позабыть на время о мирской суете, обрести очищение в священных водах или исцелиться от тяжелой хвори.

Хардвар, несмотря на обилие лавок, торговцев, всевозможных паломников, кажется тихим и спокойным. Узнаю в нем неторопливость, которая столько раз удивляла меня в Непале. Там и сям высятся чуть сплюснутые пирамидки молелен-чайтьев, изваяния многоруких божеств, одно из коих расположено в центре круглого водоема, напоминающего наши бассейны при фонтанах.

Каких только богов нет в храмах Уттар-Прадеша! Живется им в принципе неплохо, хоть и не без приключений. Бог воздуха, знаменитый «Паван Раджа», сделанный из восьми металлов, в том числе драгоцен-

ных, и украшенный бриллиантами, исчез однажды из храма Дагешвар в Алморе. Полиция, разумеется, не могла поверить, что древнее сокровище, весящее сто десять килограммов и имеющее размеры человеческой фигуры, ушло из храма само, на своих бронзовых ногах. Выяснилось, что бога вынесли из храма ногами вперед и, прикрытый саваном, он невольно изображал покойника, которого группа бандитов сопровождала якобы к месту кремации. «Похоронная» процессия не вызвала ни у кого подозрений. Гангстеры сбывли бога за божескую цену перекупщикам, которые продали его богатому американцу за 20 миллионов рупий. Полиция напала на след безбожных преступников вовремя: бог еще не успел покинуть пределы Индии. Испытав ряд неприятно-острых ощущений, он благополучно вернулся на свое место.

Уттар-Прадеш, как и вся Индия, многолик. Близость Канпура я ощущаю задолго до того, как моя машина оказывается на его тесных улицах. Канпур занимает восьмое место в иерархии индийских городов. В нем живет 1,68 миллиона человек. Только что я прочитал в газете о 90-летнем хаджи из Канпура, который вступил в одиннадцатый брак, женившись на сорокалетней женщине. У него, однако, лишь двое детей.

Все больше становится тупорылых «траков», все чаще мелькают поселки-спутники, все более тяжким оказывается плен, в который берут автомобиль велосипеды и велоколяски. Деревья исчезают, начинаются бесконечно длинные серые стены, за которыми тянутся тоже длинные, как корабли, корпуса предприятий. Вот и первые ворота, у которых красуется огромная и наивно-лаконичная надпись: «Оружейный завод».

Боже, какой он тесный, этот Канпур. Ни пройти, ни проехать. Ни просвета между домами. Рядом со сверкающей золотом куполов сикхской гурудварой — пузатая мечеть с четырьмя тонкими минаретами. Тут же три огромных синих скульптурных лица богини Кали у индуcского храма. Десятки сросшихся друг с другом москательных лавок. И вдруг — миниатюрный дом, фасад которого сделан в виде лица женщины: высокий лоб, пробор с синдуром, вздернутый носик с кольцом в правом крыле и, наконец, широко открытый рот, служащий дверью. Тут же — забор какого-то завода. Спрашиваю дорогу у полицейского на постаменте. Выясняется, что по-английски он не говорит. Так же как не

говорят остановившиеся около нас из любопытства женщина с ребенком на бедре, водитель трехколесного мотороллера, старый рикша и респектабельный джентльмен, надевший, несмотря на жару, малиновый пиджак и оранжевый галстук. «Индийский Манчестер», как именуют Канпур английские справочники, явно не в ладах с английским языком, который принят в уличном обиходе и в Дели, и в Калькутте, и в Бомбее. Не вижу я здесь и роскошных отелей с безукоризненно чистыми ресторанами и европейскими барами. Черный дым застилает ослепительно синее небо, горячие лучи солнца исполосовали пеструю, гудящую толпу, расплавили изрытый резиновыми сандалиями асфальт, подсветили гипсовую фигуру в шапочке-топи, по-военному вытянувшую руки по швам,—памятник неизвестному мне канпурскому конгрессисту, подобралась к спящей у батареи мусорных баков женщине с распущенными волосами.

Этой женщине, неправдоподобно красивой и стройной, выслушивать бы с улыбкой утонченные комплименты поэтов, а не лежать в жалком рубище у зловонной помойки! Но жизнь пока далека от гармонии. Особенно здесь, в индийской «глубинке», где борьба с нищетой только начинается.

С облегчением вырываюсь из грохочущего канпурского муравейника. Мой путь лежит в Лакхнау, столицу штата Уттар-Прадеш, который, говорят, был основан братом великого героя и бога Рамы из «Рамаяны» Лакшманом, но приобрел известность в стране лишь в конце XVIII столетия, когда в условиях распада империи Великих Моголов Асаф уд-Даула превратил его в центр философии, поэзии и музыки. Позднее, во время сипайского восстания 1857 года, Лакхнау был одним из главных центров борьбы с английскими колонизаторами.

От Канпура до Лакхнау по шоссе — часа полтора, не более. Первое впечатление — опрятность, относительная чистота. Оно, конечно, усилено невольным сравнением с «индийским Манчестером». Мусульманские постройки непонятным образом гармонируют с европейской классикой, которой здесь тоже немало. Поражает здание вокзала. Это не здание даже, а система зданий, лес декоративных минаретов, невиданное столпотворение красно-желтых башен, то заслоняющих друг друга, то выстраивающихся в линию, то разбегающихся врас-

сыпную, то собирающихся в кучу. Перед этим «лесом» на гигантской асфальтовой «лужайке» дремлют составленные друг с другом тысячи велосипедов, ждут хозяев сотни машин, толпятся велоколяски, длинные многоместные трехколесные такси...

Низкие мусульманские тумбы-усыпальницы, величественная колоннада Законодательного собрания, модернизованная католическая церковь — изогнутая полукругом плоскость с белоснежной скульптурой Христа посредине, многоэтажные башни новых гостиниц, тихая набережная реки Гомати — все это слито в единый и неповторимый портрет города. Снова попадаю я в чащи из куполов и минаретов, оказавшись в медицинском колледже, или университете, или в Большой Имам-баре. Этот дворцовый комплекс был построен в 1784 году уже упоминавшимся мною навабом Асаф уд-Даулой, мусульманином-шиитом, в память о мученичестве сыновей Хазрата Али. Он представляет собой серию дворцов, замков, башен, куполов, кубов, оград. Главный зал, в котором за серебряной изгородью похоронен сам уд-Даула, считается крупнейшим сводчатым помещением в мире. Его длина — 53 метра.

В Лакхнау живет около миллиона человек. Но нет в нем скученности, грязи, пугающей бедности. Напротив, обращаешь внимание на обилие хорошо одетых, благополучных людей среди прохожих.

Из вестибюля фешенебельной гостиницы «Кларк» я наблюдаю публику, собирающуюся во внутреннем дворике: женщины в полупрозрачных ярких сари и мужчины в белом, скинув сандалии, усаживаются на мраморных плитах. Заметив седовласого старца, сидящего неподвижно, как памятник, на небольшой каменной тумбе, соображаю, что это индусский свами — отшельник-учитель, который, очевидно, будет посвящать верующих из высшей варны в тайны самопознания и самоуглубления. Так оно и есть. Вот он воздевает руки к небу и произносит тираду, заставляющую слушателей застыть в почтительном молчании. Этот свами, оказывается, большая знаменитость. Как сообщает мне кельнер, он прибыл в Лакхнау всего на один день, и поэтому брахманы будут валить сюда до глубокой ночи. У меня, однако, нет никакого желания самоуглубляться. Я знаю, что в Лакхнау много садов и хочу осмотреть хотя бы один из них.

Еду на далекую окраину города, оказываюсь в хоро-

шо ухоженном парке с обширными зелеными полянами и нарядными павильонами. Главная достопримечательность парка — ферма крокодилов. Здесь их разводят — и обычных аллигаторов, и гангских гариалов с тонкой, как клюв аиста, пастью. Гариалы хоть и относятся к разряду священных животных, предназначены для использования далеко не в божественных целях. Их кожа, оказывается, представляет значительно большую ценность, нежели кожа обычных крокодилов. На ферме их выращивают, а затем выпускают для массового размножения в специально отведенный естественный водоем. Они сидят на цементных бортиках бассейнов, копошатся в воде, отчаянно дерутся друг с другом из-за рыбы и издают зычный скрежет. Дети разглядывают их из-за стальной сетки.

И снова я на дороге. Мчусь на юго-восток, к Аллахабаду. Натыкаюсь на пробку. Три десятка водителей двадцатитонных грузовиков решили заночевать на середине шоссе. Долго бужу шофера переднего грузовика. Он просыпается, трет глаза, оправляет тряпку-дхоти, которую многие носят в Индии вместо штанов, нехотя отводит машину на обочину. Потом наступает очередь его коллеги. Не могу понять, почему они с самого начала не оставляют на шоссе проезда. Пытаюсь выяснить, есть ли в этом странном обычае хоть какой-то резон. Но водители в ответ лишь улыбаются, теребят мохнатые усы или озабоченно чешут затылки. Поведение людей на дорогах и улицах городов так и осталось для меня одной из непостижимых загадок субконтинента. Выезжая из переулка на главную улицу, водитель здесь почти никогда не смотрит по сторонам. На светофор часто не обращают ни малейшего внимания. Перед вашим носом, когда вы едете с приличной скоростью, вдруг начинает поворачивать велосипедист, к вам под колеса неожиданно кидается нищий. Вы никогда не можете предвидеть логику действий водителя идущей впереди вас машины. Он может вдруг ни с того ни с сего остановиться посреди дороги. Вы, наконец, сплошь и рядом с трудом успеваете увильнуть от машины, невозмутимо мчащейся навстречу по вашей стороне. Индийский водитель словно не видит никого вокруг себя, едет так, будто он один на дороге. На протяжении каких-нибудь двухсот километров вы можете встретить десятка полтора перевернутых грузовиков. Их, как правило, перегружают чуть ли не вдвое, они от

этого утрачивают маневренность, а шоссе для свободного водостока в сезон дождей делается слегка покатым к обочинам. В результате резкое торможение преворачивает почти неуправляемую из-за перегрузки и накренившуюся громадину. По ночам довольно часто встречаешь грузовики и автобусы без огней, мчащиеся в кромешной тьме. Столь же странно и нелепо ведут себя и пешеходы.

Все это как-то не вяжется с традиционной индийской доброжелательностью, с присущим индийцам чувством товарищества. Южноазиатский «стиль» вождения автотранспорта иногда объясняют пренебрежением к смерти, характерным якобы для индуизма. Говорят также, что автотранспорт в качестве повышенного источника опасности еще не осознан людьми, страх перед ним не вошел в плоть и кровь. Ни одно из этих объяснений не может меня удовлетворить... Об индийских дорогах буржуазные авторы пишут иногда с нескрываемой неприязнью и издевкой, договариваясь до того, что идущие по ним люди по уровню своего сознания мало чем отличаются от толпящихся тут же буйволов и священных коров. Мне противны эти циничные «откровения», это высокомерное издевательство над бедностью, отсталостью, действительно низким уровнем сознания...

Вот и Аллахабад, древний Праяг. Он отходит ко сну, его уютные улицы пусты. Этот город, расположенный у слияния Ганга, Джамны и невидимой подземной реки Сарасвати, носящей имя богини просвещения, на протяжении веков был индуистской святыней. Он и сегодня остается местом массового паломничества. В XII веке он был захвачен мусульманами, а в 1584 году переименован в Аллахабад — город Аллаха. Здесь множество памятников — индусских и мусульманских, древних и новых. Здесь родился и вырос Джавахарлал Неру. Проезжаю мимо знаменитого Сварадж Бхавана, Дворца самоуправления, построенного на его средства в 1930 году, задолго до того, как англичане вынуждены были расстаться с «жемчужиной» английской короны — Индией. У слияния рек — форт Акбара. Осматриваю его, как и весь Аллахабад, бегло. К утру меня ждут в Варанаси...

Светает. Еду по бесконечно длинному и узкому мосту через Ганг, который здесь, пожалуй, шире, чем где бы то ни было в Индии. Первые блики несмелого солнца сверкают в крупной ряби зеленоватой воды. Вдали,

на правом берегу, громоздятся друг на друга храмы, башни, террасы, крутые стены каких-то непонятных строений. Это и есть Варанаси, город полутора тысяч храмов, имя которого, переименованное английскими колонизаторами, англичанами, долгое время звучало в Европе иначе — Бенарес.

Несмотря на раннее утро, каменные ступени, ведущие к реке, усеяны людьми. На них под ветхими тентами — тысячи и тысячи пилигримов. Их намного больше, чем в Хардваре. Люди приходят к берегам реки-богини, чтобы испросить у нее помощи в трудной своей жизни, вымолить прощение грехов или просто закончить здесь свой век, «освободиться от оков кармы», то есть разорвать цепь перевоплощений, на которые, согласно индуизму, обречены на долгие годы, если не навсегда все живые существа и которые прекратятся лишь в том случае, если человек был исключительно добродетельным и испустил дух у Ганга. Многие пришли сюда издалека, преодолев реки и горы, пройдя по пыльным дорогам сотни и сотни километров.

Древний старик с разрисованным лбом, интеллигентные молодожены — оба в сверхмодных американских джинсах, пожилая крестьянка в домотканом рыжем сари, стайка застывших девушек безмолвствуют. Их гипнотизирует близость реки-богини.

Если это первое их паломничество, сразу броситься в Ганг они не имеют права. Им предстоит еще очиститься с помощью брахмана, обрить наголо волосы, смазать голову сандаловым маслом, уплатить необходимую подать. Бреют паломников здесь же, у гхатов. Всех мужчин, кроме сикхов, которым религия запрещает стричься. Взрослых женщин тоже шадят. Кроме вдов. Но для этих последних есть специальный гхат. Они не должны оскорблять своим присутствием верующих. Ведь вдова, согласно индуистским представлениям, существо, так сказать, незаконное, она должна была сжечь себя на погребальном костре мужа.

Сажусь в лодку, услужливо предложенную мне парнишкой по имени Праклал. Медленно проплываю вдоль гхатов. Люди заходят в зеленоватую воду, поднимают глаза к небу, молитвенно складывают ладони. Губы некоторых беззвучно шевелятся. Одни стоят в воде по пояс, другие — по шею. Некоторые жадно пьют ее, наполняют металлические кувшинчики и выливают из них воду на блестящие бритые головы-тыквы. Жен-

щины совершают священное омовение в сари, мужчины раздеваются до трусов.

У вдовьего гхата замечаю молодую женщину, наполовину уже побритую. Черные, курчавые локоны падают на тонкие запястья в золотых браслетах, обнажая ослепительно белую голову. Глаза женщины, полыхающие мистическим огнем, устремлены к зеленоватой ряби.

Чуть поодаль вижу старого мастера, обрабатывающего зубилом какую-то бронзовую болванку. Вдруг понимаю, что мастер слеп. Пустые глазницы его обращены к солнцу, уже яркому, залившему все вокруг горячим светом. Почти черное лицо старика, обрамленное ежиком седины, кажется безучастным. Тишину нарушает лишь стук его молотка по зубилу.

Снова оглядываю пестрое скопление людей на гхатах. Как, в сущности, податлив человек всему, что отвлекает его от бренности бытия. Одним религия запрещает стричь и брить волосы, других обязывает бриться наголо, одним предписывает снимать головной убор в храме, другим запрещает вход в храм без него. Одним не разрешает употреблять в пищу говядину, другим предлагает есть именно ее, предавая анафеме свинину. И человек беспомощно цепляется за все эти бессмысленные табу, надеется на их могущество, на их способность спасти его, защитить, возвысить... Иногда религия становится навязчивой манией, толкает людей на чудовищные и непонятные поступки. Газеты писали о страшной находке полиции в местечке Мандуаді под Варанаси. Открыв квартиру железнодорожного служащего, исчезнувшего два года назад, в ней обнаружили 35 человеческих черепов, окрашенных киноварью, несколько десятков трупов змей под портретами Дурги и Кали.

Туристы, которых чуть ли не в обязательном порядке возят из Дели в Агру к знаменитому беломраморному Тадж Махалу, порой и не подозревают, что на их пути лежит Матхура. Что Матхура эта не на одну тысячу лет старше Агры, известной главным образом благодаря усыпальнице, построенной императором Шах Джаханом для своей жены Мумтаз и ставшей одновременной могилой десятков тысяч рабов.

В Матхуре нет туристских «бунгалов», фешенебельных отелей, роскошных ресторанов с вечерними «шоу», дорогих ювелирных лавок. Туристский бизнес там яв-

но не процветает. По-видимому, людям, торгующим достопримечательностями, кажется, что мелодраматическая история Шах Джахана, созерцавшего свое белоснежное создание из узкого оконца темницы, в которую его бросил собственный сын Аурангзеб, способна приносить большую прибыль, чем судьба невзрачных храмов Матхуры. Скорее всего, дело, однако, не только в этом. Просто сентименты владыки, решившего на весь мир разрекламировать свою любовь, не затрагивают по-настоящему индийской души. Ими вполне уместно торговать. Их, в сущности, и используют так, как хотел того Шах Джахан, еще при жизни сделавший свою любовь достоянием мировой общественности.

Туристские автобусы проскакивают поворот на Матхуру и потому, что понять ее чужеземцу сложно. На это у него, как правило, не оказывается времени. Да и к чему ему эти грязноватые улочки, это пестрое многолюдье, вечно дерущиеся собаки, пресловутые священные коровы да белые ослики с тяжелой поклажей на спинах? К чему ему эти горы желтых, зеленых, красных плодов, зычные голоса торговцев тряпьем и гирляндами храмовых цветов?

Уже упомянутый сын Шах Джахана Аурангзеб, придя к власти, повелел отломать, где только возможно, руки и головы у скульптур индусских богов и разрушить индусские храмы. Тогда-то и разобрали знаменитый матхурский храм и воздвигли на его месте огромную напыщенную мечеть. Основание храма, однако, пощадили — оно, по-видимому, понадобилось строителям мечети. Позднее, когда закончилось в Индии мусульманское правление, часть храма восстановили. Храм и мечеть оказались сплетенными в тесных объятиях и превратились в живой символ вынужденного сосуществования индуизма и ислама в этой стране.

Но я не рассказал еще главного: в сохранившемся основании древнего храма располагалась тюрьма, в которой родился Кришна, сын Васудевы. Едва ли, задав вопрос, кто такой Кришна, вы сможете получить точный ответ. Это веселый пастух со свирелью, то и дело затевающий рискованные игры с юными пастушками, и колесничий воина Арджуны из «Махабхараты», бунтарь против религиозных канонов, и воплощение бога Вишну, герой, освободивший народ от тирании злодея Кансы, и мудрец, стремящийся избежать кровопролития, удалой повеса и строгий ревнитель долга и чести.

Легенда, которую каждый в этой уличной толпе считает былью, гласит, что правил Матхурой около трех тысяч лет назад злой король Канса. Однажды ночью некий голос сообщил ему, что падет он от руки восьмого сына своей сестры Деваки. И порешил он тут же зарубить сестру, и обнажил саблю. Но муж ее, Васудева, кротко предложил злодею заточить его с женой в тюрьму и убивать всех детей, которые у них родятся. Каждый раз, когда у несчастной четы рождалось дитя, Канса убивал его. И вот пришел черед восьмого ребенка. Это был горластый и смуглый, почти черный мальчик.

— Вот здесь была его колыбель, — маленький, сжавшийся от холода и замотавший голову чем-то вроде шарфа гид — дело было в январе — показал рукой на небольшую приступку на каменном полу. — А эта дверь была заперта на тяжелый засов. Деваки и Васудева сидели вот здесь и, скорее всего, плакали. Наутро должен был прийти Канса и убить малютку. И тут-то явился Васудеве голос и повелел: положи мальчика в корзину и выйди из тюрьмы. К удивлению Васудевы, дверь открылась. Голос предложил Васудеве перейти Джамну, и тот с корзиной на голове перешел ее, как посуху. По другой версии уровень воды в Джамне вдруг сразу понизился, и он перешел ее вброд. Затем голос сообщил, что у сестры Васудевы в местечке Гокул, куда он попал, оказавшись на другом берегу Джамны, только что родилась дочь, которую надо незаметно взять из колыбели, оставив в ней мальчика. Сестра Васудевы Яшода и ее муж крепко спали. Васудева осторожно вынул из колыбели девочку и положил в нее Кришну. Затем таким же путем с девочкой в корзине вернулся в тюрьму, и дверь за ним сама закрылась на засов.

Когда наутро Канса, явившись, вынул из ножен саблю, девочка, выпорхнув из колыбели, как птица, пропела: сын Деваки, который убьет тебя, жив и здрав.

Обезумевший от ярости Канса приказал убить всех мальчиков, родившихся минувшей ночью. Но на Гокул его власть не распространялась.

Мой гид, увлекшись собственным рассказом, как будто согрелся. Он снял с головы шарф и набросил его на плечи. Пока он все это излагал, мы добрались до Гокула. Мы стояли на гхате. Из мутной зеленой ряби Джамны то и дело высовывали головы огромные черепахи.

— Это первый гхат Вишрам,— сообщил гид.— Здесь Васудева отдыхал несколько минут, когда перешел Джамну. Пойдемте наверх, в храм Нанда, приемного отца Кришны.

В храме было светло и шумно. У дверей его толпились калеки, святые, дети, попрошайки, которые скопом рванулись ко мне, но мой добрый гид сказал им что-то отрывистое, и они остановились. Сняв обувь, мы ступили на холодные узорчатые плиты. Седой брахман предложил мне качнуть люльку, украшенную золотой вышивкой, символизировавшую ложе Кришны-младенца. Затем он предложил мне внести свою лепту в кассу храма.

— Это приемные родители Кришны и его брат Балрам,— зашептал гид, указав на изваяния в глубине.— Когда Кришне исполнилось семь лет, его приемные родители переехали в Бриндаван... Там-то, в Бриндаване, Кришна и стал пастухом, там начал играть на своей знаменитой флейте, полюбил Радху и проказничал с пастушками.

Надо полагать, что в то время никто еще не знал, что пришел он в мир воплощением великого Вишну. Впрочем, голос, явившийся Кансе, знал. «Берегись,— сказал он тирану.— Спета твоя песенка». И как ни пытался коварный Канса увильнуть от возмездия, не смог. И Кришна в один прекрасный день появился в Матхуре вместе со своим братом, убил злодея, освободил из тюрьмы его престарелого отца — своего деда и, конечно, своих родителей — Деваки и Васудеву.

Обо всем этом я, разумеется, читал задолго до того, как юный гид начал меня просвещать. Читал с некоторой иронией, не задумываясь над тем, что мне позднее покажут тюремную камеру, где родился герой, а затем и гхат, где он отдыхал, когда прикончил злодея, второй гхат Вишрам. Пока мы осматривали тюрьму у подножия мечети, гхаты и храм Нанда в Гокуле, легкая ирония продолжала жить во мне. «Вещественные доказательства» вроде тюрьмы, каменных ступеней или люльки не производили на меня особого впечатления.

Но вот мы прибыли в Бриндаван. Еще более людный и шумный, чем Матхура и Гокул, и такой же тесный и неказистый. Голые до пояса, посыпанные пеплом йоги или вишнуитские святые, циновки, заваленные замками, плошками, фонариками и бог весть чем, велосипедисты, с трудом продирающиеся сквозь толчею, неужи-

данная стайка школьниц в голубеньких пелеринках и, конечно, множество самых разных животных составляли привычный пестрый рисунок улицы небольшого индийского города. И вдруг все это исчезло, прекратилось, оборвалось. Мы оказались в совершенно пустом переулке, в который выходили ворота нескольких храмов. И тут я впервые услышал магическое заклинание «Харе Кришна, Харе Рам!».

Самый большой из храмов здесь Бхагван Баджан. В нем сидят на полу, подобрав под себя босые ноги, женщины в белом. Одна из них дирижирует хором, яростно, безудержно, вызывая воздающим хвалу Кришне. Две тысячи вдов уже многие сотни лет непрерывно возносят эту хвалу. Они сменяют друг друга не сразу, а постепенно, по 10—15 человек, и хор не замолкает. И этот живой памятник удали, красоте, мудрости и величию красноречивее всех прочих «вещественных доказательств». Не важно — был ли герой Кришна. Важно, чтоб было все это в жизни — и красота, и мудрость, и удаля. Сколь притягательным должен быть тысячелетний эпический образ, чтобы так вот слиться, срастись с представлениями о боге, сделаться частью души народа!

Две тысячи женщин пели славу Кришне. Одни были старые, изуродованные временем, другие еще не достигли апогея своей красоты, третьи уже обрели ее в полной мере. Худые и полные, низкорослые и высокие, статные и неказистые, они пели одну и ту же фразу, вкладывая в нее все свое существо, все свои несбывшиеся мечты, все свое вдовье горе, всю свою женскую нежность.

Женщины эти ни с кем не общаются. Они живут в хижинах, когда-то брошенных хозяевами, кормит их и одевает в белую ткань крупнейший здешний храм Бриндаван бихари. Покинув хор, я направился туда.

Храм находится у самого берега Джамны. Путь к нему вымощен мраморными плитами, на которых вырезаны имена лиц, внесших материальные пожертвования, и их родителей. Белыми плитами выложены снаружи и изнутри все стены храма и его подсобных помещений. А за храмом на берегу Джамны под присмотром брахмана в желтой тоге висят на ветках старого баньяна красные, синие, желтые сари... Вроде бы те самые, которые Кришна украл у купавшихся пастушек.

— Пожертвования идут на содержание двух тысяч

вдов и пяти тысяч священных коров Матхуры и Бриндавана,— сообщил словоохотливый брахман.— Ну и, конечно, на пропитание здешних служителей культа. У них очень много работы, паломников здесь хватает в любой сезон. Но больше всего — летом, когда можно плюс ко всему совершить омовение в Джамне. Они и жертвуют...

Сухонький старец пробормотал это без всякого благочестия, будничным голосом и предложил бросить несколько монет в большую круглую тарелку на полу перед нишей, в глубине которой сверкало позолотой скульптурное изображение Кришны. Рядом, как и в других храмах, красовались его приемные родители и братец Балрам.

— Говорят, ученые установили, что этой скульптуре Кришны на тысячу лет больше, чем его истории,— прошептал мой гид.— Брахманы не знают, как это объяснить, а сам Кришна не оставил на этот счет никакого распоряжения...

О Кришне индусы знают все: с кем дружил, кого любил, какую еду предпочитал, когда ссорился с Радхой, когда они друг друга ревновали. Личная жизнь Кришны запечатлена бесчисленными миниатюрами на бумаге и слоновой кости, ей посвящают свое вдохновение мастера лубков «матхубани» и «паттачитра». Героя изображают в бронзе, камне, фарфоре, серебре. На картинах он почти всегда синий — в отличие от подчеркнuto белых Радхи и ее подруг-пастушек. Поначалу я по наивности думал, что синий цвет в данном случае попросту стилизация черного, ибо Кришна, по единодушному утверждению, родился черным. Решив проверить себя, спросил у гида. На лице у него отразился ужас.

— Что вы, сэр! Кришна посинел после того, как его укусила кобра, от которой он спас людей. Из черного он превратился в черно-синего и таким оставался до смерти...

Я приобрел еще один лубок с синим Кришной. Он сидел на дереве посреди пруда и играл на дудке, на ветках дерева висели сари, а из воды робко выглядывали их обладательницы. Подумалось о том, что Кришна, несмотря на свою многоплановость, подчас более всего дорог людям этими своими бесхитростными забавами. Между тем он был освободителем народа от тирана. И не только освободителем. Выполнив свою историческую миссию, он отправился в ашрам Сандипани, где

стал усердно изучать веды. Но пришли к нему люди из Матхуры и сказали, что идет на их город зять Кансы Джарасандха. И вернулся Кришна в Матхуру, и собрал совет старейшин и сказал им, что, по его мнению, победить Джарасандху невозможно, даже если драться с ним сотню лет. И предложил построить вокруг города высокую стену. И не сумел преодолеть ту стену Джарасандха, и отступил. И стал жить народ Матхуры в мире. Но недолго продолжалось его благоденствие. Снова дошла до Кришны весть, что Джарасандха идет на Матхуру с еще большим войском. И опечалился Кришна, ибо не любил он кровопролития. Чтобы избежать его, призвал он сограждан покинуть Матхуру и уйти на запад. Долго шел матхурский народ сквозь бури и грозы и пришел к морю. И построил он там себе город по имени Дварка.

Благоразумие, забота о благе народа, способность к тактическому маневру, к твердым решениям... Откуда все это у баловня судьбы, любимца пастушек и постоянного персонажа сладеньких миниатюр?

Кто же такой все-таки Кришна, которому на протяжении тысячелетий поют хвалу вдовы в белом, которого пастухи, сапожники, пекари считают своим человеком? Которого осторожно трактуют философы и побаиваются, несмотря на его божественное звание, теократы?

Во время великой битвы пандавов с кауравами в «Махабхарате» Кришна, как известно, добровольно становится колесничим у Арджуны. И тут-то автор-народ вкладывает ему в уста одну из главных мыслей великого эпоса. Наставляя Арджуну, который растерян, ибо в числе его противников оказываются его родственники, учителя, Кришна открывает ему «тайну тайн». Он призывает воина освободиться от колебаний, отрешиться от жизненных привязанностей и действовать, ибо только таким путем он сможет выполнить свой моральный долг. Зрение человека, как и все его ощущения, неполно. Человек не способен предвидеть все последствия своих деяний и потому должен быть предан идее, которая выведет его на верный путь. Полемизируя с педантами и начетчиками тех времен, которые в любой ситуации обращались к ведам, Кришна восклицает:

Нам веды нужны лишь, как воды колодца,
Через их глубину вечный дух познается!

Не чересчур ли рискованно для бога? Это не то что играть на дудке и смущать бедных пастушек. Впро-

чем, и здесь, как и с пастушками, Кришна верен себе: ему претит и ортодоксальная святость, и талмудистская приверженность цитатам.

Мы с гидом медленно вернулись из Бриндавана в Матхуру. Круг замкнулся. Утром я не обратил внимания на то, что рядом с обнявшимися мечетью и храмом вырос новый огромный храм Кришны. Года два назад, когда я был здесь впервые, его только начинали строить. Он показался мне каким-то лишним, посторонним в Матхуре.

Я так и не понял, когда великий бог Вишну успел поселиться в умном, добром и смелом человеке Кришне. То же самое Вишну проделал и с героем «Рамаяны» Рамой. И стали Кришна с Рамой его воплощениями, сохранив при этом и удаль и остроту восприятия жизни, и трезвый ум, и маленькие слабости.

Простившись с гидом, я выехал на шоссе. Вдали на фоне синей эмали неба громоздились трубы, трубки, трубопроводы нового нефтеперерабатывающего завода, о котором я скажу еще несколько слов в этой книге. Придет время, и придет очень скоро, когда имя «Матхура» будет ассоциироваться у людей не только с Кришной, но и с этим заводом, который, кстати, изменит облик здешних мест. И если Кришна, как считают индусы, и в самом деле бог и видит это, он должен быть доволен: завод принесет большую пользу людям, которые ему так дороги.

* * *

Император Акбар был маленьким толстяком. Но имя свое, означающее в переводе с арабского «великий», стремился оправдать каждым поступком. Одно лишь печалило Великого Могола — не было у него сыновей. Многочисленные жены рожали лишь девочек. И вот однажды, у двух сросшихся деревень, Фатехпур и Сикри, к которым я подъехал из Матхуры, поведал он об этой печали молле Салиму. И шейх Салим сотворил великую, многочасовую молитву, и Аллах услышал его, и красавица Джодх Баи, индусская жена Акбара, понесла, и родился у императора сын. И дал он ему имя Салим в честь шейха-провидца, и согнал тысячи рабов, дабы построили они ему новую столицу в том месте, откуда дошла до господра страстная мольба. И в считанные годы возникло это чудо архитектуры: дворцы из

розово-красного песчаника, кружевная резьба, стройные колонны, арки, купола. В 1569 году новая столица была основана, к 1574 году была выстроена и оставалась местом пребывания императора до 1584 года.

— А потом император бросил столицу из-за того, что вода здесь солоноватая и пить ее неприятно, и вернулся в Агру,— сказал гид по имени Ахмед, голову которого, несмотря на его молодость, украшала шапочка хаджи. Шедший впереди старик в белоснежном шервани вдруг резко обернулся.

— Вы вводите в заблуждение нашего иностранного гостя, молодой человек,— сказал он строго Ахмеду.— При чем здесь вода? Я, как и тысячи людей, живу здесь и пью эту воду. А в то время в Фатехпуре жило четверть миллиона человек. «Мертвым городом» он стал лишь политически. После того как Акбар его покинул, здесь, во дворцовом комплексе; оставалось множество родственников императора. Да и вообще «мертвым» Фатехпур-Сикри никогда не был. И ушел отсюда Акбар не в Агру, а в Лахор, а уж из Лахора через 17 лет вернулся не сюда, а в Агру, ибо в результате наступления раджпутов Фатехпур-Сикри оказался на самой границе с Раджастханом и находится в нем постоянно было небезопасно... А в Лахор он переместился потому, что в сражении с афганцами погиб его любимый министр Махеш Дас, именовавшийся также Бирбалом. Император перенес столицу поближе к действующей армии, дабы лично руководить боевыми операциями против афганцев...

Эта короткая и гневная лекция заставила моего Ахмеда потупиться и пробормотать что-то вроде извинений, хотя юный хаджи не был виноват: версию с солоноватой водой он вычитал в одном из путеводителей.

Мы стояли у беломраморной усыпальницы шейха Салима, окруженной могилами его многочисленных потомков. Солнце просачивалось сквозь ажурное мраморное решето и мелким сверкающим бисером лежало на каменной плите у наших ног. Мы слушали Время.

С трех сторон Фатехпур-Сикри окружают зубчатые стены. С четвертой к нему примыкало раньше искусственное озеро. Вот площадка, на которой услаждал слух мужчин и женщин утонченной игрой великий музыкант Тан Сен, друг Акбара.

Музыка этого композитора и сегодня жива в Индии. А на этих огромных клетках из черного и белого кам-

ня, составляющих «доску» одного из вариантов древних шахмат, Акбар играл со своими приближенными. Вместо фигур с поля на поле переходили прекрасные девушки.

А здесь — Пандж-Махал, пятиэтажный дворец для жен Акбара, каждая из которых имела и свои, отдельные апартаменты. В тереме Джодх Баи еще сохранились на стенах изображения индусских богов: император уважал религию любимой жены. И дело тут было не в одной лишь любви. В каждом архитектурном ансамбле Фатехпур-Сикри, в каждом орнаменте, в каждой арке и каждой колонне явственно прослеживается соединение индусских, мусульманских, а иногда и христианских мотивов. Соединение намеренное, тщательно продуманное. Акбар мечтал разрушить кастовые и религиозные барьеры, разделявшие его подданных. Он провозгласил новую «божественную веру», которая объединяла все религии в одну. Увы, «божественная вера» умерла вместе с ее создателем. Конечно же, соединение нескольких религий в одну было утопией. Но сама мысль об этом, возникающая в голове мусульманского правителя, и последовательность, с которой он претворял ее в жизнь, поразительны. Могучий карлик видел далеко вперед сквозь века, понимал, что будущее Индии — в ее единстве. И сегодня еще ее ослабляют коммуналистские распри, о которых будет рассказано в дальнейшем. Разглядывая эклектический орнамент, вырезанный на розово-красном камне, я вспоминал чуть ли не ежедневные сообщения об индо-мусульманских столкновениях здесь, в Уттар-Прадеше, о провокациях ассамских шовинистов, о выходках сикхских экстремистов в Амритсаре. Новая Индия постепенно преодолевает кастово-религиозные противоречия, все еще терзающие и изматывающие индийское общество. Однако процесс этот далек от завершения. Так называемый «мертвый город» является живым напоминанием об извечной мечте индийцев покончить с рознью, о наивной попытке победить ее одним ударом — с помощью объединения религий. Не случайно власти придают этому памятнику большое значение и намерены превратить его в один из крупнейших центров туристского паломничества. Значение Фатехпур-Сикри будет возрастать.

— Теперь осмотрим Диван-и-ам, предложил Ахмед. — Отсюда, с этого вот крыльца, Акбар выходил

к посетителям. Здесь он выслушивал жалобы и разрешал споры. Приговоренного тут же растаптывал слон... Вон там, вдали, памятник этому слону.

Багово-красный шар солнца медленно опускался в малиновое море цветов бугенвилей.

* * *

Снова и снова колешу я по Уттар-Прадешу на своем кофейного цвета «Амбассадоре». Встречаюсь с людьми, подбираю на дорогах случайных попутчиков, с жадностью всматриваюсь в лицо Индии.

Мы с мистером Гуптой едем в деревню Сурана. Он предлагает остановиться у двух крытых соломой изб и навеса, под которым расположилось несколько человек. Знакомит меня с маленьким усатым крепышом по имени Абдул. Предприятие состоит из навеса, двух огромных чугунных чанов, под которыми бушует пламя кизячных лепешек, небольшой цементной площадки и весов, укрепленных на высокой жерди. Абдул извиняется и отходит к весам: пожилой крестьянин только что подвел к ним верблюда, навьюченного большими связками сахарного тростника. Тростник взвешивают, Абдул расплачивается с крестьянином и возвращается к нам. Он отщипывает кусочек от горячего коричневого сахарного карая и протягивает мне. Пожираемый любопытными взглядами, я пробую горячую сладкую массу. За центнер сахарного тростника Абдул платит 14 рупий. Из центнера получается 10 килограммов сахара, за которые он выручает 20 рупий. Из шести рупий прибыли он две берет себе, а остальное уходит на оплату рабочей силы трех человек. Процветающим предприятие Абдула не назовешь, но оно существует, и стало быть, есть в нем нужда.

Через несколько километров замечаем кирпичный заводик: белые ослики доставляют аккуратные глиняные брикеты к печи для обжига, вырытой в земле. Такие предприятия уживаются в Индии с современными промышленными гигантами.

И снова мой «Амбассадор» конвоируют огромные баньяны по обеим сторонам дороги. За ними, насколько хватает глаз, тянутся темно-зеленые посадки сахарного тростника. И вдруг дорога будто взлетает над всей этой мирной благодатью, и далеко внизу передо мной открывается гигантская голубая излучина полноводной реки,

Множество хижин, словно бежавших к ней и остановившихся на полпути, столпилось у косогора, у дороги, у самой воды.

— Это и есть Сурана,— сообщает мистер Гупта, и мы въезжаем в узкую горбатую улочку. Глиняные мазанки, крытые бурой соломой, глиняные же заборчики, чисто подметенные дворы с неподвижными, как статуи, буйволами и визжащими собачьими свалками, белые ослики и мулы у коновязи. Несколько мазанок образуют, как правило, один двор с колодцем, заботливо огороженным глиняным бордюриком. Обязательная принадлежность двора — стога из кормового сена. Глиняные стены и заборы хранят следы пальцев, их сотворивших: пальцами на них нанесены декоративные полукружия. В одном из двориков обращаю внимание на технику: большое металлическое сооружение с круглой вертушкой — резак для кормов.

У края небольшого поля, только что вспаханного с помощью огромного облезлого верблюда, сидит на корточках миловидная молодая женщина в ярком синем сари и не спеша лепит круглые диски из кизяка. Тощий старик медленно подходит к храму, взметнувшему в небо три продолговатые башни.

— Наш храм очень старый,— говорит он.— Еще старше меня, а мне 80. Видите, у карниза нарисован английский господин? А рядом — богиня Сарасвати. А следующая — Шримати Индира Ганди. Видите седую прядь? Здесь вся наша история в портретах. Англичанин этот владел когда-то нашей деревней. Сарасвати изобразили, когда в округе появилась школа. А премьер-министра нарисовали лет десять назад.

Вокруг нас собираются ребятишки. Они — босые и полуголые. Но лица и руки их чисты и опрятны. Что-то в их поведении кажется мне странным, и я не сразу понимаю что: дети не просят бакшиш. В деревне у людей больше развито чувство собственного достоинства.

Крестьяне аккуратны, спокойны, в их внешности нет ничего общего с обитателями городских трущоб, нередко грязными, суетливыми, озабоченными мыслью, как прожить еще один день.

Паренек в белой рубашке и хлопчатобумажных городских брюках приглашает нас к себе в избу, угощает чаем с молоком, домашним печеньем.

— Собха Рам Ядав, член сельского панчаята,— представляется он. Подходит еще один член панчаята,

пожилой человек в белом топи с серым, шершавым лицом — Тхука Рам Ядав. Через мистера Гупту они начинают выяснять, не отношусь ли я к налоговому ведомству, не из страховой ли компании. Старший подозрительно косится на мой диктофон. Узнав, что я не инспектор, а всего-навсего журналист, да и то иностранный, оба светлеют. Перебивая друг друга, рассказывают о своем селе.

В Суране 14 тысяч жителей. Из них примерно 1000 — бывшие неприкасаемые, именуемые сейчас хариджанами. Примерно столько же мусульман. Остальные — индусы. Есть школа, медпункт, ветлечебница. Хорошее шоссе соединяет Сурану с большим городом Морадабадом. Основная часть населения принадлежит к касте ядавов, берущей свое начало от профессии производителей молока и молочных продуктов. Средние фермеры имеют 40—50 бигов земли. Есть в деревне 6 крупных фермеров, широко использующих наемную рабочую силу. Знают ли они о тяжелой участи хариджанов, которых порой жестоко избивают и даже убивают землевладельцы? Кое-что слышали, но у них ничего подобного не происходит. У них — полная гармония в отношениях между хариджанами-батраками и землевладельцами. Кроме того, панчаят выделил хариджанам по 15 бигов земли, так что они перестали быть безземельными... И никто не мешает им молиться в храме вместе со всеми и брать воду из общих колодезцев.

«— Ого, — думаю я. — Они знают, что угнетать хариджанов и притеснять их плохо, стараются представить себя в хорошем свете. А это уже здорово. Значит, правительственная пропаганда не пропадает даром и помощь так называемым списочным кастам, то есть кастам, входящим в специальный правительственный список наиболее бедных, отсталых и угнетаемых каст и племен, отнюдь не является пустым звуком».

К нам между тем, медленно подходит небритый человек неопределенного возраста в туго намотанном на голову белом уттарпрадешском тюрбане.

— А вот и хариджан, — улыбается младший Ядав. — Его зовут Рам Натх. Спросите, притесняют ли его в деревне?

Лица стоявших вокруг крестьян, только что такие добродушные и приветливые, приобретают вдруг злобно-издевательское выражение, а двое молчавших до

сих пор мальчишек, тыча пальцем в подошедшего, заливаются деланным хохотом.

Рам Натх устало оглядывается на них и делает незаметный умоляющий жест рукой. Он подтверждает, что работает на своем поле в 15 бигов, которое дает три четверти его доходов. Четвертую четверть составляет плата, которую он получает за труд на чужих полях. Я спрашиваю, пользуется ли он общественными колодцами. Рам Натх оглядывается на злобно-снисходительные лица односельчан и бормочет нечто невразумительное: незачем-де брать воду из больших колодцев, ибо он вырыл для себя маленький на своем участке. Тень снисходительного одобрения пробегает по лицам ядавов. И тут я безжалостно спрашиваю, где он молится богам.

Опустив голову, Рам Натх твердо говорит:

— Молюсь дома, так как к храму они меня и близко не подпускают.

Воцаряется минутная тишина. Разоблаченные ядавы прячут глаза.

Тысячелетия мучит Индию проклятие кастовой нетерпимости. Это уникальное явление порой затушевывает социальные противоречия, искажает их характер. Вот стоит передо мной опустивший голову и сжавший кулаки хариджан Рам Натх. А рядом в толпе несколько таких же, как он, батраков, имеющих, как и он, крошечный участок в 15 бигов и гнущих спины на зажиточных фермеров. Но они — ядавы, члены одной из самых низких каст, относящихся к низшей варне (словию) шудра, — чувствует себя чуть ли не богами в сравнении с хариджаном. Хариджан — изгой, низшее существо, с ним нельзя молиться в одном храме, пить воду из одного колодца, хоть и можно тянуть тяжкую лямку поденщины. Я вернусь к хариджанам, посвящу им одну из глав...

Тягостное молчание нарушает старший Ядав:

— Я знаю, — говорит он, что в Пенджабе и Хариане у крестьян есть тракторы, что фермер там может за два-три дня прорыть канал, который вся наша деревня будет строить полгода. Это называется, кажется, «зеленая революция». Нам, конечно, до них далеко... И потом у них до воды раз в пять ближе при рытье колодцев. И все же никто у нас не голодает. Даже хариджаны...

— А это чье владение? — спрашиваю я, указав на

двухэтажный дом, украшенный голубыми изразцами, маячащий в просвете между двумя мазанками.

— Это дом полицейского. Он живет там с большой семьей. И семья его брата там же. Они никого не нанимают, у них много своих рабочих рук. А вот владелец следующего за ним большого дома держит батраков... Человек восемь.

Младший Ядав, решив, очевидно, что рассказ его односельчанина неполон, торопливо добавляет:

— В последние десять лет жизнь в нашей деревне, хоть и не дошла до нее «зеленая революция», улучшилась. Практически все дети сейчас посещают школу, есть электричество, уже четверть населения умеет читать и писать.

— А кто в вашем селе читал книги известного писателя Раджендры Ядава,— интересуется мистер Гупта.— Он ведь, кажется, из ваших мест?

— Да, он отсюда, и все мы им гордимся,— отвечают почти хором ядавы.— Но книг мы еще читать не начали. Написать свое имя—это да, прочитать купчую или расписку—пожалуйста. А книгу непросто осилить...

Незаметно подступает вечер. Улочки Сураны наполняются топотом буйволиц и коров, возвратившихся с пастбищ. Осторожно объехав старика брахмана с раскрашенным лбом, расположившегося на циновке под могучим деревом, мы выбираемся на шоссе. До Газибада отсюда километров тридцать, не более.

В этом городе, насчитывающем четверть миллиона жителей, много сложных современных производств. Промышленные рабочие составляют в Газибаде треть населения. Здесь и тракторный завод, и текстильные предприятия, и пищевая индустрия. Разместили здесь свои фабрики и самые могущественные в Индии капиталисты Бирла и Тата.

В маленькой комнатке, дверь которой выходит прямо на шумную, разноголосую улицу, сидит за письменным столом энергичный человек с жестким, волевым лицом по имени Б. С. Ядав. На стенах портреты Маркса и Ленина. На столе груда каких-то папок. Решительный человек отдает отрывистые указания четырем парням в рабочих спецовках, видимо активистам. Когда те уходят, он четко формулирует смысл собственной жизни.

— Рабочий класс должен сознавать свою силу и уметь ею пользоваться. Профсоюз, вице-президентом

которого в Газиабаде я имею честь состоять, помогает рабочим сплотиться в борьбе за свои права. Капиталисты хотели бы, чтобы мы были лишь молчаливыми исполнителями их воли. Но сейчас не то время, и им приходится считаться с нашей коллективной волей..

Долго стою на улице, пытаюсь почувствовать ее ритм. Как и во всех городах Северной Индии, обе стороны ее представляют собой ряды лавок, мастерских, харчевен. Чадят примусы, шипят на сковородках аппетитные пирожки, мальчонка предлагает прохожим завернутые в лист бетеля специи с известью, так называемый «пан». Индийцы любят его жевать, губы и языки у них становятся красными. Красными плевками часто покрыты тротуары перед выходящими на улицу лавками и мастерскими. Рикши, велосипедисты, двухколесные пролетки-тонга... Неподалеку от массивной арки Делийских ворот необычный памятник — белый бюст человека в европейском котелке, над которым на небольшом навесе врутся к небу гипсовые, окрашенные в оранжевый цвет языки пламени.

— Это Бхагат Сингх, — поясняет мистер Гупта. — Знаменитый пенджабский революционер и борец за свободу, повешенный англичанами в 1931 году. Говорят, он до последней минуты читал Ленина и кто-то попросил палача подождать немного, не мешать общению двух революционеров.

Р. Т. Гупту я знаю давно. Это невысокий скромный человек лет сорока пяти, активист газиабадского отделения общества друзей Советского Союза. Он — коренной газиабадец. Еще в юности, будучи активистом студенческой федерации, увлекся советским искусством и литературой, начал глубоко и всесторонне интересоваться жизнью нашей страны. Трижды побывал в Советском Союзе, много раз рассказывал на собраниях и писал в газетах и журналах о Москве, Ленинграде, Ташкенте, Тбилиси. Появление каждого советского человека в Газиабаде для него — событие чрезвычайной важности. Он с радостью показывает мне свой город, не забывая при этом воспользоваться моим присутствием для того, чтобы расширить представления людей о Советском Союзе. И вот уже я в мужском колледже рассказываю двум сотням расположившихся на траве подростков, смысленых и остроглазых, о московском метро и университете на Ленинских горах. Потом мы едем к Сатъяджиту Шастри в его мебельную лавку. Шастри

около семидесяти. Улыбка странным образом изменяет его лицо, лицо схимника-аскета. Много лет этот человек отдал распространению знаний о Советском Союзе, развитию дружбы между индийцами и советскими людьми.

— Мы стараемся работать активно,— скромно замечает он.— Читателей журнала «Совет лэнд» здесь больше, чем где бы то ни было. И людей, изучающих русский язык, у нас много. Девять человек из нашего города учатся в Советском Союзе. На наших предприятиях работает несколько инженеров с советскими дипломами... Кстати, вы уже побывали на «Харша тракторз»? Нет? Обязательно посмотрите этот завод...

Решаю тут же воспользоваться советом мистера Шастри. Тем более что до завода — два километра.

Харша — распространенное мужское имя, которое получил в Индии харьковский трактор ДТ-25А-1. Уже 16 тысяч таких тракторов работает на индийских полях. Нирмал Сингх, хорошо сложенный, высокий сикх в красном тюрбане,— начальник производства — ведет меня по чистой и зеленой территории завода, на которой разместилось несколько аккуратных строений из красного кирпича. Места здесь еще много, и завод долго сможет расширять свои производственные площади. Нирмал Сингх показывает мне механический цех, оснащенный металлорежущими станками различного назначения. Часть их произведена в Индии. Много советских станков, встречаются чехословацкие, румынские.

— Некоторые из них мы установили несколько дней назад. Видите, смазка еще свежая? Мы только начинаем по-настоящему разворачиваться.

В цехе приемки готовой продукции столпились десятки красных красавцев с вертикальной надписью «Харша» на радиаторах. Индийский трактор советского происхождения сделан на совесть. Детали пригнаны друг к другу точно, нигде нет щелей или перекосов.

В кабинете генерального директора фирмы П. Н. Агравала много народу. Как и в любом другом кабинете на крупном заводе, здесь попеременно звонят телефоны. Усталый пожилой человек с седыми волосами, оттеняющими исполосованный тонкими морщинами лоб, берет трубки и отдает кому-то короткие распоряжения. Трактор «Харша» назван в честь его сына.

Пью предложенный мне чай с молоком и слушаю его рассказ.

— Наша фирма и производит, и импортирует тракторы, а затем поставляет их фермерам и крестьянам. Мы начали покупать советские тракторы еще в 1956 году. Ввозили ДТ-14, ДТ-20. Потом решили наладить сборку советских тракторов здесь, в Индии. Остановились на харьковской модели ДТ-25А-1. Сперва целиком собирали трактор из советских деталей, потом часть деталей и узлов стали делать сами. И вот теперь «Харша» на 86 процентов состоит из наших собственных деталей и узлов и только на 14 из импортируемых. Сотрудничество с советскими коллегами помогло нам освоить передовую технологию. Очень скоро «Харша» станет на 100 процентов индийским трактором.

— Сейчас главная задача — освоение проектной мощности завода. — Вступает в разговор коммерческий директор Д. Р. Гарг. — Мы выпускаем пока около тысячи тракторов в год. Но в самое ближайшее время мы будем производить ежегодно по 10 тысяч. Наш трактор пользуется огромным спросом. Он легок в обращении, расходует мало топлива, надежен и, главное, практически универсален — может быть использован и на равнинах нашего Уттар-Прадеша, и в пустынях Раджастхана, и в предгорьях Гималаев, не боится тропической жары, способен вести пахоту, прополку, культивацию. Как ни хорош «Харша», он, однако, не может удовлетворить все хозяйства. Вот почему мы думаем сейчас о том, чтобы начать выпуск еще одного трактора — из серии «Беларусь».

* * *

О том, что в Индии много промышленных объектов, созданных в сотрудничестве с Советским Союзом, знают, по-видимому, все. В этом нет ничего удивительно, ибо обе страны придают взаимовыгодным экономическим связям огромное значение, с каждым годом расширяют и углубляют их.

И все же, когда встречаешь в пути заводские ворота, украшенные индийским и советским флагами, испытываешь нечто вроде радостного удивления. Не раз «открывал» я такие ворота.

Нефтеперерабатывающий завод в Матхуре, о котором я упоминал, также является детищем советско-индийского сотрудничества. Мощность его — 6 миллионов тонн нефти в год. Это — около 20 процентов всей индийской переработки нефти. Сюда будет поступать

в основном нефть бомбейского свода. Матхуру свяжет с Бомбеем нефтепровод.

— По нашим масштабам это примерно как Павлодарский завод,— говорит, подумав, Владимир Владимирович Ухин, когда я прошу его назвать советский аналог новостройки под Матхурой. Этот коренастый, неторопливый, крепкий человек окончил московский нефтяной институт имени Губкина. А его коллега и тезка — руководитель группы советских специалистов Владимир Тимофеевич Зотов — приехал сюда с Новокуйбышевского нефтехимкомбината. Их познакомила и сдружила Матхура. Беседуя с ними, узнаю, что завод включает в себя атмосферно-вакуумную установку, установку легкого крекинга гудрона, битумное производство и установку каталитического крекинга. Технический проект создан совместно советскими и индийскими проектирующими организациями. Сооружения, связанные с основным производством, спроектированы советскими инженерами и оснащены нашим оборудованием. А системы общезаводского хозяйства, водоснабжения, различные помещения целиком и полностью созданы индийцами.

— Завод в Гуджарате мы сдавали под ключ,— замечает Владимир Тимофеевич.— А здесь все делается совместно. Это говорит о том, что у Индии растут технические возможности, появляется все больше квалифицированных специалистов.

Мы сидим в небольшой, светлой комнате за столом, заваленным техническими документами. Жужжит, временами задыхаясь и кашляя, вставленный в оконную раму кондиционер. Владимира Владимировича вызывает заглянувший в дверь молодой человек в тюрбане, и он, извинившись, уходит. А через минуту Владимир Тимофеевич знакомит меня с высоким сухоощавым джентльменом по имени Бекаш Кумар Гхош. Виски его чуть тронуты сединой, в глазах, внимательно меня разглядывающих сквозь стекла очков, притаилась искорка доброй иронии. Мистер Гхош — заместитель генерального менеджера. Когда создавался проект предприятия, он во главе делегации индийских специалистов посетил Советский Союз — утрясал детали.

— Нет такого вопроса, который мы с мистером Зотовым и его друзьями не могли бы разгрызть,— улыбается он.— Шутка сказать — какой завод построили! Крупнейший в Индии...

Прежде чем проститься с Утгар-Прадешем, хочу ненадолго вернуться в город, с которого начинался рассказ об этом штате — в Хардвар. В Индии, как, наверное, нигде, древность соседствует с современностью, и это соседство рождает иногда невероятные ассоциации. В Хардваре — опять-таки в сотрудничестве с Советским Союзом — построен БиЭйчИЭЛ или, как его здесь часто называют, БХЭЛ. Это первые буквы слов «Бхарат хэви электрикалз лимитед» — официального названия завода тяжелого электрооборудования.

В том самом месте, где Ганг сошел с неба на землю и дал людям рис и жизнь, создан источник, непрерывно вооружающий индийскую энергетику новейшими турбинами. Энергетика — важнейший рычаг индустриализации Индии — именно здесь обретает силу и могущество.

Завод тяжелого электрооборудования, построенный в 1964 году, производит турбоагрегаты мощностью в 200 мегаватт, гидроагрегаты в 115 мегаватт, электрические машины, различную аппаратуру, запасные части. Пять десятков турбоагрегатов, созданных хардварским заводом, работают сейчас на индийских электростанциях. Вокруг завода вырос поселок, в котором живет 40 тысяч человек. Кроме 10 с половиной тысяч, работающих непосредственно на заводе, около пяти тысяч человек получили работу на вспомогательных предприятиях, связанных с заводом, в различных мастерских, использующих его отходы.

Я приезжаю сюда прямо с хардварских гхатов. Сразу за памятником Неру у ворот — стройные ряды бесконечно длинных цехов. Прохожу пролет за пролетом. Нигде ни соринки. Свет, чистота, прохлада, аккуратные, собранные, современные люди. Как и на наших заводах, всюду красочные плакаты «наглядной пропаганды». Один из них обещает: «Будь тщательным в работе, и наши заказчики скажут тебе спасибо!» Это «спасибо» — «дханьябад» имеет для индийцев принципиальное значение. Оно врачует сердца и просветляет лица. Над одним из тяжелых станков к столбу прикреплен небольшой лист ватмана. «Мастер Пракаш приветствует всех» — гласит лаконичная надпись под изображением улыбающегося Ганеша.

И, странное дело, этот слоноголовый сын Шивы не кажется здесь чужим. Он по-хозяйски взирает на новейшие станки и машины, сложив лодочкой в приветствен-

ном «намастэ» обе пары своих пухлых рук. Он, как и всюду, вместе с нарисовавшим его мастером Пракашем желает удачи каждому в этом огромном цехе, во всем Уттар-Прадеше...

Короткое имя «Дели»

В вестибюле 23-этажной башни у стеклянной перегородки толпился в очереди за пропусками пестрый народ: очкастые бородачи в дхоти, энергичные сикхи, одетые по-европейски молодые люди. Прижатый к стенке просторного лифта множеством других пассажиров, я взлетел к кабинету мистера В. С. Аилавади, хозяина башни, руководителя ДиДиЭй. Это — первые буквы слов, из которых состоит английское название Управления по развитию Дели, огромной и могущественной организации.

Люди, ждавшие в вестибюле, рвались сюда, к мистеру Аилавади и его заместителям, чтобы получить разрешение на приобретение участка, выписать стройматериалы, решить спор с субподрядчиком или добиться дополнительных капиталовложений. Я ничего не просил и не выбивал, и в усталых глазах мистера Аилавади промелькнуло нечто вроде приятного удивления: он выступал в необычной для себя роли.

— Да, конечно, и жилищное строительство входит в нашу компетенцию. Сделайте милость, взгляните на эти цифры.

Тонкие пальцы моего собеседника, украшенные перстнями, заскользили по таблице, услужливо поднесенной ему помощником. Я узнал, что площадь Союзной территории Дели — 1485 квадратных километров, 466 из которых приходится на собственно город. Что население всей территории достигает 6 миллионов, а в городе живет 5,3 миллиона человек. Что в 1962 году, когда составлялся генеральный план развития города, предполагался его рост к 1982 году лишь до 4,5 миллиона. Что пришлось поэтому на ходу переделывать план. Что с тех пор ДиДиЭй построил 47 жилых массивов.

— И сейчас мы продолжаем создавать такие массивы, — сказал мистер Аилавади, протягивая мне две фотографии. — Строим из расчета 21 квадратный метр на семью. Это немного, если учесть, что семьи у нас еще

довольно большие, но по-другому пока нельзя: люди не осият выплату, какой бы долгой ни была рассрочка. Ведь месячный доход 60 процентов делийцев не превышает 600 рупий. Видите, какая перемена произошла в жизни этих людей?

Один из снимков запечатлел рваную, грязную палатку с выглядывавшими сквозь прорехи детьми, другой — аккуратный типовой трехэтажный дом.

— Это ведь несравнимо? — спросил мистер Аилавади. И сам же ответил:

— Конечно несравнимо. За последние десять лет мы построили 73 тысячи таких домов, а сейчас хотим строить по 47 тысяч ежегодно. Ведь еще 190 тысяч человек надо переселить в дома из палаток и лачуг.

Цифры мистера Аилавади иллюстрируют процесс обновления Дели. Как и вся страна, не так уж, в сущности, давно сбросившая путы колониальной зависимости, столица молодеет, приобретает новые черты и краски. И без того многоцветная делийская палитра становится благодаря этому новому нашествию красок прямо-таки фантастической.

В той части города, которая называется «Нью-Дели», Новым Дели, добротные приземистые дома скрыты в густой зелени деревьев, сомкнувших кроны, пересечения широких улиц обозначены огромными круглыми клумбами для разъезда автомашин, величественные колоннады правительственных зданий, просторные партеры и бронзовые монументы внушают уважение, вызывают интерес. За массивными «Воротами Индии», запечатлевшими имена индийцев, погибших в первую мировую войну, высится изящная беседка, состоящая из стройных колонн, увенчанных легким куполом. В беседке когда-то располагалось скульптурное изображение английского короля Джорджа, или, как у нас пишут, Георга V. Короля, конечно, убрали, после чего начались дискуссии, а не заполнить ли «вакансию» скульптурой Махатмы Ганди. Беседка долгие годы оставалась пустой, а Ганди возглавил недавно большую бронзовую группу своих последователей в другом месте, у входа в красиво разбитый парк. Фигуры идущих воспроизведены с поразительной достоверностью. В последнее время беседка снова привлекла внимание прессы. И в той же связи...

Не весь Нью-Дели отсвечивает чопорным величием бывших хозяев. На его широких, иногда прямых, как

взлетно-посадочные полосы, улицах немало броских примет нашего живого и суматошного времени. И пожилая женщина в золотистом сари, уверенно пришпорившая свой мотоцикл, и грузовик, везущий гигантскую панель на стройку, и школьник с висящим на плече индийским транзисторным приемником возникли совсем недавно.

Бесконечно длинный и свободный Раджпатх, который раньше назывался Кингсвэй — Путем королей и нынешнее название которого интерпретируется как Путь государства, пересекает Джанпатх, Путь народа, который раньше был Путем королей — Куинсвэй. Джанпатх забит автомашинами, мотороллерами, велосипедами, трехколесными велоколясками. Всего в Дели 479 тысяч моторизованных экипажей. Львиная доля их — 303 тысячи — приходится на мотоциклы и мотороллеры. Легковых автомашин — 111 тысяч. 19 тысяч так называемых «моторикш», или «бэби-такси», около 10 тысяч автобусов. Даже здесь, в Дели, в Новом Дели, который в Бомбее и Калькутте считают чуть ли не «курортом», перегруженность улиц транспортом сразу же бросается в глаза. Что же говорить о старом городе?

Продолжим, однако, наше путешествие по Джанпатху. Это, пожалуй, самая оживленная улица в новом городе. На ней много фешенебельных магазинов, с которыми соседствуют тесные лавки Тибетского рынка. Здесь, как и во многих других городах Северной Индии, торгуют тибетцы, бежавшие из Китая, или их дети и даже внуки. Вам предлагают и тибетско-непальские иконы танка, и серебряные, медные, бронзовые фигурки индусских и буддистских богов, и ритуальные четки, и вертящиеся молитвенные барабаны. Чего только нет на Тибетском рынке: свистульки, петарды, кольца, браслеты, поделки из верблюжьей кости.

Джанпатх впадает в идеально круглую площадь Коннот-плейс, застроенную домами с белыми, оштукатуренными колоннами. Частокол этих колонн образует строгий круг, в центре которого разбит сквер. За колоннами впритык друг к другу расположены магазины, в которых разбегаются глаза у модниц, ценителей искусства, библиоманов и даже у людей, в принципе равнодушных к вещам. Коннот-плейс — это мощная торговая держава со своими неписаными, но строго соблюдаемыми законами, со своим этикетом. **Стоит** все

Здесь значительно дороже, чем в других местах, но торговаться не принято: покупатели разговаривают тихо, односложно и как бы нехотя, продавцы обходятся лишь тремя словами — да, нет, пожалуйста. Публика на Конноте степенная, холеная.

Совсем иначе выглядит Чандничоук в старом городе. Эта улица орет, размахивает какими-то тряпками, гудит, тренькает, звонит в колокола, пестрит ярко разрисованными велоколясками, которых нет в Нью-Дели, дымит, шипит жареными пирожками, смердит рыбой и какофонией специй. Она заполнена разношерстной, босягой, яростной и жизнерадостной толпой. По соседству с Гурудварой — сикхским храмом, сверкающим позолотой многих куполов, теснятся сотни и сотни харчевен и лавок. Среди индийцев много (едва ли не большая часть) вегетарианцев. Поэтому овощные блюда в ресторанах и мелких забегаловках поражают иногда своей изысканностью. Пышущие жаром слоеные пирожки с горохом и перцем, останавливающие дыхание, или залитые кипящим сыром шампиньоны с жареной лапшой возбуждают аппетит еще издали. Но и любители мяса не забыты: повсюду вам предлагают желтый от особой приправы — масалы — шашлык, румяные куски курицы — «тандури чикен».

На Чандничоуке рядом с джайнским храмом высится башенка единственного в мире стационарного госпиталя для птиц, созданного группой меценатов-джайнистов и охотно принимающего любые пожертвования. Птиц лечат бесплатно, но с условием, что после выздоровления им предоставляется возможность обрести полную свободу. И лишь те из них, которые предпочитают голодной свободе сытое существование в клетке, возвращаются к хозяину. Для того чтобы выяснить, каково истинное желание птицы, по субботам выздоровевших пациентов приглашают на крышу, где они должны в присутствии хозяина сделать выбор.

Чандничоук выходит к Красному форту, построенному могольским императором Шах Джаханом. За его высокими стенами и башнями из красного песчаника немало сооружений из белого мрамора. Мрамор, говорят, был инкрустирован драгоценными камнями, которые были якобы выщерблены и увезены английскими грабителями. Оспины, конечно, уродуют произведения средневекового зодчества, их постепенно заполняют дешевым цветным камнем. Один знакомый поэт, пишу-

щий на урду, гневно обличил заморских экспроприаторов, подчеркнув, что последние, хоть и смогли вырвать из мрамора каменные цветы, к счастью, не сумели вырвать из душ человеческих расцветшие в них цветы достоинства и любви к свободе.

Делийская мечеть Джама Масджид, расположенная неподалеку от Чандничоука, по красоте своей и по размерам может поспорить с любой другой: словно надутые, серые купола прекрасно гармонируют со стройными минаретами, сделанными из того же красного песчаника, что и Красный форт, весьма распространенного в Северной Индии. Вокруг мечети мир старого города исполнен особой символики. Ни лужи помоев, ни чадящие примусы, ни нищие в рубище не могут ослабить его обаяния. Мечеть со всех сторон осаждена лавками, торгующими сушеной рыбой, слоновой костью, сандаловым деревом, бронзой, каленым орехом и вязким, приторным сиропом. Пожилой сикх в синем тюрбане продает на вес индусских богов. Бронзовые — по 65 рупий за кило, латунные — всего по 45. Ганеш, задравший хобот, восхитительная Сарасвати с лютней, темпераментная апсара в танце. Тонкие отливки, обработанные напильником и резцом, покрываются затем искусственной патиной. Старая работа продается не на вес, а поштучно. Но и старая, и новая представляют собой копирование чьего-то древнего вдохновения, воскрешает образы, созданные многие тысячелетия назад. Дети старого города научились этому у своих отцов, а те — у своих. И не только лавки толпятся вокруг мечети, но и мастерские. Их, пожалуй, больше, чем лавок. Нередко лавка является как бы частью мастерской.

Ом Пракаш ведет меня на второй этаж домика, пестрым кораблем причалившего к ветхому строению на небольшой полукруглой площадке перед мечетью. Просторная комната-фонарь уставлена топчанами, на которых сидят мастера. Зажав пальцами ног огромный слоновий бивень, один из них медленно насекает на нем контуры будущего рельефа: трубящих слонов, деревьев, женщин. Лицо мастера сосредоточено, движения легки, резец как будто скользит по поверхности бивня, не оставляя заметных следов. Но проходит несколько минут, и я ощущаю, как оживает бивень.

Мастера зовут Хар Даял. У него удлинненное лицо, умные, внимательные глаза, верхнюю губу окаймляет тоненькая полоска усов. А руки его, тяжелые, обветрен-

ные, покрытые ссадинами, изборожденные вздутыми жилами, больше похожи на руки кузнеца, чем на руки художника. Хар Даялу сорок. У него четверо детей. Бивень этот он будет резать год-полтора, получая при этом ежемесячно около двух тысяч рупий. Это довольно много, раза в три с половиной больше, чем зарабатывает квалифицированный рабочий. Но волшебный бивень Ом Пракаш и его родственники, совладельцы фирмы, продадут тысяч за 50. Здесь, в старом городе, у них лишь одна небольшая мастерская. Основное производство сосредоточено в огромном эмпориуме неподалеку от башни Кутаб Минар в новом Дели. Глаза разбегаются в залах эмпориума. Здесь и потрясающие образцы резьбы по слоновой кости, и сандаловые скульптуры, и уникальные фигуры из бронзы, серебра, драгоценных и полудрагоценных камней, и всевозможные женские украшения, и мебель, инкрустированная слоновой костью, рогом, металлом. Вход в эмпориум охраняет огромный белокаменный слон, во дворе его разместились уменьшенная копия Тадж Махала, изваяние Будды «озаренного». Здесь же расположены мастерские. В них сидят, поджав босые ноги, кудесники чеканки, горячей эмали, резьбы по камню. Ом Пракаш знакомит меня с ними. Один из них — Мохаммед Исмаил приглашен фирмой из Морадабада. Он мусульманин и большой мастер тонкого орнамента на латунных блюдах. А тезка хозяина — Пракаш — индус, ему лучше удаются фигуры.

— Сейчас грань между мусульманским и индусским искусством постепенно стирается, — сообщает он. — Лучший наш резчик по слоновой кости, старейшина резчиков — семидесятилетний мусульманин Абдул Рахман, который, несмотря на запрет Корана, талантливо изображает людей и животных.

Аккуратное, гладкое лицо Ом Пракаша вдруг светлеет.

— Я вам ведь еще главного не сказал, — спохватывается он. — Наша фирма поставляет половину предметов, которые продают в Москве в магазине «Ганга». Мы были в числе пионеров торговли с советскими объединениями — «разноэкспортом» и «новоэкспортом». Советский Союз — наш самый крупный покупатель, туда направляется более четверти всей производимой нами продукции. Среди наших мастеров есть люди из Западной Бенгалии, из Карнатаки. Но мы иногда закупа-

ём художественную продукцию мастеров, работающих самостоятельно. Наши люди ездят по стране, изучают характерные особенности народного искусства в разных штатах...

Он говорит, а у меня перед глазами — руки Хар Даяла из старого города — тяжелые и искусные руки народа, творящего красоту.

* * *

В Дели много памятников, оставленных Моголами. По всему городу разбросаны круглые тумбы мечетей, усыпальниц, арки, ворота, башни. В нем немало памятников британского владычества. И конечно же, за годы независимости выросло огромное количество новых, современных зданий. Как примирить все эти разные стили, заставить их вписаться в общий рисунок завтрашнего города? Мы говорили об этом с молодым архитектором-градостроителем Дж. С. Гамбхиром. Элегантный и немного стеснительный мистер Гамбхир увлечен идеей создания архитектурных «мостов» между памятниками различных эпох и культур.

— Задача не так уж трудна, — заметил он. — Куда труднее сократить социальную пропасть между старым и новым Дели. Ведь новый город колонизаторы строили для себя. До сих пор плотность населения в нем примерно в тридцать раз ниже, чем в старом городе. Нынешнее градостроительство должно предусмотреть постепенную ликвидацию этого разрыва.

Сколько разномастен, разнопланов сегодняшний Дели! Блестящая пара в мраморных креслах у голубой воды бассейна в роскошном отеле с бесшумными официантами в малиновых фраках, подающими ледяное шотландское виски. Дели? Дели. А прокаженный с забинтованными культиями рук, просящий милостыню на перекрестке, где светофор то и дело останавливает поток машин? А старуха, на пару со «священной» коровой копающаяся в мусорном ящике? Тоже — Дели. Различны судьбы у этой вот юной леди в модном сафари, сядшейся в японский лимузин, и у той девушки в сари, потерявшем от времени цвет, несущей на голове медный кувшин с водой. Похожи у них лишь сережки, сверкающие у каждой в левом крыле носа. Но и это сходство — мнимое: у одной сережка бриллиантовая, у другой — стеклянная. Обе они представляют Дели,

Есть в этом городе и настоящие трущобы. Я разговаривал в одной такой трущобе-общине с ее прадханом-предводителем Мохаммедом Гаусом. Гаус, как и 250 обитателей этого темного угла, бездомен. Лишь палатка, сшитая его женой из подобранного где-то тряпья, укрывает его семью от солнца и дождя. Гаус и его друзья — сборщики кабада (всякого рода отбросов, которые могут быть утилизированы) и рикши. Кабадисты зарабатывают по 6—7 рупий в день, у рикш после уплаты хозяину коляски половины или трети дневной выручки остается рупий по 15. Индусы и мусульмане общины живут, по словам Гауса, как братья: все за одного, один за всех.

Рабочих и служащих различных предприятий, включая мелкие мастерские, насчитывается в столице 375 тысяч. И хоть здесь производится широкий ассортимент продукции — от шпилек для волос до сложных электроприборов, — Дели, в отличие от Бомбея или Калькутты, нельзя назвать промышленным городом в полном смысле этого слова. Есть здесь текстильные фабрики, есть химия, есть производство деталей для машин и велосипедов, выделка кож. Крупных предприятий, однако, немного. Основу экономики города составляет так называемая «малая индустрия», существенную роль играет развитие ремесел.

Мой знакомый Кумар Дас явно учтен статистикой, как рабочий, ибо учится он заочно, работая наладчиком станков на ткацкой фабрике. Ему тридцать, у него вьющиеся черные волосы и пышные усы с закрученными кверху концами.

— Люблю ли я Дели? — переспросил он меня удивленно. — Не знаю, люблю ли, но жить без этого города не смог бы, ни на что другое его бы не променял. Надеюсь, мой сын будет счастливее меня — к тому времени, когда он вырастет, наш город будет еще более прекрасным.

Кумар Дас — давний подписчик журнала «Совет лэнд», выпускаемого АПН специально для Индии.

— Дружба с Советским Союзом имеет для нас сейчас особое значение, — сказал он. — В нынешней международной обстановке это становится понятным всем, даже далеким от политики людям...

Примерно то же я слышал от профессора Чандра Натх Чакраварти.

В далеком 1946 году он выбрал в Делийском уни-

верситете кафедру русского языка. Едва ли он мог предполагать тогда, что, закончив четырехлетний курс обучения в Делийском университете, он останется при кафедре, а потом будет отшлифовывать свой русский на филологическом факультете МГУ. И уж конечно не знал он, что вся его жизнь будет посвящена языку Пушкина и Блока. Что станет он директором первого в Индии института русского языка, который потом волеется в новый университет имени Джавахарлала Неру и будет называться Центром русских исследований.

Чакраварти был тогда вихрастым и быстрым паренком с очень светлой, набитой стихами головой и горячим сердцем, которое сразу прикипело и к языку России, и к ее культуре. Стал яростным пропагандистом своего дела и признанным его знатоком. Несколько лет был заведующим кафедрой в Делийском университете. И когда создавался Центр, оказался самой лучшей кандидатурой на должность его руководителя.

— Литературы наших двух стран долгие десятилетия были отгорожены одна от другой,— говорил он мне.— Английский выступал в роли посредника между ними. Сейчас мы стремимся переводить все с оригинала. Коллега Вариам Сингх опубликовал недавно прекрасные переводы стихов Александра Блока...

Мы шли по коридорам Центра. Его кирпично-красные здания представляют собой соприкасающиеся углами квадраты с изумрудно-зелеными лужайками внутри. Русский язык профессора безупречен. Он прекрасно использует оттеночные возможности языка. Это меня, в общем, не удивляло — так оно и должно быть. Он ведь один из крупнейших специалистов в Индии. Но когда в библиотеке он заговорил со студентом третьего курса Аруном Кумаром Сингхом, я еле сдержал возглас восхищения: Арун ответил ему таким же чистым и внятным русским языком. Изучение языка в Центре преследует не одни только утилитарные цели. Девушка, по имени Рену Гоел, с тяжелыми черными волосами, расчесанными, как здесь принято, на прямой пробор, назвала мне тему своей научной работы: «Семантическая структура атрибутивных компонентов словосочетаний общественно-политической терминологии». Назвала и улыбнулась весело и беззаботно, будто «атрибутивные компоненты» — пустяк, не стоящий особого внимания...

* * *

Как-то, проснувшись, я увидел, что нашу улицу завалило густым туманом. Резвые бурундучки, которых встречаешь в Дели на каждом шагу, вытянув вверх мордочки, что-то старательно вынюхивали. Я позвонил в аэропорт — узнать, когда прибывает из Москвы самолет с моим другом на борту.

— Пока пыльная буря не уляжется, самолеты приземляться не будут, — ответили мне. — Может быть, завтра или послезавтра...

Я принял за туман пыль, которую пригнал ветер из Раджастхана, из пустыни Тар. Явление, как выяснилось, довольно частое. С апреля и до июля в Дели стоит нестерпимая жара — до 45 градусов в тени. Потом наступает длящийся два месяца влажный сезон. Сушь сменяется бесконечными проливными дождями, которые приносит муссон, или, как его здесь называют, монсун. В сентябре — октябре сохраняется «умеренная» жара, как на Кавказе в разгар лета. Ну, а потом почти до конца марта дельйцы наслаждаются прекрасной погодой. Здешняя зима напоминает бархатный сезон в Крыму: нежное солнце, прохлада, всегда ясное небо. В это время тенистые дельйские парки и скверы заполняет молодежь. Веселые ребячьи голоса звенят у подножия Старого форта — Пурана-кила, где расположен огромный и живописный зоопарк.

Зимой нередко замечаю на лавочках влюбленные пары. Обоим, как правило, лет по 30—35. Пропаганда поздних браков, являющаяся частью движения за сокращение рождаемости, дает, очевидно, известный эффект.

Зимой часто играют свадьбы. К иллюминированному двору, в котором пляшут гости, подъезжает на коне жених. Подъезжает за невестой. Он в золоченой одежде и высоком затейливом тюрбане. Перед ним, держась за конскую шею, сидит мальчик — его младший брат или племянник. Тот, кто в будущем, в случае его смерти, возьмет на себя заботу о его семье. Позднее я расскажу немного подробнее об индийских свадьбах.

На середину октября, когда жара обычно спадает, приходится Дурга-пуджа. Этот длящийся девять дней праздник славит победу бога-героя Рамы над коварным предводителем демонов-ракшасов Раваной. Раме, как известно, помогла победить богиня Дурга. Еще до

этого она, как знает читатель, спасла богов от страшного позора и вернула их на небо, с которого их согнал глава всех дьяволов — Махисасур. В долгом бою она одолела Махисасура. Праздник этот отмечается по-разному в разных штатах. В Дели на временных подмостках, возникающих чуть ли не на каждом углу, разыгрывается «Рамлила» — представление, повествующее о событиях, описанных «Рамаяной». Огромные массы людей ночи напролет наблюдают эти представления, весело смакуя победу над силами зла. Представления заканчиваются в последний день праздника торжественным сожжением огромных чучел Раваны и его приспешников. Бенгальское население столицы — а в Дели живет много народу из самых различных штатов — этим не ограничивается. Бенгалцы изготавливают также множество скульптурных изображений Дурги, которые после завершения обрядов торжественно погружают в Джамну.

Ну, а в ноябре, в первый день полнолуния, Дели празднует дивали. После того как Рама победил на Ланке Равану, он прибыл к себе домой, в Айодхью. В те времена это путешествие заняло у него две недели, которые и отделяют Дургапуджу от дивали. Чтобы почтить победителя, жители Айодхьи зажгли повсюду яркие огни. Они осветили стены домов и крыши и вышли со свечами встретить божественную чету. С тех пор уже три или четыре тысячи лет подряд индусы в этот день следуют примеру обитателей мифической Айодхьи, которая, как считают, находилась где-то в центре Индии. Они, однако, не довольствуются огнями. Помню, как ночью перед дивали меня разбудил выстрел у самого моего окна. Затем затараторили частые очереди, захлопотали взрывы. Из соседнего дома вылетела с шипением пылающая ракета. В двух шагах от моих ворот седой как лунь старец, присев на корточки, поджигал фитиль самодельной бомбы. Это продолжалось весь следующий день — до глубокой ночи. Я шел по городу, который и не думал засыпать. Десятки горящих свеч украшали окна домов, карнизы, заборы. С треском взлетали ракеты, прочерчивая по небу огненные зигзаги. Прямо на асфальте посреди веселой, возбужденной толпы стремительно вращались искристые патаки, изрыгали струи огня круглые патроны, сыпали огненный дождь широкие картонные трубы с крыш, оглушительно рвались шумовые гранаты. Кое-где меж-

ду крышами соседних домов возникла настоящая пере-стрелка. Народ веселился от души, полностью предаваясь празднику, отложив все заботы, печали, невзгоды. Всюду были накрыты праздничные столы.

Мимо меня с ревом пронеслась пожарная машина: где-то вдали взметнулся в небо многометровый столб отнюдь не декоративного огня.

Утром у двери раздался звонок. На пороге стоял знакомый журналист Нараин. В руках у него был большой сверток.

— Это сладости,— объяснил он.— Во время дивали без них не обойтись. Желаю вам счастья и удачи. В этот раз праздник прошел более или менее благополучно — всего пять-шесть пожаров...

Дивали отмечают не только индусы, но и сикхи. Иногда даже мусульмане. В день праздника меня обычно навещали друзья. И каждый раз стол делился на секторы — вегетарианский, терпящий свинину, не терпящий говядины. Без меня мои гости, представляющие разные религии, никогда бы не сели за один стол...

Зима обычно оживляет политическую жизнь, которая, впрочем, в столице никогда не замирает. Во время сессии парламента у круглого здания, в котором расположены помещения обеих его палат, суть Дели, как столицы огромного, многоязычного, разноплеменного государства, становится особенно наглядной. Обилие ярких национальных одежд, типов лица, оттенков кожи, темпераментов поражает. Среди головных уборов главенствует белая конгрессистская шапочка-топи. Это особенно заметно, когда смотришь с журналистской галерки вниз на заседание Народной палаты — Лок Сабха. Попав впервые в парламент, я с интересом разглядывал депутатов, многих из которых знал раньше по портретам. Вон представитель Коммунистической партии Индии Индраджит Гупта. А вон — бывший короткое время премьером глава партии Лок Дал Чаран Сингх. А вот и сама Индира Ганди, внимательно прислушивающаяся к словам спикера. Она встала, оправила темное сари, ровным спокойным голосом представила депутатам нескольких новых министров своего кабинета.

Какой-то оппозиционный деятель, одетый, как и многие, в белую свободную рубашу, дхоти и тапочки на босу ногу, начал вдруг кричать во все горло о том, что

правительство не принимает эффективных мер в борьбе против контрабандистов. Буржуазный парламент есть буржуазный парламент. Правительство можно обвинить в чем угодно. Даже в попустительстве плохой погоде. В индийских условиях недостатка в материале для обвинений самого различного характера нет: тут и подрывная деятельность всякого рода сепаратистов, и столкновения на почве религиозных и социально-кастовых противоречий, и проблемы занятости, и тяжелое положение женщины. Как справиться со всем этим одному правительству, будь оно даже семи пядей во лбу? Разумеется, многие из требований оппозиции не лишены оснований: почему бы не вести более энергичную борьбу за обуздание роста цен, против инфляции, против коррупции, за реальное улучшение положения трудящихся. Однако наиболее жгучие индийские проблемы могут быть решены лишь постепенно, в течение десятилетий...

Есть в Дели на площади Тин Мурти старый, неброский дом, к которому тянутся по вечерам горожане. Много лет прожил в нем первый премьер-министр независимой Индии Джавахарлал Неру. Люди усаживаются на скамейки во дворе, и невидимый динамик рассказывает им о жизни великого патриота. Вот в окне кабинета Неру вспыхивает свет — и людям кажется, что сам он сидит где-то там, в глубине, за письменным столом. Звучит голос Неру... Он словно размышляет вслух о путях развития Индии, о судьбе страны. «Все наши мечты о будущем новой Индии рухнут, если на истерзанный заботами мир обрушится война»...

Старшее поколение делийцев хорошо помнит цену независимости. 26 января, в день республики, когда на Раджпатхе грохочут танки, идут печатающая шаг солдаты в парадных тюрбанах, движется слоновая и верблюжья кавалерия, а в небе проносятся реактивные самолеты, жители столицы оглядываются на путь, оставшийся позади. Он был нелегким. Он учит ценить сегодняшний день.

Сердце страны

Гвалиор наш поезд прошел ночью, и я в этот раз его не увидел. Я бывал в этом городе дважды — проезжал на машине. В Индии много могучих крепостей — памятников бесконечно долгой борьбы против захватчи-

ков, Гвалиорский форт — один из самых живописных. Гигантским монолитом, узорчатой горой возвышается он над городом. Император Бабур посвятил этим башням и стенам стихи: «О, крепость крепостей, о перл из перлов Хинда!» Голубая эмаль облицовки главного дворца придает ему особое очарование. В архитектуре храмов, расположенных за стенами форта, явно ощущается соединение северных и южных традиций. Имя «Гвалиор» в 1857 году англичане произносили с трепетом. Город был одним из главных центров антианглийского восстания, до основания потрясшего империю. Восставших поддержала Рани Джанси, известная также под именем княгини Лакшмибай. Неподалеку от Гвалиора, окруженная превосходящими силами противника в крепости Джанси, она бросилась со стены и разбилась вместе с конем и привязанным к спине ребенком. Памятник отважной всаднице — одна из достопримечательностей Гвалиора. Сегодня Гвалиор славится своими тканями, спрос на которые и в Индии, и за рубежом держится уже много лет.

Из Гвалиора я добрался как-то до Кхаджурахо. Деревня эта находится на месте, где в X—XI веках располагалась столица королей династии Чанделла — Кхаджуравхака. Чанделлы построили 85 храмов. Большую часть их разрушили в разное время мусульманские завоеватели. До наших дней дошло лишь 25 этих уникальных сооружений. Восемьсот скульптур, выдолбленных в каменных монолитах, из которых построены храмы, рассказывают о быте и нравах того времени, о мире и войнах, воссоздают танцы и сцены общения богов с людьми, воспевают женскую красоту. Скульптурные композиции созданы поистине великими мастерами. Среди мотивов Кхаджурахо есть и откровенно эротические, имеющие различное происхождение. Культово-тантристская основа храмовой эротики в Индии — предмет специального исследования. Есть, однако, и наивные объяснения фигурок на фронтонах храмов. С их помощью зодчие и скульпторы надеялись уберечь храм от молнии. Богиня молнии Ваджрайогини, будучи девственницей, должна в ужасе отпрянуть, увидев такое распутство. Храмы Кхаджурахо стоят на открытом месте на высоких постаментах, их стройные профили очерчены густой синевой неба, оттенены изумрудной зеленью баньянов.

Так случилось, что я до сих пор бывал лишь в се-

верных окраинах штата Мадхья-Прадеш, самого крупного в стране по территории и географически представляющего собой ее сердцевину. Штат этот, равный по территории Франции, обладает населением в 52 миллиона человек. Он играет огромную роль в индустриализации Индии и в развитии экономического сотрудничества ее с Советским Союзом. В Мадхья-Прадеше находится Бхилайский завод — первенец индийской черной металлургии и символ советско-индийской дружбы, предприятие, дающее ежегодно два с половиной миллиона тонн стали.

Здесь же, в Корбе, опять-таки с помощью СССР построен недавно мощный алюминиевый завод. Здесь находится угольное месторождение Синграули, на базе которого при экономическом и техническом содействии Советского Союза создается мощный энергетический комплекс.

Все в Мадхья-Прадеше крупно, масштабно, значительно — и памятники древности, и промышленность, и природа. Два национальных парка — в Канхе и Шивпури — известны каждому в Индии. В них ведется серьезная научная работа, обобщается опыт наблюдения за поведением животных.

Издав торжествующий рев, наш поезд медленно подходит к перрону Бхопала. Вокзал главного города Мадхья-Прадеша мало чем отличается от сотен других, виденных мною в разных странах. Та же спешка, толкотня, битком набитые пассажирами залы ожидания. Сам Бхопал, однако, ни на что другое не похож. Он раскинулся на холмах между двумя живописными озерами — Верхним и Нижним. Над голубой водой высятся изящные минареты и купола мечетей, фасады современных зданий, среди которых выделяется медицинский колледж.

Показывает мне город в первый раз плотный, гладко выбритый и стремительный человек в белой конгрессистской шапочке — Азиз Куреши. Начинаем мы с мечети Тадж-уль-Масджид, которую заложили в 1887 году. По ряду причин она до последнего времени оставалась не достроенной. Лишь несколько лет назад устремились в небо 70-метровые минареты из красного песчаника. Маулана попросил горожан пожертвовать часть своих сбережений на завершение строительства, и горожане не замедлили открыть свои кошельки и кубышки.

Азиз, спокойный, просветленный, стоит рядом со мной у одного из светло-серых куполов, внутри которого заканчиваются отделочные работы: здесь будет зал для особо важных заседаний. Вокруг нас раскинулся город, парящий над озерами, зеленый, умытый только что прошедшим дождем.

— Там вон, видите, две желтые многоэтажные башни и несколько домов на одной линии? — протягивает руку Куреши. — Это — новый Бхопал. А здесь, где тяжелые приземистые дома столпились в беспорядке, — старый. Между ними, правда, нет такого резкого различия, как, скажем, в Дели.

Азиз Куреши относится к разряду людей, которых все время заново для себя открываешь. До сих пор я знал, что он возглавляет в Мадхья-Прадеше общество друзей Советского Союза. Примерно через час после того, как мы познакомились, выяснилось, что он много лет занимал в штате должности министров просвещения и энергетики, а теперь, также находясь в ранге министра, возглавляет рыболовецкую корпорацию. Сейчас, глядя на родной город с высоты Тадж-уль-Масджида, он читает мне на урду свои стихи о нем. Потом оказывается, что он — знаток арабского языка и исследователь арабской литературы. В довершение всего выясняется, что на днях он закончил работу над диссертацией, посвященной развитию административной деятельности в штате.

— Я не пью и не курю, у меня много времени, — шутливо оправдывается он. — Что же касается моей общественной деятельности, то она для меня имеет особое значение. Я глубоко верю в великое будущее индийско-советской дружбы. Кстати, у нас в Бхопале уже около двух десятилетий работает институт русских исследований имени А. В. Балиги. Не хотите ли его посетить? Занятия там очень интересные и проходят они в основном по вечерам...

По каменной винтовой лестнице внутри минарета мы спускаемся во двор мечети, прощаемся с круглобродьими старцами в кружевных шапочках, свидетельствующих о том, что они совершили хадж — паломничество в Мекку, обуваясь и садимся в машину. Куреши везет меня в правление своей корпорации, знакомит с коллегами. Один из них — главный инженер Мирза Сахим Бек, сорок лет отдавший рыбному промыслу, очень высокий и поджарый человек, которому все остальные

по плечо, рассказывает о разведении рыбы в Мадхья-Прадеше, не имеющем выхода к морю.

— В нашем «сухопутном» штате рыба достается человеку не так легко, как в приморских районах,— говорит он.— Нужно крупномасштабное строительство водоемов, нужна современная техника, нужны специальные пруды для разведения мальков, нужны специалисты. Наша корпорация производит также небольшие мотоботы для рыбаков и весельные лодки. Сейчас мы вывозим большую часть рыбы в Западную Бенгалию, где население ее в большем количестве потребляет. В будущем предполагаем также наладить экспорт некоторых видов рыбы за границу. И конечно, стремимся увеличить долю рыбы в рационе жителей Мадхья-Прадеша. Одну треть населения нашего штата составляют хариджаны и адиваси, которые едят рыбу. Другую треть — мусульмане и те индусы, которые не придерживаются строго вегетарианских принципов. Так что среди большей части населения рыба спрос находит.

Мой энергичный хозяин свертывает нашу беседу: времени, мол, мало, надо еще до наступления темноты побывать на водохранилище Халали, а это — километров за сорок.

Водоохранилище оказывается гигантским и необыкновенно красивым. Ветер сминает неоглядное голубое лоно, треплет его, топорщит. Вдали чуть проступают в небе острые контуры гор.

— Я закладывал это водохранилище, когда был министром энергетики,— не без гордости говорит Куреши.— И теперь развожу и добываю здесь рыбу. Выходит, для себя же и строил...

Мы сидим у воды, смотрим, как улов грузят с двух мотоботов на прицеп мощного трака. В основном это могучие карпы и крупная красноперая рыба «синхал». Мне приносят попробовать кусок жареного синхала. Он превосходен. Выясняется, что великий организатор рыбного дела сам рыбы в рот не берет.

— У меня с детства аллергия,— виновато оправдывается он.

Вечером нахожу Институт русских исследований. Директор его госпожа Шакунтала Вайдья, оказывается, в отъезде. На месте, однако, ее супруг. Мистер Вайдья водит меня из класса в класс, знакомит с занятиями различных возрастных групп. Люди — взрослые и маленькие — приходят сюда после работы или занятий

в школе. В течение трех лет они приобретают знания, которые при наличии практики дают им возможность быстро овладеть языком. В классе, где занимается взрослая молодежь, интересуюсь родом деятельности каждого. Вместе изучают русский школьная учительница, несколько студентов-медиков, инженер с завода тяжелого электрооборудования, полицейский, художник, рабочий-химик.

Кроме курсов для различных возрастных групп при институте работает библиотека, об увеличении фонда которой позаботился сам главный министр штата.

— В нашем штате русский язык включен в школьные программы,— сообщает мистер Вайдья.— У нас ведь так много объектов сотрудничества с вашей страной.

Неутомимый Азиз Куреши присылает за мной машину, которая подвозит меня к ярко иллюминированному особняку. У ворот стоит Куреши. Он представляет меня хозяину — мистеру Мальхотре.

— Милости прошу,— улыбается хозяин.— У нас вечер песни, но сперва пожайлуйте к столу.

После плотного вегетарианского ужина нарядные господа и дамы усаживаются на расставленные в саду рядами стулья. Певец и аккомпаниатор размещаются на небольшом помосте, покрытом ковром. У аккомпаниатора в руках нет ничего, кроме длинного, как обрубленная с двух сторон дыня, барабана. Певец же кладет руки на индийскую гармонику — ящичек с отодвигающейся стенкой. Густой речитатив певца-декламатора, сопровождаемый рассыпчатой барабанной дробью, завораживает публику. Слова великого Кабира, столько раз слышанные и читанные, обретают вдруг какую-то особую силу. Потом наступает очередь других поэтов урду — классиков и современников. Это продолжается до глубокой ночи.

Наутро чисто выбритый Куреши в новой, накрахмаленной шапочке-топи везет меня в Санчи. В этом месте, слегка приподнятом над широкой зеленой долиной, окаймленной узкой полоской синих гор, наполненном гулкой тишиной, невозможно представить себе, что где-то на свете существует сутолока и толкотня, скрипят телеги, грохочут грузовики. В Санчи сохранились древнейшие монументы буддизма — ступы, установленные в эпоху императора Ашоки в III—II веках до нашей эры. Крупнейшая из ступ имеет четверо ворот,

обращенных к странам света и покрытых горельефной резьбой. Каждая посвящена какому-то эпизоду из жизни Будды.

Потом мы делаем еще несколько десятков километров и оказываемся в Бхимбетке. Вершина крутой зеленой горы усеяна множеством отвесных голых скал. Скалы-зубья, скалы-дворцы, скалы-палатки, скалы-навесы. Их около 600 — причудливых, не похожих ни на что на свете. Я не успеваю по-настоящему оценить зрелище: Куреши показывает мне примитивные рисунки, которыми украшена почти каждая скала. Красные и белые человечки с копьями на лошадях, слоны, трезубцы, одинокие фигуры. Краска кажется свежей, будто вчера лишь положенной. Этим рисункам между тем не менее десяти тысяч лет...

Вернувшись в Бхопал, мы с Куреши едем к его другу, мэру города. Из-за стола выходит мне навстречу стройный, подтянутый улыбающийся человек с красивым молодым лицом, умным и доброжелательным. В густой черной его шевелюре ни одного седого волоса, хотя мэру уже сорок семь. Зовут его Р. К. Бисария. Он сообщает мне, что в Бхопале есть ботанический сад — один из лучших в Индии, крупный завод тяжелого электрооборудования, на котором работает 25 тысяч человек и который управляется объединением, имеющим тесные связи с Советским Союзом. Напоминает, что до провозглашения независимости Бхопал был центром мусульманского княжества и управлялся навабом и что поэтому и сегодня половина его населения — мусульмане, которые живут в мире с индусами. Говорит, что население Бхопала стремительно растет и достигло уже 800 тысяч. Появляются новые предприятия, которые ускоряют приток населения. Цинковый завод, завод пестицидов...

Я спрашиваю, с чего начинается его рабочий день.

Он отвечает, что встает в пять утра и около шести почти каждый день начинает операцию на сердце.

Только тут до меня доходит, что слово «доктор», значащееся в его визитной карточке, имеет самое непосредственное отношение к медицине. Мэр — крупнейший хирург штата.

Он не понимает моего удивления, смотрит вопросительно, потом продолжает:

— Операцию заканчиваю в 7.30. Около восьми возвращаюсь домой, завтракаю. Затем снова еду в клинику.

ку, наблюдаю там за больными до часу. Потом обедаю и в два часа дня приезжаю в контору муниципальной корпорации. До четырех занимаюсь утряской городских проблем, ругаюсь с поставщиками материалов, выбираю средства для жилищного строительства, мирю враждующие стороны. С четырех до пяти принимаю жалобщиков. До семи отдыхаю. С семи до десяти смотрю представления или слушаю музыку. В пол-одиннадцатого ложусь спать... Но сегодня культурной программы не будет. Сегодня я покажу вам вечерний Бхопал...

Он сажает меня в свою маленькую машину, садится за руль, и мы едем куда-то в гору, а внизу вырастают огни, мириады огней, отражающиеся в зеркалах озер.

Краски раджпутского края

Черные, сверкающие на солнце камни, как бы подсаживая друг друга, образуют гору, возвышающуюся над морем раскаленного песка, рвущуюся вверх. Фантастический всплеск исчезает, как марево, и снова смыкается над всем желтый песок, отделенный от неба резкой линией горизонта, и мелкая рябь его лишь изредка расступается, чтобы пропустить одинокую фигуру кактуса, растопырившего сухие, старческие пальцы. С этим песком я встречался в Дели, за пять сотен километров отсюда, когда его приносила туда взбунтовавшаяся стихия, и он висел над городом горьким на вкус и уродливым черным туманом. У себя дома, в пустыне Тар, он куда более живописен.

Край этот был известен Европе под именем Раджпутана. До нее доходили слухи об индийском рыцарском ордене Раджпутов, о доблести его адептов, о суровых обетах и законах раджпутской жизни. Когда превосходящие силы могольских захватчиков осаждали раджпутскую крепость и было ясно, что победить врага невозможно, объявлялся «джохар»: мужчины, облачившись в особые балахоны шафранового цвета, выходили на смертный бой, а жены их, надев свадебные наряды, взявшись за руки, сжигали себя на костре.

Этого вот бронзового воителя с пикой, оседлавшего лихого коня, звали Рана Пратап Сингх, он писал дерзкие эпиграммы на могольского императора Акбара и

в течение четырнадцати лет героически отражал наше-ствия его войск. А город, в котором установлена эта скульптура, основан его отцом Удай Сингхом и назван в честь последнего Удайпуром. Те далекие времена и сегодня напоминают о себе. Порой в мелочах. Традиционные индийские шахматы из слоновой кости делятся не на «черных» и «белых», а на «раджпутов» и «моглолов».

И Пратап Сингх, и его отец носили титул Махараны, высшего владыки. И сегодня живет в Удайпуре августейший Махарана, освобожденный, правда, от бремени власти.

Моего спутника зовут Ганеш, это имя преследует меня повсюду, оно вошло и в название книги. Ему лет двадцать. Студент-историк, в Дели никогда не бывал. Родился и вырос в Удайпуре, несколько раз участвовал в археологических раскопках в качестве подсобного рабочего. Иногда подрабатывает — гидом в туристской конторе. Знает в родном городе каждый камень. В сотый раз показывая приезжим дворцы и храмы, пытается скрыть свой собственный восторг, который нет-нет да и врывается в его нарочито-бесстрастный рассказ:

— Считается, что царствовавшая здесь династия происходит от самого Рамы. Этот дворец в середине озера был летней резиденцией потомков Рамы. А мы с вами находимся в зимнем. Взгляните, как чисты пропорции... Правда ведь, дворец кажется нереальным?

Правда, милый мистер Ганеш. Изящные контуры мраморного дворца-острова искусственно подсвечены, и его отражение в озерной глади мерцает таинственным, нездешним, призрачным маревом. Здесь снято немало фильмов-сказок. Джаг Нивас, или Озерный дворец, превращен в гостиницу. Ее, говорят, купил известный миллионер Тата.

Мы смотрим вниз сквозь решетки зимнего дворца на раскинувшийся между естественными стенами гор, опоясанный кольцом озер город. Днем Ганеш водил меня по его тесным улочкам среди застывших в философской неподвижности коров у лавок, таких же пестрых, как в Дели, торгующих увеличенными копиями раджпутских миниатюр на шелковых полотнищах, массивными бронзовыми анкарами, с помощью которых погонщики управляют слонами. Потом во двореике шиваистского храма я слушал, как слепая девушка, сидевшая на каменной плите у стены, играла на толстой

дудке что-то горькое и протяжное, напоминавшее о суровых раджпутских былях.

Виток за витком спускаюсь я вниз по узкой горной дороге. И снова пустыня — барханы, поросшие жухлой верблюжьей колючкой, черные на фоне огромного экрана неба силуэты верблюдов. И вдруг ни с того ни с сего — крутой обрыв, на дне которого огромный каменный карьер и два десятка раджастханских женщин в неизменных красных сари, несущих на головах корзины со щебенкой. До чего же красивы здешние женщины! Не только сложением или разрезом глаз, но и тем, что никогда не встречаешь в этих глазах тупой покорности судьбе или безысходной грусти. Они светятся добродушием и искренним интересом к жизни, даже такой вот тяжелой, в общем-то мужской. Наверное, в этом секрет особого обаяния раджастханских женщин, признанного повсюду в Индии. Снова замечаю бригаду женщин с кирками и заступами в руках у высокой насыпи и тут же о них забываю: раскаленный песок рассекает широкая полоса небесно-голубой, прохладной воды. Это знаменитый Раджастханский канал. Пожалуй, во всей индийской мифологии не отыскать такого чуда. Первая очередь канала протянулась примерно на две сотни километров, а многочисленные ответвления от главной магистрали составили еще три тысячи километров. А вторая очередь, сооружение которой будет завершено к концу шестой пятилетки, позволит оросить 700—800 тысяч гектаров. Отступит пустыня, утратит свои невероятные краски, покроется нежной зеленью риса. А всего в течение пятилетки в Индии будет орошено 15 миллионов гектаров засушливых земель.

Обгоняю группу слонов, навьюченных какими-то мешками. Спрашиваю у погонщика, куда он держит путь. «Три дня назад вышли из Удайпура, идем в Биканер», — охотно сообщает он и просит закурить. Слон с любопытством проводит хоботом по крыше моей машины, а потом протягивает мне мягкий палец, в который я с некоторой опаской вкладываю сигарету.

Неподалеку от Биканера неожиданно попадаю на единственную в Индии ферму по разведению верблюдов. Этих животных встречаешь во всех уголках страны, но рождаются они на обычных скотных дворах. Здесь же все организовано по-научному. И мистер Гупта, директор фермы, знакомит меня со своими питом-

цами — шумной, многоголосой, рыжей ватагой, вернувшейся с пастбищ. Он показывает мне только что родившегося верблюжонка, маленького, мокрого, испуганного, треплет по шее его мамашу и долго говорит о том, что будущее человечества неразрывно связано с верблюдами.

Снова я еду по пустыне, которая, несмотря на видимую бедность свою, оказывается невероятно щедрой. Ни один многоплановый и удивляющий разнообразием пейзаж не западает в душу так, как пустыня. Она пробирает тебя насквозь, и ты чувствуешь вечность земли, ее необъятность и зыбкость жизни. Ты наблюдаешь, как все сущее находит приют и здесь, как обретают магические формы каменные глыбы, как, подчиняясь неизвестной воле, струится песок, как назло ему выстраиваются у дороги кактусы и низко парят над ними птицы, высматривающие маленьких змей и ящериц, по видимому очень вкусных.

Я уже где-то на северо-востоке штата. Спрашиваю дорогу на Суратгарх и вскоре останавливаю машину у величественного, прямо-таки дворцового фасада. Так оно и есть. Правление Суратгархской государственной механизированной фермы, расположилось в бывшем летнем дворце биканерского махарджи. Ферму заложили в 1956 году, через шесть лет после провозглашения республики. Тихий человек в черном френчике, серебрящиеся виски которого разделяет белая шапочка, старший администратор фермы, обращает мое внимание на один из снимков большого стенда у входа: сыпучие пески, подернутые легкой рябью.

— Таким было это место, когда мы начали строить здесь ферму, — говорит он. — С помощью советских друзей и благодаря советскому оборудованию мы смогли выровнять эту территорию, оросить ее и начать выращивание высокоурожайных зерновых культур.

Советских специалистов здесь давно уже нет — лишь имена их красуются на мемориальной доске. Зато есть довольно много советских тракторов и комбайнов, составляющих вместе с индийскими и американскими машинами довольно внушительный парк. Господин Баласубраманиам, так зовут старшего администратора, рассказывает о своей ферме. Она занимает около 12 тысяч гектаров земель, отвоеванных у пустыни. Располагает лучшей мастерской в северо-западной части Индии, поэтому техника никогда не простаивает. Здесь

используются наиболее эффективные сорта пшеницы, рекомендованные крупнейшими сельскохозяйственными университетами в Пенджабе и Раджастане. Хозяин знакомит меня с молодыми агрономами и инженерами, каждый из которых окончил высшее учебное заведение. Это собранные, деловые, знающие себе цену, умелые люди. Можно ли вписать их в образ отошедшей в прошлое, так называемой Британской Индии? Можно ли представить себе самого господина Баласубраманиама в тех, не таких уж давних, условиях жизни и труда? Отцы и дети нынешнего поколения индийцев жили в атмосфере чудовищных лишений, они существовали, как говорится, в другом измерении.

В Джодхпур я приезжаю вечером. Вокруг маленького храма, источающего ароматы каких-то курений и рассыпающего вокруг мелодичное позвякивание, теснятся ярко освещенные лотки, заваленные унылым хламом — расческами, майками, помадой, мотками ниток, плоскими индийскими сандалиями с петелькой для большого пальца. Город кажется маленьким, грязноватым и после Удайпура ординарным. Я еще не знаю, что меня ждет утром.

Первое, что вижу из окна гостиницы, проснувшись, — огромный вертикальный цилиндр форты, надевший на голову отвесной горы. Еду туда по узкому серпантину, поминутно оглядываясь на белеющий внизу, оказавшийся удивительно стройным и компактным город. Отсюда, сверху, он кажется гигантским кораблем, бороздящим океан пустыни. Его очерчивает, подобно борту, стена, преградившая путь пескам. Еще несколько виражей, и мы въезжаем в узкую щель внешних ворот. Крепость основал в середине XV века махараджа Джодха, давший имя и ей, и городу. Последовавшие за ним махараджи построили в крепости множество великолепных сооружений, расширили ее, и она превратилась в целый город со своими улицами и площадями.

Крутые, мощенные камнем тропы вдоль толстых стен с бойницами, ярусы укреплений, фантастические белоснежные очертания главного дворца, резной фасад дворца сандалового... Во внутреннем дворике одного из дворцов знаколюсь с группой молодых раджутов в зеленых мундирах и ярко-красных тюрбанах. У белой колоннады, сквозь которую виден на дальнем холме ажурный, тоже белый Дворец кремации, пожилой

раджпут с грозными пиками седых усов, позвякивая множеством орденов и медалей на груди, наматывает на голову длинную многометровую, как принято в Раджастхане, ленту тюрбана.

Как и всякий уважающий себя раджпутский город, Джодхпур имеет собственного махараджу, у которого, оказывается, сегодня день рождения. По этому случаю было бы просто некрасиво оставаться в будничной одежде. Старый раджпут, закончив свой сложный туалет, с удовольствием показывает мне внутреннее убранство дворцового комплекса, сочетающего аскетизм воинов с роскошью королей. Подводит меня к высокой арке «Ворот победы», построенной махараджей Аджит Сингхом в честь разгрома могольской армии в начале XVIII века. Долго рассказывает об этом сражении. Молодые раджпуты поддакивают учителю, восторженно покачивают головами в тяжелых красных тюрбанах...

И снова дорога. На этот раз более спокойная, рассекающая распаханное поле. Быстро проезжаю невзрачный и грязный Аджмер: хочу засветло попасть в Джайпур, столицу штата. Вот и он, знаменитый «розовый город», построенный Джай Сингхом, который был не только воином и правителем, но и астрономом, и искусным архитектором. В начале XVIII века, когда могольская императорская власть в Дели ослабла, Джай Сингх решил покинуть свою столицу Амбер в горах и построить новый удобный город на равнине. Он создал его по единому плану. Едва ли в то время можно было бы найти другой пример столь совершенного градостроительства: строгая параллельность улиц, равная высота зданий, точно спланированные ансамбли. Джай Сингх строил город из розового песчаника. Поэтому и более поздние дома в нем окрашивались по традиции в розовый цвет. Неподдалеку от своего дворца он создал поразительную для тех далеких времен обсерваторию. Солнечные часы, сложные приборы, состоящие, как правило, из огромных градуированных полукружий, рассекаемых лестницей, направленной в сторону полярной звезды, испещренные цифрами и метками плоскости, конусы, овалы. Все эти приборы могут быть использованы учеными и сегодня. Лишь один они бы обошли стороной, хоть внешне он мало чем отличается от других: полукружие с лестницей. Этот прибор — дань астрологии и сегодня весьма почитаемой огромным большинством индийцев. У «астрологической» лестницы

всегда толпится народ, в основном пожилой. Каждому хочется угадать по расположению планет наиболее благоприятный день для свадьбы сына, для вступления в новую должность или даже для покупки холодильника. Астрологи время от времени проводят всеиндийские конференции и семинары, требуют от правительства официального признания своей «науки», обещая в обмен на такую любезность предсказать все неурожаи, землетрясения и войны на 100 лет вперед. Астрологи — народ деловой, они не сидят сложа руки. 14 апреля 1983 года в 11 часов 27 минут 18 секунд группа астрологов, возглавляемая руководителем «Института тантристских исследований» «доктором» Рамешом Парамахамсой, провозгласила образование новой политической партии «Джаната конгресс». По недвусмысленному указанию звезд президентом партии стал двухлетний сын Рамеша Санджай. Звезды обнаружили в нем «крупный политический талант». Новая «партия» обязалась в течение семи лет покончить с нищетой во всем мире...

Вхожу на территорию комплекса, именуемого городским дворцом. Часть его превращена в музей, один из флигелей занимает «царствующий» отпрыск «львиной» династии махараджа Бхавани Сингх. Слово «сингх» означает «лев» и входит составной частью чуть ли не во все раджпутские и во все сикхские имена. Бхавани Сингх, говорят, весьма отличился в последней индо-пакистанской войне. Будучи рядовым десантником, захватил в плен множество вражеских солдат. Путь мне вдруг преграждает на секунду синяя «Тойота». Водитель, человек средних лет в европейском пиджаке, притормаживает и приветствует меня традиционным индийским «намастэ» — сложенными ладонями. Я отвечаю на приветствие и тут же узнаю от гида, что мы поздоровались с самим махараджей. На юном гиде нет раджпутской чалмы, но он, кажется, глубоко взволнован этой случайной встречей.

Джайпур — миллионный город — обладает всеми традиционно-индийскими чертами. Лавки и мастерские сплелись друг с другом. У розовой стены сидит на корточках кузнец, старательно выковывающий длинную кривую саблю. Здесь же, у входа в мебельный магазин, старый столяр полирует какую-то панель. Кругом сотни детей, заливающих хохотом, плачущих, кричащих, гоняющихся друг за другом. В Джайпуре, как, пожалуй, всюду, не устаешь удивляться поразительному

столпотворению разных эпох, стилей, традиций, красок. На шумной, широкой, прямой улице светофор одновременно останавливает роскошную «тойоту-краун», верблюжью упряжку, навьюченного осла, велорикшу, слона, играющего роль прогулочного такси, и конную двуколку, которую называют «тонга».

Стою у Хава-Махала, дворца ветров, причудливой игрушки просвещенного властителя, уникального здания, конструкция которого, говорят, создает воздушные завихрения и, стало быть, обеспечивает прохладу. Из бесчисленных окошек, приоткрыв крошечные ставенки, с любопытством взирали на жизнь улицы увешанные драгоценностями гаремные женщины. Многим ли отличается сегодняшняя улица от той, которую они созерцали две сотни лет назад? Что они видели? Того же кузнеца, того же плотника, тех же слонов и верблюдов. Появились, правда, светофор и «тойота-краун»...

А плотник и кузнец? Знают ли они о гигантских заводах в Ранчи, Джамшедпуре, Бхилаи? О сложном кузнечно-прессовом оборудовании? Едва ли, хоть и живут в большом городе, столице штата, и научились ремеслу у своих отцов. Эпохи не смешиваются, они существуют.

Люди в тюрбанах

Пенджабская дорога — это бесконечный поток грузовых машин, мощные колесные тракторы с огромными прицепами, долгие «пробки» у переездов и отчаянно гудящие, стремительно змеящиеся железнодорожные составы. Это — множество дымящих труб справа и слева, иногда расступающиеся, чтобы впустить хорошо ухоженное пшеничное или горчичное поле.

Пенджаб — значит Пятиречье. Однако в нынешнем индийском штате Пенджаб протекают лишь две реки. Остальные три после раздела страны на Индию и Пакистан оказались по ту сторону границы. Штат составляет лишь 1,54 процента территории Индии, а его население — немногим более 16 миллионов — не превышает 2,5 процента населения страны. Между тем доход на душу населения здесь намного выше среднеиндийского — 1994 рупии в год против 1200. Процент грамотности значительно выше, нежели в среднем по Индии. Пенджаб имеет развитую промышленность, располага-

ет множеством научных центров и играет ведущую роль в так называемой «зеленой революции», то есть в ускоренной модернизации сельского хозяйства Индии.

— Вери-вери рич пипл — очень богатые люди, — сказал шофер Дени, обводя взглядом уличную толпу, когда мы въезжали в Лудхиану. С высокого моста нам открылся широкий обзор жилых кварталов — добротные каменные дома в четыре-пять этажей с непременно десятком телевизионных антенн над каждой крышей. Густой лес этих антенн как бы висел над городом, символизируя достаток горожан и их стремление не отставать от современности. И все же большая часть города мало чем отличалась от городов индийской «глубинки»: те же узкие улочки, лавки, щербатые фасады, тонги и велоколяски. Правда, на улице не было ни одного оборванца.

— Миллионный промышленный город еще не успел переодеться в новое, подобающее ему платье, — заметил Радж Чоудри, перехватив мой взгляд в сторону какой-то развалюхи. — Но будьте уверены, он это скоро сделает. Видите, вся правая сторона улицы в лесах.

Мистер Чоудри, изысканно одетый человек лет тридцати с умным и приветливым взглядом, возглавляет фабрику шерстяного трикотажа «Синд», одну из самых эффективных в городе. А всего в Лудхиане занято в производстве трикотажа, идущего в Советский Союз, полмиллиона рабочих. То есть половина всего населения города, включая грудных детей. То есть не только все взрослое население, но и люди из предместий. Все, живущие под зарослями антенн, все обитатели домов вокруг бронзового сикха, сурово смотрящего в сторону пакистанского Лахора, все, кто стоит в эту смену у жужжащих станков в сотнях фабричных корпусов, почти все, сидящие в многоэтажных офисах. Продукцию в Советский Союз экспортирует не только два десятка крупнейших трикотажных фирм Лудхианы, но и бесчисленное множество крошечных фабричонок. Многие производственные процессы все эти предприятия доверяют женщинам, работающим на дому и живущим в 20—30 километрах от Лудхианы.

Мы с мистером Чоудри подъезжаем к его фабрике. Нас встречает пожилой сикх, имя которого я не успеваю запомнить. Умные, чуть ироничные глаза смотрят на меня из-под пышного тюрбана, редкие усы и борода делают его похожим на доброго, ручного льва.

Новый знакомый ведет меня по цехам. Фирма мистера Чоудри поставляет в Советский Союз шерстяной трикотаж примерно на десятки миллионов рупий ежегодно: свитеры, пуловеры, колготки, носки. Фабрика оборудована современными вязальными машинами, произведенными здесь же, в Лудхиане. Выглядит она образцово: чистота, уют, рациональное использование производственных площадей. На стене в одном из цехов — связанный рабочими портрет Ленина, украшенный гирляндой из станиоли, какой индусы обрамляют изображения самых любимых народных героев.

Кроме 500 рабочих, обслуживающих фабрику, на фирму «Синд» работает еще около двух тысяч надомников, еженедельно получающих здесь задания.

В зеленоватом, окруженном развесистыми деревьями здании сельскохозяйственного университета меня познакомили с профессором Теджиндером Харпалом Сингхом, не старым еще чернобородым человеком в хорошо сшитом сером костюме.

— Маленький Пенджаб, составляющий лишь полтора процента территории Индии, дает десятую часть ее производства зерна, — с гордостью сказал он, начиная нашу беседу, которая проходила в университетском музее. — В начале 60-х годов мы в Пенджабе выращивали лишь 1,9 миллиона тонн пшеницы. Сейчас — около 8 миллионов тонн. На опытных участках получаем по 55—60 центнеров с гектара. Вот этот сорт, например...

Мистер Теджиндер высыпал мне на ладонь щепотку чуть удлиненных зерен. Рядом на стенде стояло еще с десяток банок с высокоурожайными сортами пшеницы, выведенными в Пенджабе.

— Этот сорт вывел Агравал, — заметил профессор, указав на портрет человека в тюрбане, висевший в ряду многих других. — Он здесь все начинал. А сейчас у нас есть мощная корпорация семенного фонда, которая берет наши лучшие образцы, размножает их и продает фермерам.

Покидая город, я раскрыл знаменитый путеводитель Фодора. Ни слова о Лудхиане. Нет в ней древних храмов, впечатляющих развалин, священных камней. И все же именно она символизирует стремительное развитие Пенджаба, все более определенно приобретая черты экономической столицы штата.

Путь мой лежал в духовную столицу сикхов — Амритсар.

Сикхизм зародился в начале XVI века. Он возник как продолжение религиозно-реформаторского движения в индуизме, известного под именем «бхакти», и отражал интересы средних городских слоев населения, которых не устраивали феодальные порядки. Впоследствии, отбросив учение о ненасилии, сикхизм превратился в идеологию антифеодальных восстаний. Сикхи оказывали героическое сопротивление и могольским завоевателям, и английским колонизаторам. Слово «сикх» означает «ученик». Ученик, внемлющий своему наставнику — гуру. Сикхи отрицают многобожие и поклоняются единому анонимному богу. Они свято чтут 10 гуру. Последний гуру — Говинд в 1699 году предписал сикхам не стричь волос и не брить бород, дабы отличались они от остальных людей своим внешним видом. Он повелел также каждому сикху носить на себе пять предметов — тюрбан, прикрывающий связанные в пучок волосы, круглый металлический гребень под ним, штаны особого покроя, которые в то время были большим удобством в походах по сравнению с дхоти, а теперь превратились в подштанники, саблю-кирпан и стальной браслет на правой руке, дабы сикх, решившийся на дурной поступок и потянувший руку к чужому, мог увидеть его, вспомнить о собственном предназначении и во время спохватиться. Названия всех этих предметов начинаются по-пенджабски на букву «К». Поэтому сикхи часто говорят о необходимости строго блюсти принцип «пяти К». Говинд снабдил также каждого сикха приставкой «Сингх» («Лев») к основному имени, что было прежде привилегией лишь раджпутского ордена. Обращаясь к сикху, в Индии обычно говорят «сардар джи», то есть «господин сардар», что значит «ведущий», «предводительствующий». Это обращение сохранилось со времени, когда сикхи возглавляли борьбу Пенджаба против иностранных поработителей.

Энергичные, предприимчивые и демократичные сикхи, составляющие лишь около двух процентов населения Индии, играют важную роль во многих сферах ее жизни. От одной трети до половины офицеров армии и полиции — сикхи. Немало их в крупном и среднем бизнесе, в государственном аппарате, среди инженеров, ученых. Есть сикхи и среди министров центрального правительства, и в составе законодательных собраний штатов. Да и президент Индии Заил Сингх носит сикхский тюрбан.

Сикхи — люди гордые. Среди них не бывает оборванцев, попрошайек, крайне редко встречаются жулики и воры. Им присуще обостренное чувство собственного достоинства. Один знакомый сикх, учившийся в Москве, сошелся там с австрийской девушкой, тоже студенткой. Закончив учебу, они разъехались и переписывались в течение нескольких лет. В конце концов решили навсегда соединить свои судьбы. Сикх поехал в Вену. Его избранница оказалась владелицей отеля, приносящего большой доход. Мой сикх, однако, хотел сам содержать свою семью. Полгода он тщетно искал работу. Несмотря на знание трех иностранных языков, он ее не нашел. «Пустяки,— говорила жена.— Живи себе, развлекайся, присматривай за отелем». «Нет,— ответил он.— Так не пойдет, не создан я для такого блаженства». И вернулся в Дели...

В Амритсаре я был на улице чуть ли не единственным человеком без тюрбана. Спросил в киоске сигарет и встретил негодующий взгляд торговца. Я просто забыл, что сикхизм запрещает курение (это, пожалуй, единственный его запрет в сфере быта), в центре Амритсара не найти ни одной сигареты.

Есть у сикхов секта ниранкари, деятельность которой вызывает у ортодоксов лютую ненависть. Ниранкари верят в живых гуру и в возможность появления гуру новых. Они свободны от условностей, не носят тюрбанов, нередко живут огромными общинами. Ревнителю классического сикхизма организуют налеты на собрания ниранкари, убивают «отступников» и их руководителей.

Узкие улочки «духовной столицы» сикхов мало чем отличаются от лудхианских. Здесь, пожалуй, еще больше транспорта на конной и человеческой тяге, еще громче орут торговцы, рекламирующие свой товар. Улочки впадают, как правило, в небольшие площади, украшенные памятниками. Один из них — почти копия лудхианского: подлинный танк и стоящий рядом бронзовый сикхский воин, глядящий из-под руки в сторону пакистанской границы, которая в десяти километрах. Памятники такого рода появились после индо-пакистанской войны 1962 года едва ли не в каждом пенджабском городе. На улицах Амритсара торгуют холодным оружием — кинжалы, палаши, шашки, кирпаны. Стоит оно, по-моему, дешевле, чем металл, из которого изготовлено. Рупий за двадцать можно купить прекрасно

декорированный кирпан в обшитых бархатом ножнах. С этими кирпанами просто беда. Всякий раз когда сикх садится в самолет, возникает свара. Попытки аэродромной администрации отобрать кирпан его владелец воспринимает как наглое и преднамеренное оскорбление его религиозных чувств. Печать — и пенджабская, и столичная — обожает дискуссии на эту тему, склоняясь к мысли, что сикха нельзя лишать его кирпана.

Амритсар был основан в 1579 году четвертым гуру — Рам Дасом. Название города переводится как «чаша с нектаром». (Впрочем, амриту едва ли можно полностью отождествлять с нектаром). Повсюду в нем натыкаешься на гурудвары — сикхские храмы, порой напоминающие своими очертаниями русские церкви. Самой большой святыней для любого сикха является огромный Золотой храм, известный также под именем «Дарбар Сахиб». Это сооружение можно по праву отнести к самым выдающимся памятникам зодчества Индии, да и всей Азии. Представьте себе гигантский пруд, обрамленный белым мрамором. В центре его высится главная гурудвара, позолоченный купол которой сверкает на солнце. Мраморный прямоугольник искусственного озера окружен составляющими единый ансамбль дворцами и храмами, над которыми возвышаются искрящиеся луковки куполов. Пройдя по белокаменному мосту в главный храм, вы увидите сидящих на полу мужчин в тюрбанах, женщин в скромных сари. Служители играют на струнных инструментах, а прихожане поют что-то мелодичное. Белобородые старцы читают нараспев огромную рукописную книгу, сменяя друг друга. Чтение ни на минуту не должно быть прервано...

Я и раньше видел столовые при гурудварах, предлагающие бесплатную еду любому путнику, будь то сикх, индус или мусульманин. Но столовая Золотого храма подавляет своими масштабами. Она вмещает одновременно три-четыре сотни человек. Люди садились на каменные плиты пола, подставляя миску или просто сложенные ладони, и старый, угрюмый сикх с пегой бородой, уложенной в специальную сеточку, раздавал им рис с мясом. Ели быстро, дружно, торопливо уходили, ибо снаружи ждала своего часа следующая партия.

— Сикхизм — это коммунизм, — повторил в десятый раз наивную формулу мой случайный попутчик Джаг-

джит, студент из Чандигарха. Ему казалось, что от такого сопоставления мое уважение к сикхам должно непременно резко возрасти. Не прочитав ничего на моем лице, он, подумав, добавил:

— Здешняя хальса очень богата, она может позволить себе и не такое.

Хальсой называет себя сикхская община. От этого слова было образовано недавно другое, вдруг замелькавшее на страницах газет: Халистан. Родилось оно, правда, не в Пенджабе и даже не в Индии. Политиканы из эмигрантского отребья, лишённые индийского гражданства, выдвинули требование о создании на территории штатов Пенджаб и Хариана самостоятельного сикхского государства под таким названием. Объявился даже циркулирующий между США, Канадой и Англией самозванный президент несуществующей «республики Халистан» некто Джагджит Сингх Чаухан. Совместно с другим эмигрантом, гражданином США Ганга Сингх Дхиллоном он открыл «посольства» и «консульства» выдуманного государства в ряде стран на средства богатых эмигрантов и с помощью других источников. Через экстремистскую запрещенную организацию Дал Хальса Чаухан и Дхиллон стали провоцировать беспорядки в различных районах Пенджаба. Премьер-министр Индии Индира Ганди и другие индийские руководители, в том числе и президент Заил Сингх, не раз подчеркивали наличие «иностранный руки», манипулирующей коммуналистскими беспорядками в различных штатах Индии. Причем затухание беспорядков в одном штате сопровождается их вспышкой в другом. Такая периодичность должна создавать впечатление, будто Индия не способна справиться со своими внутренними противоречиями, не может добиться политической стабильности. В начале 1981 года главным очагом напряженности стал Пенджаб.

Я думал об этом, подъезжая к Джалландеру, городу, который играет особую роль в общественной жизни штата и который называют его «политической столицей». По пути в Амритсар я проехал его насквозь, не остановившись — была ночь. И вот теперь с интересом разглядывал аккуратные современные фасады зданий, останавливался у бойких перекрестков, у скверов, где сидели, развернув газеты, пожилые джентльмены в европейской одежде.

Джалландер совсем непохож на Амритсар и имеет

эчень мало общего с Лудхианой. Ощущение такое, как будто время здесь движется быстрее, чем в других городах. Люди ходят стремительно, торопливо поглядывают на часы, мгновенно договариваясь о каких-то встречах. В Джалландере выходит множество газет на пенджаби, хинди, урду, английском. Газеты зубасты, беспощадны, иногда скандальны. Кажется, будто кровь в жилах здешних газетчиков движется быстрее, нежели в жилах их делийских коллег. С двумя из них я встретился у очередного бронзового сикха при танке. Мы присели ненадолго в маленьком кафе.

Один из них — пожилой сикх Садху Сингх Хамдard — редактор и владелец ежедневной газеты на пенджаби «Дейли аджит тасвир», другой — молодой человек, редактор сразу трех газет индус Рамеш Чандер Чопра, сын известного журналиста Лала Джагат На-раина, убитого сепаратистами выстрелом в упор. Первый вопрос я задал ему:

— За что был убит ваш отец?

— За то, — ответил Чопра, — что он был настоящим индийским патриотом. Он четверть века боролся против англичан. А потом боролся против начатого англичанами раздела Индии, когда на религиозной основе было создано государство Пакистан. Боролся против «теории», согласно которой исповедование иной религии создает автоматически и иную национальность. И когда из рукава какого-то иностранного фокусника выпорхнуло слово «Халистан», он стал отдавать все силы разоблачению сепаратистов. За что и отдал жизнь.

— Погиб, так как не побоялся назвать тех, кто стоит за лозунгом о Халистане, — отозвался Хамдard. — Нам вечно пытаются что-то навязать извне. Им, видите ли, виднее, нация мы или не нация. В Пенджабе эта игра не пройдет. Вот я, например, сикх, но мои родители — индусы. В некоторых пенджабских семьях принято обращать одного из сыновей в сикхи...

— В халистанском деле, конечно же, крупно замешаны иностранные силы, — сказал Чопра. — У местных религиозных фанатиков есть богатые покровители за рубежом. Они засылают сюда своих эмиссаров, и те мутят воду. Для меня очевидно, что сепаратистских бандитов из «Дал Хальса» подстрекают американцы... Но им не добиться своего. Судьбы индусов и сикхов в Пенджабе так переплелись, что они просто не мыслят себе отдельного существования...

Прошел год. На моих глазах прорастали ядовитые семена сепаратизма, брошенные в пенджабскую коммуналистскую почву. Авторы политической диверсии против индийского единства должны были получить кое-какое удовлетворение: им удалось надолго отравить политический климат штата, вызвать серию первых в истории столкновений между сикхами и индусами.

Пятеро бандитов из «Дал Хальса» захватили самолет авиакомпании «Индиан эйрлайнз» и угнали его в пакистанский город Лахор, потребовав освобождения группы террористов. Затем начались взрывы бомб в различных городах Пенджаба. Сепаратистские элементы организовали покушение, к счастью неудачное, на жизнь главного министра штата Пенджаб Дарбара Сингха. Пенджабская полиция арестовала несколько десятков активистов «движения за Халистан». Созданная напряженностью воспользовалась коммуналистская оппозиция штата. Полностью игнорируя тот факт, что сикхи составляют лишь половину населения Пенджаба, партия «Акали дал», возглавляемая С. Х. С. Лонговалом, выдвинула перед центральным правительством 45 требований. Отмежевавшись от «халистанцев», Лонговал тем не менее потребовал ряда привилегий. Среди поставленных им условий были и серьезные (например, увеличение территории Пенджаба за счет соседней Харяны и превращение Чандигарха, являющегося столицей обоих штатов, в чисто пенджабский город), и наивно-религиозные (присвоение имени Золотого храма одному из железнодорожных составов и запрещение продажи сигарет в Амритсаре).

Снежный ком обростал. Лонговал призвал население штата оказать физическое сопротивление строительству канала Сатледж — Джамна на территории Пенджаба. Все более дерзкими становились действия провокаторов. Была предпринята еще одна попытка убить Дарбара Сингха. В индусский храм в Амритсаре кто-то подбросил отрезанные уши коров — животных, священных для каждого индуса. Одновременно кто-то рассыпал множество сигарет в Золотом храме. Начались кровавые потасовки. Волнения выплеснулись и за пределы Амритсара. Власти вынуждены были арестовать около трехсот зачинщиков беспорядков, ввести на время комендантский час.

Через некоторое время разъяренная толпа членов партии «Акали дал», обнажив кирпаны, попыталась

проникнуть в здание парламента в Дели, дабы предъявить свои требования спикеру народной палаты. Столкновение с полицией привело к жертвам. Снова начались митинги и потасовки в Пенджабе. Новые и новые требования стали выдвигать лидеры «Акали дал», объявившие кампанию «общего неповиновения» Партия «Акали дал» играла когда-то прогрессивную роль, ибо начинала с борьбы против института наследственных священников, с помощью которых англичане обирали сикхские церкви — гурудвары. Однако экстремистское крыло этой партии толкало ее руководство на путь конфронтации с Дели и фактически на смычку с «халистанцами».

Представители центрального правительства не раз заявляли, что ряд требований «Акали дал» имеет под собой некоторые основания. Однако вопрос о выполнении этих требований должен решаться путем переговоров, без спешки, после тщательного рассмотрения всех «за» и «против». Решение некоторых из этих проблем было подготовлено задолго до того, как за границей начали возню вокруг Пенджаба. И несговорчивость лидеров «Акали дал» тесно связана с давлением, которое оказывали на них «халистанцы». После многих раундов переговоров правительство пошло на удовлетворение большей части требований «Акали дал». Новые и новые встречи с представителями «Акали дал» приближали стороны к взаимоприемлемым решениям. Но как только обстановка становилась близкой к нормальной, чья-то невидимая рука обнаруживала свое присутствие. Очередная провокация срывала наметившуюся было договоренность.

Действовала банда Бхиндранвале, засевшая в Золотом храме. Самозванный «пророк» в голубом тюбане чуть ли не ежедневно посылавший убийц для уничтожения сикхов и индусов, которые публично выступали за религиозный мир в штате, распоясывался все больше и больше, матерел, вербовал все новых и новых сторонников. Лонговал уже не мог действовать самостоятельно, без оглядки на Бхиндранвале и его подручных.

У входа в Золотой храм провокаторы убили заместителя генерального инспектора А. С. Атвала. Он пришел в храм помолиться. Закончив моление, собирался уйти и, ступив на улицу, был застрелен в упор кем-то, выбежавшим на миг из храма.

Министр внутренних дел Индии потребовал от Всеиндийского совета гурудвар выдачи преступников, окопавшихся в храме. Среди них был не только убийца А. С. Атвала. Среди них находилось множество членов запрещенной «Дал хальса», и второе лицо в «халистанской» иерархии — генеральный секретарь «Совета Халистана» Б. С. Сандху, и, конечно, Бхиндранвале, постоянно шантажировавший лидеров «Акали дал». Дарбара Сингх заявил, что правительство штата располагает точными сведениями о преступниках, скрывающихся в Золотом храме, в том числе и об убийце Атвала. Полиция, однако, не решалась войти в Золотой храм, не желая обострять ситуацию.

Между тем экстремисты распоясались донельзя. Б. С. Сандху принял в своем убежище в Золотом храме корреспондента Ассошиэтед Пресс и заявил, что сикхи будут «вести войну за независимость от Индии до победы». «Халистанскую» мафию поддержал режим Пакистана. Как не раз сообщали индийские газеты, под Лахором были созданы специальные лагеря, в которых стали проходить подготовку диверсанты и провокаторы для засылки в индийский Пенджаб. Взяться за оружие каждый день призывал сикхов Бхиндранвале.

Множество видных деятелей, известных всей Индии политиков, ученых, писателей посещало Пенджаб, пытаясь уговорить закусивших удила фанатиков одуматься, внять голосу разума. Лучшие люди сикхской и индульской общин Пенджаба начали кампанию за прекращение столкновений. Всю страну потряс поступок 23-летнего сикха Автара Сингха и его 20-летнего друга индуса Шиама Сундара. «Может быть, наша смерть образумит тех, кто идет на поводу у провокаторов — написали они в прощальном письме. Мы не хотим жить в обстановке вражды, мы за братство». Друзья покончили с собой, бросившись под поезд.

Немало кровавых драм разыгралось в Пенджабе, прежде чем центральное правительство ввело в этом штате президентское правление. Была приостановлена деятельность законодательного собрания, полиция получила чрезвычайные полномочия. Но и это не привело в чувство экстремистов.

В мае 82-го мы снова встретились с Рамешом Чандером Чопрой в Джалландере. Быстрый, резкий Чопра рассказывал о трех газетах, которые он издавал и редактировал. И снова речь зашла о его покойном отце.

— Они убили его за то, что он был настоящим индийским патриотом,— сказал Чопра, и тонкие губы его скривились в саркастической улыбке.— Думают, что таким образом можно разделаться со всеми, кто видит их насквозь... Патронов не хватит.

Тогда еще напряженность, возникшая вдруг в Пенджабе, казалась многим лишь досадным эпизодом. Но Чопра понимал, что она разрастется в трагедию.

— Чаухан и Сандху хотя пролить море крови и втайне рассчитывают, что сделать это им поможет «чокнутый» Бхиндранвале,— проговорил он, как бы думая вслух.— Этому надо помешать.

Он сжал кулак, опустил голову. Таким я его и запомнил, хоть впоследствии мы не раз обсуждали с ним за чаем и в Дели, и в Джалландере все, что обсуждают обычно журналисты: последние события, мировую политику, собственную газету, успехи и неудачи коллег.

Впоследствии, услышав ужасную весть, я на миг увидел его таким — с чувством горечи и решимости в лице, со сжатым кулаком на груди. Его убили люди Бхиндранвале в центре Джалландера, неподалеку от бронзового сикха. Как и отца — выстрелами в упор. На него патронов хватило...

Их хватило и на многих других: контрабандная доставка оружия и боеприпасов в Золотой храм Амритсара продолжалась. В конце концов у правительства лопнуло терпение. Оно ввело в Пенджаб войска. Военская часть штурмом взяла Золотой храм. Это было в июне 1984 года. В перестрелке был убит Бхиндранвале, палач сотен и сотен пенджабских семей. Мой друг и его отец, и люди, погибшие в десятках подстроженных Бхиндранвале автомобильных и железнодорожных катастроф, застреленные из-за угла, зарезанные в собственных постелях, оказались отомщенными. Документы и оружие, захваченные военными в Золотом храме, дали неопровержимые доказательства участия внешних сил в нагнетании напряженности и в Пенджабе.

Тогда-то «халистанское» руководство за рубежом выступило с открытыми угрозами в адрес премьер-министра Республики Индии Индиры Ганди. К сожалению, бандитам удалось осуществить подлое убийство.

Я подъезжаю к Чандигарху, люблюсь каменной поэмой Ле Корбюзье. Дома-корабли и дома-поезда, устремленные в будущее, крыши-платки марсианских

строений университета, пышная зелень широких и чистых улиц, ничем не захламленных, прямых, большое искусственное озеро, окаймленное вдали горами в белой дымке. Жилые дома, учебные заведения и государственные учреждения отделены от промышленных районов широким зеленым поясом. У истоков этого города, ставшего столицей двух штатов и предметом их спора, находился Джавахарлал Неру. Быть может, он хотел, чтобы нынешнее поколение индийцев видело в нем прообраз будущего всей страны — чистого, разумного, безбедного. Быть может, существовало некое родство между идеями индийского борца за свободу и фантазией великого зодчего. Повсюду в Чандигархе чувствуешь Индию. Однако здесь она лишена многих трагических черт, порожденных колониальным прошлым: нигде нет грязи, нищеты, тесноты. Даже торговые ряды чисты и опрятны. Так градостроительство воздействует на быт.

Сегодня население Чандигарха, как и предусматривал Корбюзье, перевалило за полмиллиона. Но город, превратившийся в крупный административный, научный и промышленный центр, продолжает расти. Индийские архитекторы ищут оптимального решения проблемы — как расширить город, не нарушив первоначального замысла, не исказив уже сложившийся облик.

Рассказывая о Чандигархе, нельзя не упомянуть о «Саде камней». Его создал никому дотоле не известный дорожный инспектор Управления общественных работ Нек Чанд Саини. Изо дня в день приходил Нек Чанд к небольшому пустырю — Чандигарх тогда еще не был полностью застроен — и населял его диковинными камнями, найденными в горах Шивалика, скульптурами, созданными из кусков шлака, осколков битой посуды, глины. В «Саду камней» вас окружают сотни фигур — танцующие женщины, девушки, идущие по воде, согбенные старцы-мудрецы, отдыхающие обезьяны, сгрудившиеся медведи, сошедшиеся в лютой битве Пандавы с Кауравами. Фигур — многие сотни — до предела реалистичных и условных, подсказанных жизнью и ярким воображением. Невозможно представить, что все эти огромные скопления скульптур, ряды облицованных камнем и битым фарфором стен, все эти арки, ниши, проходы сделаны одним человеком. Вот он стоит передо мной этот человек — немолодой уже, но полный энергии, крепкий, жилистый. Он здесь не только потому,

что любит бродить среди собственных творений. Теперь он создал группу энтузиастов, которая увеличит «Сад камней» чуть ли не вдвое.

Мой путь лежит в штат Джамму и Кашмир. Выезжаю на шоссе. А в сознании еще сверкают золотые купола Амритсара, бушуют политические страсти Джалландера, грохочут станки и машины Лудхианы, и все это живет, не смешиваясь и вместе с тем составляя одно целое и постепенно приближаясь к Чандигарху, который видит далеко вперед.

По ту сторону туннеля

Только что по обеим сторонам шоссе расстилались прямые как стол пшеничные поля, только что белели вдали добротные пенджабские избы с высокими и прочными заборами, только что шоссе пересек поезд из маленьких кирпично-красных вагончиков. И вдруг я оказываюсь в окружении хаотически разбросанных шиваликских холмов, попадаю на рвущиеся в гору узкие улицы, в джунгли из украшенных флагами индусских храмов, гурудвар, буддистских ступ, мечетей. Купола искрятся позолотой. У многоглавого храма Рагунатх сидят на площади, расстелив циновки, продавцы оранжевых цветов, связанных в гирлянды, которыми верующие украшают статуи богов и богинь.

По преданию, город был воздвигнут три тысячи лет назад раджей Джамбу Лочаном. Раджа, говорят, во время охоты в этих местах увидел чудо — льва и козлю, спокойно пьющих воду из одного родника. Он тут же повелел построить город, ибо предположил, что и люди в этом поразительном месте будут терпимыми, спокойными, дружественными друг к другу. В какой-то мере его предположение оправдалось. Жители Джамму исповедуют индуизм, ислам, джайнизм, буддизм, сикхизм, христианство, говорят на языках догри, кашмири, урду, хинди, пенджаби.

Терпимость всегда была характерна для догров, составляющих здесь большинство. Храбрые воины, почти всю жизнь проводившие в седле, отстаивая свободу, догры неизменно проявляли уважение к чужим обычаям и верованиям.

В бывшем дворце догрских правителей разместился старый городской секретариат. На его каменных ступе-

нях резвятся обезьяны, которых в Джамму, по-моему, намного больше, чем собак. Новый секретариат вытянулся вдоль площади парадов. Почти отовсюду виден древний форт Баху, венчающий гору, которую отделяет от города быстрая река Тави. Там раньше и была столица основателя Джамму. Тысячи паломников тянутся по склонам горы к крепости. Внутри ее — действующий храм Кали. У входа в него — изможденные странники, всякого рода «святые», умертвившие плоть или начинающие углубленное самопознание.

Все это не мешает Джамму быть живым и современным городом. Здесь есть крупный университет, получивший всеиндийскую известность, медицинский институт, центр по изучению аюрведической древнетрадиционной медицины, замечательная картинная галерея с уникальной коллекцией миниатюр, государственная академия культуры, искусства и языков, занимающая большое красивое здание с великолепным театральным залом.

Джамму — зимняя столица штата Джамму и Кашмир. Когда в горах выпадает снег, правительство переезжает сюда из Сринагара. Здесь собирается законодательное собрание, проходят различные конференции.

Город пережил в последние десятилетия немало потрясений: массовую миграцию населения во время раздела страны на Индию и Пакистан, напряженность в 1965 и 1971 годах, когда в Индию вторгались пакистанские войска, пытавшиеся, в частности, захватить Джамму и подходы к нему. Да и сейчас близость границы дает о себе знать — чуть ли не ежедневно газеты сообщают о поимке в штате пакистанских лазутчиков и всякого рода диверсантов.

В тесном и темном тоннеле меня охватывает острая тоска по промелькнувшим только что гималайским соснам и шумной речушке в ущелье. Чем дальше углубляется машина в мокрое чрево горы, тем более безрадостной представляется эта внезапная перемена декорации. Но кончаются кажущиеся бесконечными километры тоннеля, проходят первые секунды ослепления ярким солнечным светом, и наступает другое ослепление — красотой ландшафта. Из спокойного, зеленого, жаркого лета я попадаю в буйную, рыжую и холодную осень. Желтая, красная, коричневая листва деревьев, обступивших склон нашей горы, медленно растворяется в фиолетовой бездне. Там, внизу, громоздятся друг на

друга синие конусы гор, окутанные туманом, который пропороли во многих местах наполненные движущейся мутью лучи. На шоссе неподвижно желтеет угодившая под чьи-то колеса лиса. «Остановись и брось первый взгляд на Кашмир» — написано на большом щите у дороги. Я покорно торможу. Ищу глазами примелькавшиеся мне в Непале террасы рисовых полей и не нахожу. Здесь их нет: лишь серые обнажения да рослый рыжий лес на склонах, кое-где каменные гребни припорошены снегом.

Медленно спускаюсь в долину, а затем лечу по прямому шоссе мимо огромных оранжевых чинар и высоких пирамидальных тополей, совсем уже голых, сразу напомнивших Кавказ. Остается позади несколько деревенок в десяток крытых соломой и ветками изб, и я наконец въезжаю в Сринагар, который все справочники с удивительным постоянством именуют «восточной Венецией».

Ох уж эти «маленькие Парижи», «северные Неаполи», «вторые Ривьеры», «канадские Швейцарии», порожденные убогой фантазией. Я не был в Венеции, но могу с уверенностью утверждать: Сринагар — не Венеция и, по всей вероятности, никогда ею не был. Сринагар это Сринагар, хоть и плавают по нежной глади озера Дал ярко раскрашенные лодки, имеющие, очевидно, как и всякие другие лодки, некое сходство с гондолами.

Говорят, жил на заре нашей эры царь Праварасена. Вздумал он построить себе столицу. Работал всю ночь, и к утру поставленные им дома подошли к реке Махасарит, рукаву нынешней Джелам. Праварасена хотел было перейти реку в том месте, где она впадала в прекрасное озеро. Но, откуда ни возмись, явился демон и перегородил реку своей огромной ножищей. Разгневался царь, взмахнул саблей и отсек демону ногу, а вместе с ней и всю Махасарит от озера. (Вот почему рукав реки Джелам отделяет от озера Дал лишь узенькая полоска земли.) Далее события приняли совершенно неожиданный оборот. Демон не только не обиделся на царя за отрубленную ногу, но и, восхищенный его смелостью, надоумил владыку как лучше построить столицу. На следующий день Праварасена обнаружил начертанный прямо на склоне горы Хари Парбат подробный план будущего города. (Впоследствии демона, по-видимому, прогнали боги, ибо сегодня на вершине Хари Парбат приставленный, говоря словами Маяков-

ского, «пистолетом небу к виску» высится индусский храм.) Как рождаются такого рода легенды, как проходят сквозь толщу веков, как попадают в справочники, прибавляя к образу каждого города что-то неувлочно странное, отличительное, запоминающееся?

«Сринагар» значит «Город красоты». Думаю, что название свое он оправдывает на сто процентов. Озеро с крошечным островком, на котором стоят раскинув ветви четыре грациозные чинары, белоснежная мечеть с тонким минаретом вдали, древний форт на холме, окруженный будто осадившими его домами, гигантские террасы садов, разбитых могольскими правителями, существуют в тесной взаимосвязи друг с другом. Особенно хорош Нишат Багх — Сад удовольствия, поднимающийся от озера в гору десятью огромными партерами-ступенями. Каскад водопадов, уложенных в каменные русла, сбегает по террасам в озеро Дал. Его провожают толпы алых цветов и сочно-сиреневых бессмертников, над ним нависают рыжие кроны чинар, вершины которых скрыты туманом.

Окунаюсь в шумную разноголосицу улиц.

Замечаю, что люди одеты тепло — в кофты, свитера, меховые шапки. Север. На многочисленных лотках высятся горы не папайи и манго, а яблок, груш, орехов. Последних особенно много — грецких, фундука, миндаля. Продавцы в каракулевых шапках-пирожках предлагают свой товар с фанатической яростью, заставляя пробовать все орехи. На циновке рядом со своим товаром — шерстяными косынками разных цветов — сидит тибетская девушка, родившаяся, конечно, уже здесь. Среди торговцев, не имеющих своих лавок и абонировавших тротуары, очень много ее соотечественников. Тибетцев встречаешь повсюду в Северной Индии.

На каждом шагу натываюсь на лавки краснодеревщиков: знаменитые кашмирские резные столики, шкафы, кресла, на которых искусный резец изобразил листья чинары, птиц, белок и тигров, поражают качеством отделки. Это сравнимо лишь со старой китайской работой. Множество разнообразных деревянных подносов, на которых умело скомпонованы те же листья, бурдучки и птицы, сочетают в себе старинную восточную реалистичность с элементами западного модернизма. Сринагар расстилает перед вами ковры, которым цены нет в Европе, демонстрирует чеканку по бронзе, соблазняет многоцветными вышивками на платьях и

кофтах. В городе несколько эмпориумов, сосредоточивших выставку и продажу изделий прославленных кашмирских мастеров.

Плотный, седой, молчаливый человек с мясистым носом — мистер Г. Н. Наик возглавляет специальную корпорацию, которая объединяет мастеров, помогает им постоянно повышать свою квалификацию, осваивать новые дизайны.

— Чувство красоты у наших мастеров обострено, — говорит он медленно. — Это во многом обусловлено нашей природой. Ведь народное искусство — это концентрированное выражение внутреннего единства кашмирцев, говорящих на шести языках и исповедующих пять религий. Раньше оно передавалось лишь по наследству — от отца к сыну. Сейчас мы начали осуществлять рассчитанную на пять лет программу объединения ремесленников не только в городах, но и в деревнях. В программу входит и обучение. Что? Исчезнет неповторимость? Не исчезнет. Теперь они будут не только копировать работы отцов, но и создавать новое.

Разговор о характере кашмирцев я продолжаю в академии культуры с ее секретарем Мохаммедом Юсуфом Тэйном. Обходительный человек этот, как и мистер Наик, стремится убедить меня в отсутствии коммуналистской вражды среди кашмирцев. Он поит меня кашмирским напитком «кава», представляющим собой смесь какого-то особо крепкого чая с орехами, и аккуратно излагает свой взгляд на национальную интеграцию Индии:

— Как и Советский Союз, Индия — страна многоязычная. Как и у вас, у нас взаимодействуют различные культуры, обычаи, обряды. Именно взаимодействуют, создавая общую замечательную палитру. Культура нашего штата многогранна и многопланова, но она сообщает свои специфические краски всей огромной индийской культуре.

Мистер Тэйн приглаживает свои и без того гладкие черные волосы и говорит о спокойном, философском отношении кашмирцев к религии, об отсутствии у них религиозного фанатизма, о естественных, дружеских отношениях между мусульманами, индусами и буддистами в штате. Он как будто пытается убедить меня в том, что мне кажется сомнительным.

— У нас не только нет эксцессов на религиозной почве. У нас вы, даже будучи искушенным, знающим

Индию человеком, никогда не скажете, наблюдая издали детей в школе, взрослых на предприятии, в правительственном учреждении, кто из них индус, а кто мусульманин. Не только потому, что мы чтим секуляристскую демократию, но и потому, что мы живем в горах, где люди не могут обойтись без взаимной помощи в ежедневной борьбе за жизнь. А какая может быть взаимная помощь без взаимного уважения?

Я почти поверил тогда мистеру Тэйну. Разговор с ним я вспомнил через полтора года, в мае 1983 года, во время выборов в законодательное собрание штата. Сын покойного шейха Абдуллы Фарук Абдулла, принявший по наследству руководство партией «Национальная конференция», не мог не апеллировать к религиозным чувствам мусульманского большинства. К тем же чувствам апеллировали иностранные эмиссары, растворившиеся в мусульманской массе и задавшие целью не дать прийти к власти в штате правящей в центре партии Индийский национальный конгресс (И). Операция удалась. В результате мусульманское большинство голосовало за «Национальную конференцию» Фарука Абдуллы, индусское меньшинство — за ИНК(И). А после выборов мусульманские лавочники стали громить в Сринагаре индусских. Лилась кровь, «убежденные секуляристы» мистера Тэйна тузили друг друга во имя Аллаха и 33 миллионов индусских богов. Аллах имел большое численное превосходство и, разумеется, победил. Разжигая антииндусские настроения в Дхамму и Кашмире во время выборов, коммуналисты умело использовали имевшую место незадолго перед этим вспышку насилия в Ассаме. В этом штате фанатики из индусского большинства давно уже требуют выселения так называемых «иностранцев», то есть переселенцев из других индийских штатов и из соседней Бангладеш, преимущественно мусульман, пустивших там корни в течение последних двадцати лет. Фотография, запечатлевшая истерзанные трупы мусульманских детей, длинным рядом лежащие у общей могилы-траншеи, обошла все газеты, в том числе и сринагарские. Она безошибочно была в цель.

Мистер Тэйн, конечно, и не думал меня обманывать. Он просто невольно выдавал желаемое за действительное. Более того, он прав в том, что коммуналистская вражда между индусами и мусульманами в Сринагаре не так сильна, как в некоторых других местах. И все

же бациллу этой вражды оказалось очень легко внести в сознание людей.

На сринагарской шелкомотальной и шелкоткацкой фабрике я наблюдал, как щеголеватый, подтянутый молодой человек Гулам Ахмед Ахангар, мастер цеха, делал замечания мусульманину и индусу — первый стоял у крутильной машины, а другой направлял к ней единичные нити с мокрых коконов. Оба внимательно слушали, потом что-то обсуждали друг с другом. Ни малейшей неприязни друг к другу они не испытывали...

Рабочий день на фабрике длится восемь часов. После того как была проведена модернизация, качество выпускаемого здесь шелка достигло международного уровня. Да и ежедневный заработок рабочих увеличился с 3 до 9 рупий. Это, разумеется, меньше, чем на заводах, оборудованных современной машинной техникой. Но все же — прогресс налицо. Ручные станки оснащены нехитрым устройством, с помощью которого рабочий, нажимая ногами на педали, приводит в движение бердо и ремизки и затем загоняет челнок в зев основы. Раньше он производил все эти операции руками. Это изобретение сделано через много десятков лет после того, как ткацкий станок был оборудован электромотором! Тем не менее оно сыграло свою роль в жизни фабрики, построенной англичанами сто лет назад в расчете на дешевую рабочую силу.

В Сринагаре очень мало промышленных предприятий.

Он по индийским масштабам город в общем-то небольшой — его население не достигает и 400 тысяч.

Но, несмотря на это, Сринагар — очень живой город, ставший средоточием самых разных культурных, социальных, экономических начинаний, центром притяжения и сердцем горного штата. Заведение, в которое меня привел работник местного департамента информации мистер Кхошу, я даже не могу точно назвать по-русски. Что-то вроде центра по улучшению положения женщин. Суть его состоит в том, что девочки из разных частей штата, от Джамму до Ладакха, проходят здесь производственное обучение. Специалисты учат их ткать ковры, шить, вышивать, изготавливать полированные шкатулки. Девочки начального школьного возраста одновременно посещают школу, расположенную на той же улице. Девочки постарше час в день посвящают общеобразовательным предметам. Остальное время

они делают ковры, панно, одежду. Средства, получаемые от продажи этой продукции, покрывают часть расходов на их содержание.

Остальное дают государственные дотации и филантропические пожертвования. Все важнейшие вопросы в жизни центра решает совет попечителей. А практическое руководство школой осуществляет мистер Г. М. Дар.

Этот быстрый, веселый, очень общительный человек лет сорока в больших роговых очках на крупном, загнутом книзу носу был раньше журналистом. Писал о бесправии женщины в старом обществе, требовал ее освобождения, обличал предрассудки, призывал, убеждал. Потом понял, что женщина не готова еще к свободе, которую он для нее завоевывал, что она все еще привязана к дому, неграмотна, не имеет никакой специальности и не в состоянии участвовать в общественном производстве. Это открытие его настолько поразило, что он бросил журналистику и занялся педагогией.

— Срок пребывания у нас от шести месяцев до двух лет,— рассказывал он.— Девочки настолько проникаются чувством коллективизма, настолько привыкают к совместному труду, что уже не мыслят себя вне общества. Они возвращаются в свои города и села и не колеблясь начинают работать. Из 600 наших учениц 200 живут здесь же, при центре. Это — иногородние.

Он повел меня во флигель, окруженный чинарами. Большая светлая зала была разделена на четыре участка. У загорожок были аккуратно составлены десятки пар тапочек, босоножек, туфелек, а их обладательницы — маленькие, черноглазенькие, с косицами-жгутами, иногда с сережками в крыльях крошечных носиков, сидели на коврах, подобрав под себя ноги. В одном отсеке вязали, в другом — шили, в третьем — вышивали, в четвертом — делали аппликации.

— Эти малышки еще скажут свое слово, когда всерьез зайдет речь о женской эмансипации,— заметил мистер Дар, прощаясь.

Кашмирский университет, построенный после провозглашения независимости Индии, начал учебную работу в 1958 году. Это целый город — свои улицы, площади, дворцы, скверы. Более трех тысяч выпускников университета работают сейчас в различных штатах Индии. В университете — семь факультетов — искусство-

ведческий, социологический, научный, юридический, коммерческий, финансовый и просветительский. Об этом я узнал от доктора Бхушана Лала Кауля, лингвиста и декана, занимающегося также благоустройством студентов. Я застал его в рабочем кабинете беседующим о чем-то с тремя студентами. Завязался общий разговор, во время которого художавый юноша с тонкими чертами лица по имени Фида Хуссейн, занимающийся на факультете коммерции, коротко сформулировал цель своего пребывания в Университете:

— Хочу способствовать поискам путей к улучшению благосостояния народа, особенно беднейшей его части.

Резкий, горячий Шафад Нур, юрист, был также краток:

— Хочу способствовать торжеству справедливости и закона в нашем обществе.

Третий студент, Шаука Фаруки, увлечен кашмирской литературой.

Я задал общий вопрос — о притязаниях Пакистана на Кашмир и пакистанских провокациях против Индии в этом районе.

Все четверо переглянулись. В глазах декана промелькнуло что-то вроде беспокойства. Затем он кивнул застенчивому Фаруки. Ответь, мол, ты. И тот ответил в неожиданно жестком тоне:

— Конечно, мы возмущены этой гнусной возней. С какой это стати диктатор Зия уль-Хак пытается говорить от имени ислама? Я сыт, одет, голова моя свободна от предрассудков, я постигаю науку в условиях демократии. Неужели меня, таких, как я, можно соблазнить дешевой демагогией? Когда они наконец прекратят эти бесполезные усилия, оставят нас в покое?

— Мы дети нашей матери — Индии, — выпалил вдруг Шафад Нур.

— У нас, среди кашмирцев, могут быть разные взгляды на религию и ее роль в жизни страны, — мягко сказал Фида Хуссейн. — Но наше отношение к демократии — однозначно. После трех с половиной десятилетий демократии нам претит даже мысль о военной диктатуре.

К ночи я вернулся в Чандигарх. Было поздно, и я заночевал в гостинице «Пиккадили», самой крупной в городе и тоже напоминающей длинный корабль. Утром посетил университет и вознамерился вернуться в Дели.

— А в Симле вы еще не были? — спросил профессор Шанти Сваруп.

— Не был,— ответил я и тут же решил, что делийские дела вполне могут подождать меня еще пару дней: ведь я нахожусь довольно близко от Симлы...

И вот уже снова надо мной нависли горы, и я со страхом вглядываюсь в зеленую бездну, по краю которой ползет, отчаянно напрягая все свои лошадиные силы, мой «Амбассадор». Только что профессор Сваруп, напутствуя меня, просил почаще останавливаться, ибо горный серпантин коварен и может нарушить ориентацию водителя — и вот уже этот серпантин, начавшийся как-то сразу, стремительно и круто рвется вверх, в густую синь неба. Виток, еще виток — и сквозь дальнюю дымку отчетливо проступают снежные пики Гималайской гряды. Они долго маячат бесконечно длинной стеной, потом розовеют и вдруг исчезают, как мираж, в неизвестно откуда взявшихся сизых хлопьях туч. А солнце стереоскопически подсвечивает изумруд рисовых полей, широкими террасами изрезавших горы далеко внизу.

Тяжел труд крестьянина Химачал-Прадеша. Он сродни труду непальских горцев. Где-то в пропасти замечаю алую капельку и черное пятно. Это крестьянин в ярком тюрбане и два буйвола, тянущие плуг по террасе.

Временами склоны гор становятся более пологими, и тогда, как правило, они оказываются покрытыми низкорослыми разлапистыми яблонями. Химачальские яблоки пользуются в Дели большим спросом, они намного ароматнее тех, что растут внизу. Но скоро исчезают и яблони, уступив место огромным кедром и пихтам. Не верится, что находишься в Индии. Жары давно как не бывало. Только любопытные обезьянки, разглядывающие меня с царственно простертых над пропастью кедровых ветвей, напоминают о тропиках и оставшейся внизу духоте.

Животных в Химачал-Прадеше много — и диких, и домашних. Скотоводство играет в экономике штата очень большую роль. Только число ветеринарных госпиталей и амбулаторий перевалило в нем за полторы сотни.

Останавливаюсь в местечке Чейл, в бывшем дворце махараджи, превращенном в гостиницу. В свое время англичане не захотели видеть его в Симле, и он коротал время здесь, охотясь и созерцая город, раскинувший-

ся на той стороне огромной, ошетилившейся кедрами пропасти. Смотрю из окна махараджи на далекую Симлу и я. Падает ночь, и я вижу мириады огней, повисших в небе вперемешку со звездами, очертивших зубцы гор.

Слово «Симла» происходит, скорее всего, от имени «Шамла», которым иногда называют богиню Кали. И линии далеких огней, сливаясь и разделяясь, как будто образуют контуры сказочного дворца — обиталища Кали. Наутро я вижу Симлу совсем другой — уютной, многоцветной, миниатюрной. Островерхие, иногда готические здания, покрытые оранжевой и красноватой черепицей, толпятся на разных уровнях, венчают клинья вершин, образуют аккуратные площадки. Иногда, глядя на башню кафедрального собора, построенного в прошлом веке, или на здание законодательного собрания штата с его приступочками и крыльцами, на миг ощущаешь себя в небольшом европейском городке 60-х годов прошлого века. Но ложность этого впечатления обнаруживается на каждом шагу: на улицах яркая, нарядная толпа, женщины в полупрозрачных пестрых сари, молодые денди, одетые по последней космополитической моде, торговцы вразнос, мулы, вездесущие обезьяны. Машин в городе нет — их паркуют внизу, у въезда в Симлу. Оттуда в центр приезжих доставляет лифт. Многие улицы представляют собой широкие, крутые лестницы. Чем ниже спускаешься по такой лестнице, тем больше проявляется азиатская сущность города; с аккуратностью и чистотой верха контрастирует захламленность и неопрятность низа. Не могу понять, с чем это связано. Неужели с тем, что мусор естественным путем перебирается сверху вниз?

Язык пахари, на котором рекламируют свой товар торговцы на рынке, кажется очень звучным и резким.

В городе, конечно, нет аэропорта. Зато есть железнодорожный вокзал! С него по узкоколейке отправляются маленькие пестрые поезда-игрушки. Они доходят до Калки, которая связана с Дели обычной железной дорогой.

Симла органично вписана в пейзаж, воспетый в древности великим Калидасой. Между прочим, со стихами последнего, посвященными Гималаям, познакомил европейцев Гете. Немало замечательных строк посвятили здешним горам Мильтон и Киплинг. Здесь в 1972 году Индира-Ганди вела переговоры с З. А. Бхутто,

закончившиеся знаменитым индо-пакистанским соглашением о прекращении войны и о мире.

И сегодня имя «Симла» постоянно мелькает в газете: в законодательном собрании штата Химачал-Прадеш время от времени разворачивается острая политическая борьба между большинством и оппозицией, доходящая подчас до потасовок. Дает о себе знать горский темперамент.

Я покидаю Симлу. Снова начинается кружение по горам. К стеклам машины вдруг вплотную подступает молоко тумана. Но ветер гонит его прочь, и я спокойно завершаю очередной виток.

Галактика Бомбея

Мистер Гупта подвел меня к окну, и у меня захватило дух. Галактика пестрых огней, мерцающих, трепещущих, стремительно летящих и ползущих, обрывалась резким полукругом лампионов набережной, за которым начиналась черная бездна моря и неба. Мы находились на 29-м этаже, в квартире, которую мистер Гупта предоставил своему сыну Дипендре, молодому отцу семейства, стеснительному и кроткому человеку с редкими шелковистыми усами.

— Быть может, для того я и строил этот дом в течение долгих семи лет, чтобы видеть сразу весь Бомбей,— проговорил улыбаясь мистер Гупта.— Наш город во многом отражает будущее всей Индии. Ему еще предстоит сыграть немалую роль для приближения этого будущего. Если, конечно, не падет он жертвой коррупции... Вы удивлены, что о коррупции говорит крупный бизнесмен? Я правильно понял Ваш взгляд? Не удивляйтесь, коррупция приняла такие масштабы, что душит и нас, предпринимателей. Она разъедает все...

О чем бы ни заходил разговор в Бомбее, он рано или поздно обязательно касался коррупции. Очень уж огромен этот город, очень уж запутан и противоречив. В непроходимой чаще пересекающихся стремлений, в движущейся массе падений, взлетов, кружений коррупция, видимо, чувствует себя в большей безопасности, нежели в обстановке спокойствия и респектабельности. И все-таки не коррупция, конечно, определяет облик Бомбея, не она составляет его внутреннюю суть.

На стенах домов, на парапетах набережных я не

раз замечал крупно написанное и перечеркнутое слово «Бомбей», рядом с которым красовалось другое — «Мумбаи». Идея переименовать мегаполис давно уже будоражит умы его жителей и, как всякая идея, вызывает ожесточенные споры. С одной стороны, логично сейчас, после достижения независимости, вернуть городу его настоящее имя, переименованное англичанами. С другой... Можно ли отождествлять деревеньку Мумбаи, названную так по имени маратхской богини Мумба-Девы, захваченную в VI веке португальцами, отданную впоследствии Карлу II в качестве приданого португальской инфанты и проданную им за гроши Остиндской компании, — можно ли отождествлять то далекое, давно исчезнувшее селение из двух десятков бамбуковых хижин с нынешним гигантом, известным всему человечеству под именем «Бомбей»? Оба аргумента достаточно вески...

В отличие от просторного, утопающего в зелени и в целом приземистого Нью-Дели Бомбей тесен, как бы спрессован и устремлен вверх. Даже очень богатые люди живут, как правило, не на виллах, а в небоскребах. Из чащи каменных громад взметнулись ввысь современные башни. Некоторые из них созданы по проектам живых классиков западной архитектуры. Иногда в какофоническое буйство стекла и бетона робко протискиваются простенькие прически кокосовых пальм, напоминая приезжему, что он находится в тропиках. Впрочем, летом он чувствует это и без всякого напоминания. Нет-нет в просвете между башнями мелькнет море. На набережных оно совсем рядом. Вдали от берега из синей ряби торчат минареты белой мечети. Ее завещал построить некий богатый мусульманин, прах которого, говорят, покоится под белоснежными мраморными пузырями.

Бомбей, как и положено мегаполису, разнолик. Но разноликость эта не удручает, не коробит. Дома со старинной лепкою, как бы перечеркнутые стремительной эстакадой, напоминают мне Будапешт, а скульптурная группа у Рейлвэй Билдинг — Ленинград. Я нашел в Бомбее немало «ханойских», «пекинских» и даже «московских» мест.

Неподалеку от «Ворот Индии», еще более массивных, чем делийские, осадил бронзового коня легендарный Шиваджи, всю жизнь возглавлявший борьбу маратхов против мусульманских завоевателей. А рядом

взлетел в небо строгий параллелепипед нового здания гостиницы «Тадж Махал», фигурные окна которого выполнены в чисто мусульманской манере. И в это гармоничное соединение классики и модерна непостижимо естественно вплетается индийская торговая толкучка, вечная и хорошо узнаваемая. Длинный ряд примитивно сколоченных лавок предлагает вам, конечно же, деревянные и бронзовые фигурки, пляшущих резиновых кукол и хвосты бурундучков, которыми бомбейские водители любят украшать свои автомобили. Здесь, у «Ворот Индии» я сел в катер и отправился на остров Элефанта. Долго рассматривал поразительный пещерный храм VII века, посвященный Шиве, полуразрушенные фигуры богов, вырезанные в мягком камне.

С моря Бомбей кажется еще более величественным. Около часа шел катер к городу, который и сам был некогда островом, по акватории рейда и порта, и все время вокруг маячили огромные суда, заправочные станции, причалы, мощные портовые сооружения, краны и мачты. А вдали сказочным видением белели небоскребы.

Бомбей — один из крупнейших индустриальных центров Азии. Только текстильных, главным образом хлопчатобумажных предприятий, здесь более шести десятков. Время от времени они проводят забастовки, длящиеся иногда по нескольку месяцев. В городе развито машиностроение, автомобильное производство. Из Бомбея разбегаются по всей Индии юркие автомашины марки «Премьер», не скрывающие своего родства с итальянским ФИАТом, сильные тягачи и джипы «Махиндра энд Махиндра», бесчисленные трехколесные мотороллеры. В Бомбее сосредоточена четверть всего индийского производства изделий из пластмасс. А по количеству выпускаемых фильмов Бомбей давно сравнялся с Голливудом, уступив, правда, первенство в Индии Мадрасу.

В Бомбее находятся крупнейшие научно-исследовательские учреждения, такие, как центр атомных исследований, Институт технологии, созданный с нашей помощью, Институт фундаментальных исследований Таты, астрофизики которого наладили связи с Бюраканской обсерваторией в Армении. В Бомбее издается множество газет и журналов, популярных повсюду в Индии. Здесь выходит крупнейшая в стране «Таймс оф Индия», лихо верстаемый и очень злободневный еженедельник



В шерпском доме

Чхетри из Панчхала





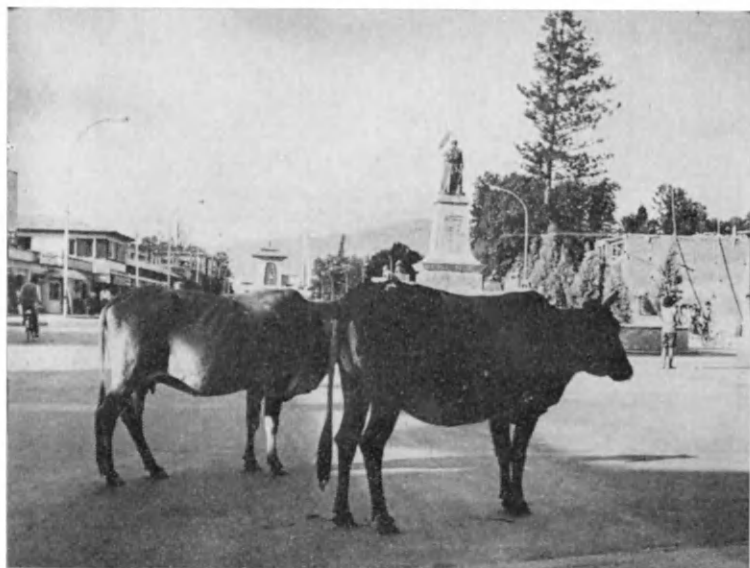
Старый торговец из Бхактапура

Непальские дети





Одна из женщин Катманду
«Священные» коровы в столице Непала





Памятник Соломону Бандаранаике
132



Коломбо, город у океана
Бывший английский маяк





Студенты Коломбо требуют обуздать рост цен
Есть и на острове грез обездоленные





И манекен, зазывающий женщин к модному портному
Шри Ланка славится масками





Дрессированные слоны
Рыбаки Негомбо





Вместо щебенки в Бангладеш используется битый кирпич



Во время ида коров в Дакке режут и разделяют прямо на улице



Бангладеш — страна воды

Байтул Муккарам в Дакке





Дакка любит митинговать





Индира Ганди в аэропорту Сринагара



Амрита Притам

Куруп — известный в Тривандраме поэт





Укротитель змей
Бхишам Сахни





Шьям Бенегал



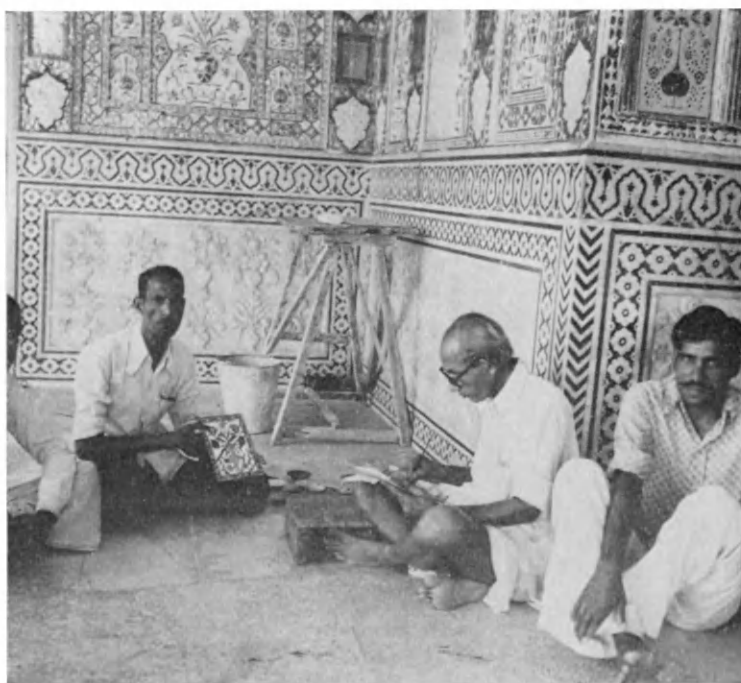
Патти с дочерью



Ситакант Махапатра



Встреча советских моряков в Кочине



В храмах часто встречаешь реставраторов



Шитье золотом
Свами наставляет верующих





Шива Натараджа, отлитый в Раджастхане
Чучело Раваны сжигают в последний день
душеры





Орисский танец

В школе танца катак-кендра

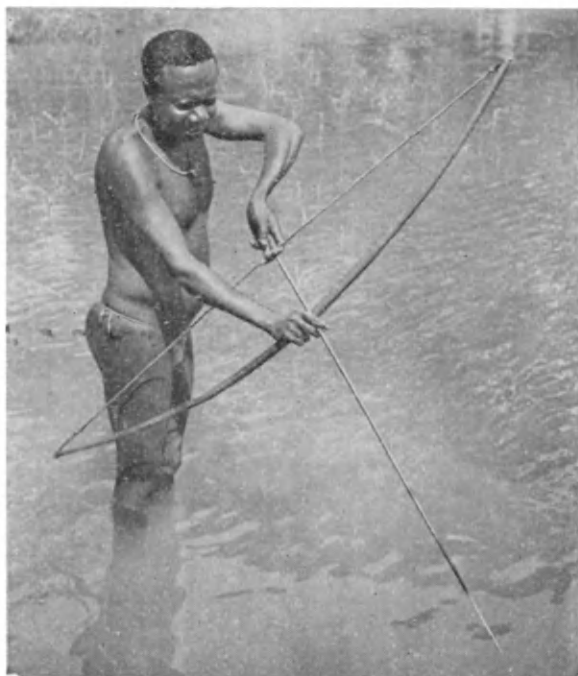




Рабочие

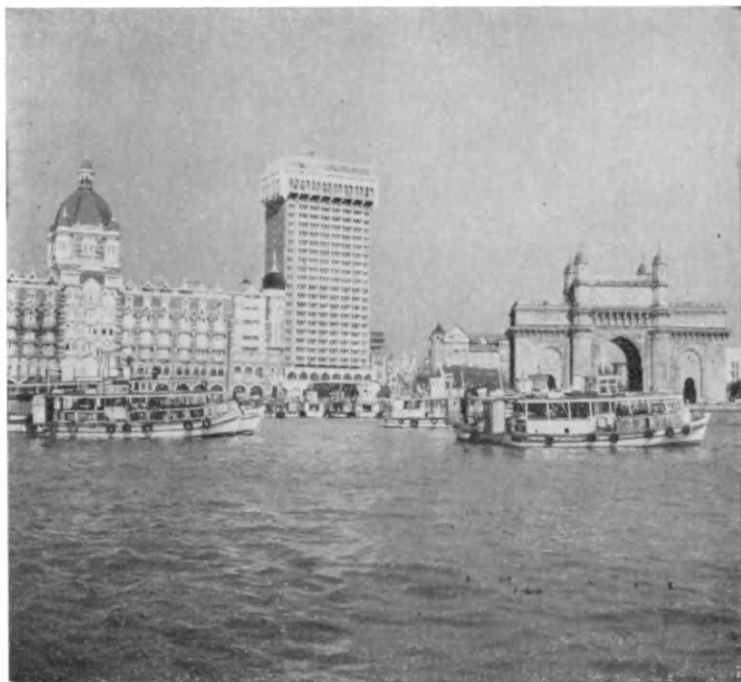
Жизнь улицы





Рыбак из племени онгов
Аббас





Бомбей с моря
Марина-Драйв





Памятник Шиваджи в Бомбее
Бомбейки





Прачечная для бедных в Бомбее
Зороастрийский храм





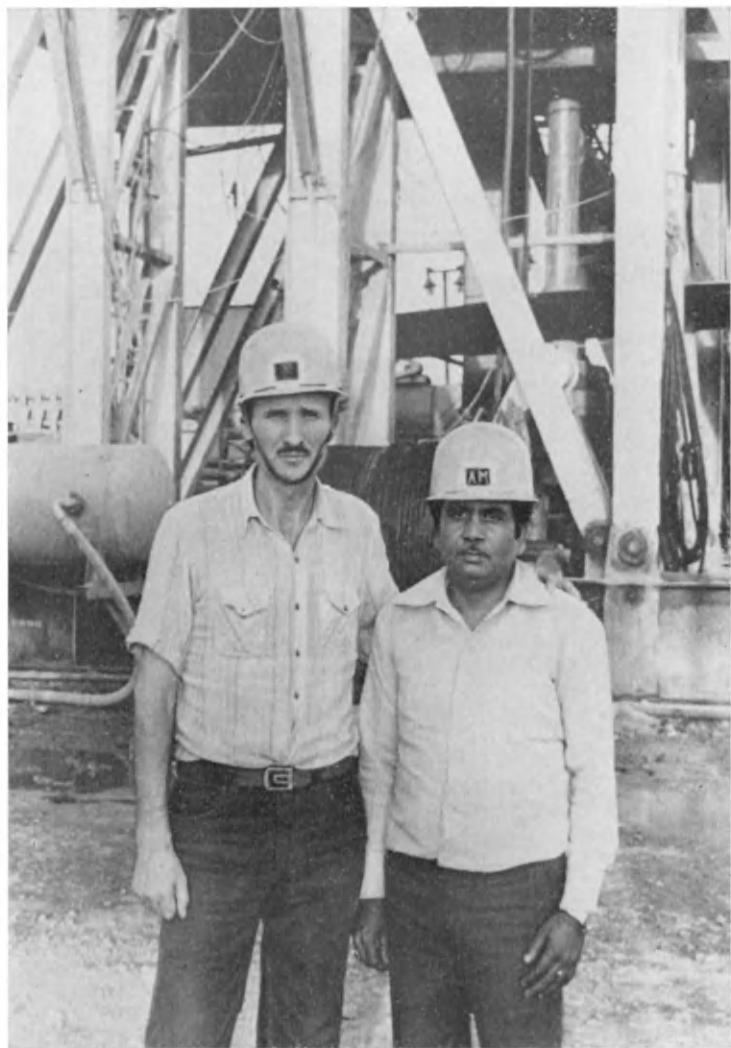
Салон мод

Калькуттский рикша





Памятник В. И. Ленину в Калькутте

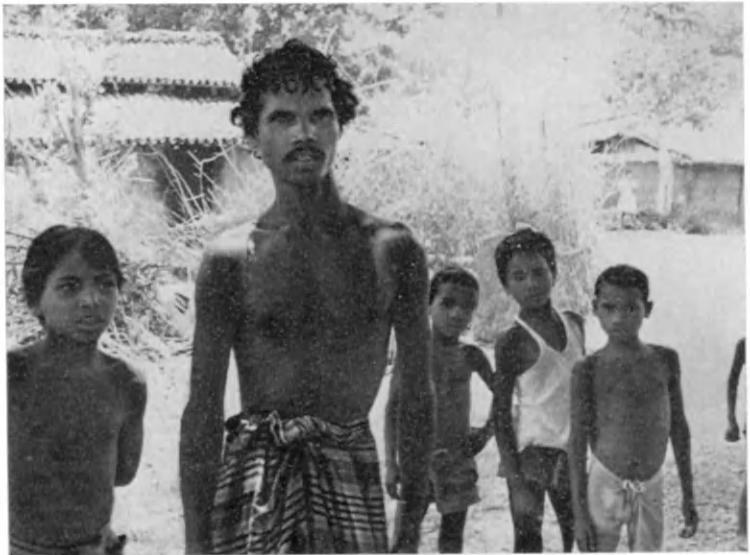


Советский и индийский инженеры
на буровой установке «Бойдра-2» под Калькуттой



Вокзал в Лакхнау

Племя мундари (окрестности Ранги)





Церковь в стиле «модерн», Лакхнау



«Святая» у ворот

Варанаси с реки





Варанаси. Священные омовения. Встреча паломников с Гангом

Старый паломник



Хардварские гхаты





Мадрасский храм с богами на крыше



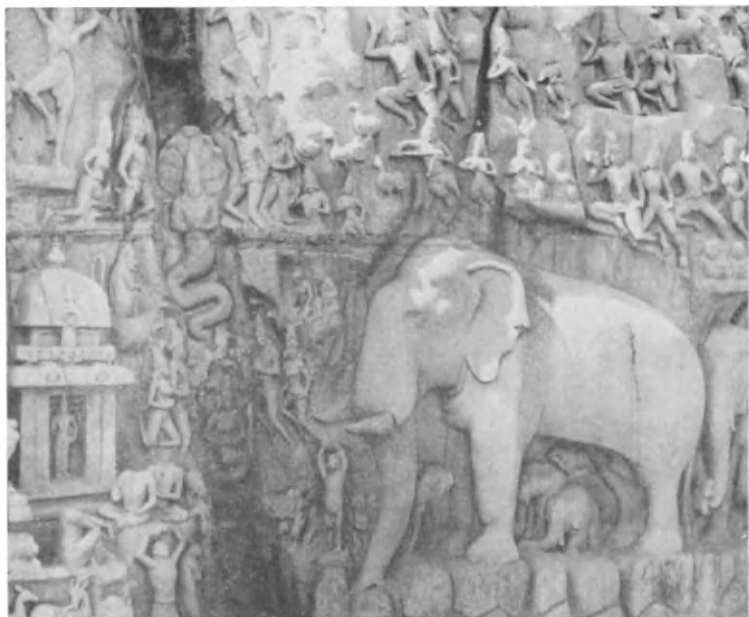
На улицах
Мадраса



Юные мадрасцы

Крокодилы спешат на зов. Ферма под Махабалипурамом





Наскальная резьба и скульптуры,
вырубленные из камня, в Махабалиपुरаме

На главной улице Тривандрама





В центре Симлы
Школьницы Симлы





Один из склонов Симлы



Кашмирец осенью



Учитель из Сринагара



Девушка из Гоа



На площади в Панджмие

Здания университета в Чандигархе



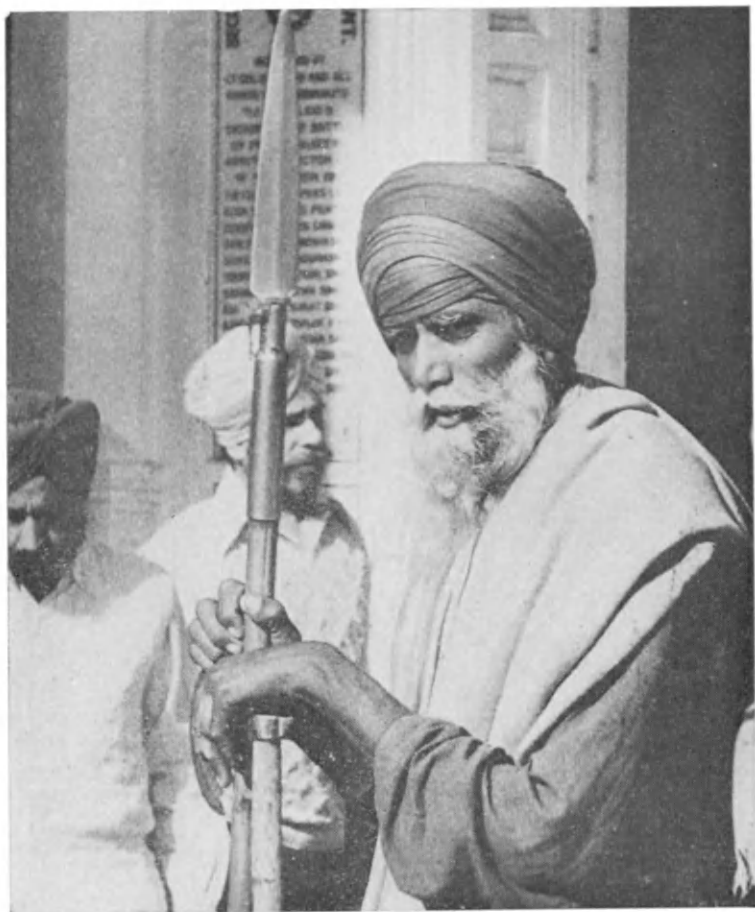


Амритсарский рикша
Центр Бхубанешвара





Старый бхубанешварский храм



Охранник-ниханг



Золотой храм в Амритсаре



Сикхские экстремисты в Золотом храме
Сандху (слева) демонстрирует «паспорт»
несуществующего государства Халистан.
Снимок сделан в Золотом храме





Обсерватория Джантар-Мантар в Джайпуре

Продавцы кокосов





У железного столба рядом с башней Кутаб-Минар.
Считается, что тот, кто может соединить руки за столбом,
обретет счастье



Раджгхат, место кремации Махатмы Ганди

Новый памятник Ганди в столице





Забастовщицы

У кинотеатра в Ахмедабаде



«Блиц», солидный журнал «Индия тудэй» с изобретательными, надолго запоминающимися обложками.

Мистер Десаи, однофамилец бывшего премьера, чем-то обеспокоенный и постоянно, как и все бомбейцы, куда-то спешащий человек, принял меня в своей скромно обставленной квартире, которая тоже находится в башне, хоть и не столь импозантной, как башня мистера Гупты. Крупный адвокат и общественный деятель, он является членом законодательного собрания штата Махараштра и возглавляет бомбейское отделение общества друзей Советского Союза.

— Развитие нашего города сложно и неоднозначно, как развитие всей Индии, — сказал он. — С одной стороны, явный и очень быстрый прогресс, с другой — крупные сферы жизни, остающиеся за пределами этого прогресса, увеличивающийся разрыв между бедностью и богатством, между убогим бытом огромного количества людей и достижениями науки, техники, технологии производства. Как сделать наше развитие гармоничным? Не знаю. В Бомбее живет 8 миллионов 100 тысяч человек. 3 миллиона из них обитают в трущобах. Но и положение остальных не назовешь блестящим: около 20 тысяч зданий в городе нуждаются в срочном ремонте, осуществление которого для домовладельцев по ряду причин сейчас невыгодно. Приток населения не убывает. Бомбей — хоть и соединен с материком — остров, и возможности расширения жилищного строительства здесь ограничены. Когда между нами и континентом будет построен мост, положение, конечно, улучшится...

Мистер Десаи вдруг улыбнулся и, как бы перебив себя самого, добавил:

— Но в общем я стараюсь смотреть в будущее оптимистически. Бомбей — город большой индустриальной культуры и науки, ему предстоит сыграть в будущей истории Индии еще более крупную роль, чем в прошлой. Думаю, что в ближайшие годы будет разработан умный и реальный план развития города. Необходимость такого плана теперь уже все понимают...

Я сидел в холле бомбейского Дома советской культуры и ждал знакомого писателя, с которым договорился о встрече. Вдруг открылась дверь и вместо моего приятеля вошла в сопровождении пожилого интеллигентного человека тоненькая девушка с одухотворенным, чуть отрешенным лицом, нежную белизну которого подчеркивали гладко уложенные черные волосы.

— Здравствуйте, мисс Фероза, здравствуйте, мистер Фероз! — выбежал им навстречу директор Дома. — Прощу вам, все готово, мы вас ждем...

Как выяснилось, мисс Фероза преподает здесь, в школе при Доме советской культуры классический русский балетный танец.

— Я училась в балетной школе Большого в Москве, — сообщила она по-русски, произнося слова немного нараспев и почти без всякого акцента. — Сейчас у меня здесь 76 учеников, а скоро будет сто. Отец приходит, чтобы помочь мне справиться с детьми.

Вокруг нас начали собираться маленькие ученики и ученицы мисс Фероз.

— Поди-ка сюда, Маниша, — сказала она испуганной девочке лет десяти. — Вот, кто будет покорять публику.

Маниша, не поняв, закивала маленькой изящной головкой, и все засмеялись, окончательно ее смутив.

Мистер Фероз и его дочь оказались парсами. Я и раньше слышал об этой этно-религиозной группе. 1300 лет назад предки нынешних парсов бежали из Ирана в Индию, не пожелав принять ислам. Они сохранили свою древнюю религию — зороастризм, но утратили язык. Их родным языком стал гуджарати. Всего их в Индии тысяч 80, причем 70 тысяч живет в Бомбее. Количество парсов сокращается с каждым годом. Главным образом благодаря их замкнутости, отсутствию притока свежей крови, бракам между двоюродными братьями и сестрами. Парс-мужчина не имеет права перейти в другую религию, а индус, мусульманин или христианин, женившись на парске, не имеют права принять зороастризм. Говорят, 1300 лет назад, разрешив парсам поселиться в Индии, тогдашний правитель поставил перед ними одно лишь условие — не распространять в Индии свою религию. Крупнейший индийский капиталист, владелец множества металлургических, машиностроительных и автомобильных предприятий Тата — парс. Не имея прямых потомков, он передал свое дело племяннику Ратану Тата.

Несмотря на свою малочисленность, парсы оказывают серьезное экономическое и культурное влияние на жизнь Бомбея. Хоть половина их и живет на грани бедности, среди них нет нищих и обездоленных, почти нет неграмотных.

Парсы не хоронят своих покойников и не кремируют

их. Мертвые тела доставляются на высокие Башни молчания, где их склеивают грифы. Оставшиеся кости падают сквозь специальные решетки и постепенно заполняют башню. Этот обряд и сами башни окружены ореолом таинственности. Если вы попытаетесь подойти к башне поближе, вам вежливо преградят путь.

Будучи столицей штата Махараштра, Бомбей, однако, не является чисто маратхским городом. В нем живет множество гуджаратцев, гоанцев, выходцев из Раджастана, Уттар-Прадеша и других штатов. В этом смысле его можно назвать концентрированным воплощением всей Индии. Только бомбейский многонациональный сплав гораздо более прочен, чем общеиндийский. Попав в сферу притяжения этого города, человек уже не может его покинуть. Бомбей становится его отечеством и это происходит помимо его воли. Здесь перемалываются, церетируются кастовые, национальные, а часто и религиозные различия, они оказываются для людей менее существенными, чем их общая принадлежность великому городу.

К пульсу Бомбея внимательно прислушивается вся страна, ибо события в нем определяют многое во всеиндийском масштабе. Бомбейские достижения и кризисы, идеи и скандалы постоянно попадают на первые полосы газет. Индийская общественность остро переживала, например, так называемое «дело Антулея». Абдул Рехман Антулей был главным министром штата Махараштра. Он в принудительном порядке востребовал определенные денежные средства с имущих, утверждая, что делает это для организации специального фонда помощи отсталым слоям населения. Одни газеты обвиняли его в том, что он просто злоупотреблял властью, чтобы добыть средства, не имеющие к отсталым слоям населения никакого отношения, другие, напротив, объявляли его борцом за справедливость. Страсти не улеглись и после того, как бомбейский Высший суд инкриминировал Антулею грубое нарушение законов и злоупотребление властью, которые недопустимы вне зависимости от предполагаемых целей, и главный министр вынужден был уйти в отставку.

— Только что я добыл новые материалы по делу Антулея, — похвалился мне Рамдас, ловкий репортер из выходящей на хинди газеты «Навхарат таймс». — И сторонникам его, и противникам будет о чем потолковать.

Его совершенно не заботило, на чью мельницу при этом польется вода. Мы сидели с ним и двумя его коллегам из других изданий в небольшом ресторане. Один из них представлял солидную газету на гуджаратском языке «Бомбэй самачар», другой — вездесущую и могущественную «Таймс оф Индия». Я спросил, как борются бомбейские газеты против социального зла — бандитизма и проституции, напомнив о мрачной улице, в которой в своих открытых и похожих на клетки комнатах стоят, забывая клиентов, доведенные до отчаяния женщины.

— Это не дело газет, — отозвался гуджаратец. — Это дело полиции. Наша задача — давать читателю ту информацию, которая его интересует.

— Вот именно, — поддел его молодой гоанец со звучной фамилией Перейра. — Чистенькие новости для благостных отцов бизнеса, аппетит которых во время утреннего завтрака не должен быть испорчен. В одном вы правы — наши статьи, даже самые лучшие — сами по себе не способны искоренить зло. Взять хотя бы вопрос о «черных деньгах», то есть о деньгах, которые их владельцы утаили от налогообложения. Мы пишем о них постоянно, но это не мешает огромному росту «черных денег» в обращении. Надо ли говорить, какой вред это наносит стране...

Перейра, маленький репортер, один из сотен таких же в гигантской «Таймс оф Индия», оказался, несмотря на свое ремесло, человеком сентиментальным.

— Я верю в бога и в Бомбей, — сказал он, когда мы вышли на набережную. — Я верю, что придет время, когда имя моего города будет ассоциироваться с такими понятиями, как добро, справедливость...

Бомбей затихал. В небе вспыхнули звезды, и лунная дорожка рассекла надвое полукруг бухты. Что принесет завтрашний день бастующим бомбейским текстильщикам, какие дали откроет перед учеными, чему научит писателей, какой урок преподаст бизнесменам? Какой станет завтра неповторимая галактика города, судьба которого так дорога моему молодому другу?

Чудо Махараштры

Махараштра — огромный штат. Из столицы штата — Бомбея я еду в его геометрический центр Ауран-

габад. Зеленые поля и зеленые горы резко контрастируют с только что покинутыми каменными джунглями. Даже небо вдруг перестало тяжело нависать над нами, обрело легкую, прозрачную, искрящуюся синь. Гор и холмов становится все больше, они все круче вздымаются ввысь. На дороге почти нет людей и машин, будто и не в Индии мы вовсе. Горы неожиданно расступаются, и мы въезжаем в Пуну, миллионный город с многоэтажными башнями банков, страховых контор, гостиниц, изящной готикой Декканского колледжа, тяжелой добротностью старинных зданий университета, индусским и мусульманским фортами. В Пуне родился Шиваджи. Отсюда он вел свои войска на север, приводя в ужас могольских властителей. Здесь, как и в Бомбее, установлен памятник этому доблестному вождю маратхов. Пуну мы проезжаем, не останавливаясь. Хотим светло попасть в Аурангабад.

Снова нас окружают горы с розовато-желтым наложением, кое-где покрытые лесом. Краски Махараштры нежны, богаты полутонами, раджастханской контрастности здесь нет. Вот наконец и Аурангабад. Тесный, пестрый, кишачий велосипедистами и рикшами, заваленный горами живописных плодов, он мало чем отличается от сотен средних индийских городов. В стороне от центра, правда, выстроились роскошные отели, их внушительные фасады оттеняет зелень садов и скверов. Когда-то Аурангабад назывался Кхидки — окно. Трудно сказать, куда именно это окно выходило. Жестокий и мрачный Аурангзеб, последний могольский император, прежде чем завоевать трон, разместил здесь свои войска и дал городу свое недоброе имя. Впоследствии город попал под власть хайдерабадского низама.

Из гостиницы звоню по телефону, который дали мне друзья в Бомбее, историку Джаганнатху Мурю и очень скоро нахожу в городе его дом. Это маленькое строение битком набито людьми — большими и крошечными. У Муря много детей, братьев, сестер, теток, есть и родители. Все они живо интересуются мною, улыбаются, угощают самосой и орешками и чудовищно галдят. Я строю их по ранжиру и фотографирую всех вместе, потом мы с Муреем выходим на улицу. Прямо напротив его дома мастерская, в которой ткут золотом знаменитые аурангабадские декоративные ткани. Чуть поодаль — другая мастерская, в которой обрабатываются полудрагоценные камни. Агат, аметист, тигровый глаз,

нефрит. Делают бусы, фигурки богов, портсигары, пепельницы, шкатулки.

Мурей показывает мне Макабару, ухудшенную копию Тадж-Махала. В отличие от мавзолея в Агре, целиком беломраморного, аурангабадская могила облицована главным образом гипсом и известью. Империя угасала, у сына Аурангзеба Шахаджада Азам Шаха, видимо, не было средств, чтобы построить для своей матери то же, что Шах Джахан построил для своей жены, его бабки Мумтаз.

Потом, когда наступает темнота, мы с Муреем долго бродим по узким улочкам Аурангабада, осматриваем ярко освещенные лавки. Джаганнатх Мурей, которому родители дали имя орисского «бога вселенной», — скромный, стеснительный и очень добрый человек, обладает поразительной памятью. Уже сейчас, вечером, он перечисляет мне все, что содержат десятки пещер Аджанты и Эллары, интересуясь, что именно я хотел бы завтра увидеть: всего за один день не осмотреть. Однако по-настоящему я оцениваю его память лишь на следующий день, когда, мгновенно проскочив сотню километров, мы добираемся по нежно-зеленой долине до Аджанты.

Название деревни Аджанта увековечено находкой, имеющей огромное, всемирно-историческое значение. Здесь, в зарослях бамбука и тростника у реки Вахуары, прорезавшей ущелье меж базальтовых гор, охотились в 1819 году офицеры Мадрасского полка. Они мечтали затравить тигра и наткнулись на полузаваленный камнями вход в пещеру номер 10. Тысячу лет пещеры Аджанты не были известны человечеству. И кто знает, когда бы они были обнаружены, если бы не вздумали английские офицеры отправиться тогда на поиски тигров.

Всего в Аджанте 29 сводчатых пещер. Они выдолблены в твердом камне вдоль реки, над ней. Когда смотришь с противоположного берега, видишь на склоне, у входов в пещеры-храмы множество алых цветов, красных и желтых листьев. Необыкновенная тишина этого места, его отдаленность и красота послужили, видимо, причиной его выбора для строительства храмовых пещер. Их начали строить во II веке до нашей эры и закончили примерно в 700 году нашей эры. Потом, когда буддизм был вытеснен из Индии, монахи покинули храмы-пещеры, их постепенно завалило камнями

и землей, затянуло лианами. Сейчас они приведены в порядок и открыты для посещений.

Всего в Индии насчитывается 1200 пещер-храмов. 600 из них — в Махараштре. И самые поразительные — в Аджанте и Эллоре.

Мы с мистером Муреем входим в пещеру номер один, тщательно ее осматриваем, затем по очереди заглядываем во все остальные.

— Я вижу это в сотый раз,— замечает Мурей.— И всякий раз испытываю сильное волнение. Какое фантастическое терпение нужно было иметь, чтобы вырубить все эти скульптуры, написать все эти картины, работая в полумраке: свет отражался от входа в пещеру полированными металлическими щитами.

Тысячелетия почти не тронули росписи и совсем не коснулись скульптур. Сначала с помощью молотка и зубила выдалбливалось место для пещерной картины, потом оно заполнялось смесью из глины, коровьего навоза и рисовой шелухи. Потом наносился рисунок — красками из растений и камня. До сих пор не выяснено, как добывались древние такого глубокого синего цвета, что послужило источником для алой краски. Сейчас картины для сохранности покрыты тонким слоем прозрачного шеллака. С пронзительной достоверностью изображены фигуры и лица женщин. Этой реалистичности как бы противопоставлена величественная отрешенность и условность Будды и боддисатв. Женщина во время исповеди, сцены во дворце, девушка, танцующая Бхарат Натьям, столпотворение вельмож, астрологов, поэтов.

— Это — мать Будды, королева Майя,— поясняет Мурей.— Астрологи истолковывают ее сон, в котором белый слон с шестью клыками проходит сквозь ее тело. Астрологи видят в этом предзнаменование скорого рождения у королевы сына, отмеченного чертами величия. Если пойдет он по пути, который диктует его положение принца,— станет царем царей. Если же предпочтет аскетизм — станет Буддой.

Пещеры Аджанты сооружены методом, который ученые называют «внутренней резьбой». Монахи сначала выдалбливали в скале помещение, а затем в стенах его — скульптуры буддистских божеств. Кое-где в пещерах вместо скульптур высятся ступы. Примерно на протяжении 400 лет пещеры создавали монахи — приверженцы Хинаяны, или Малой Колесницы,—разновид-

ности буддизма, отрицающей идолопоклонство. В следующие три столетия здесь хозяйничали сторонники Махаяны, или Большой Колесницы, ревностно молившиеся каменным изваяниям. По этому признаку делятся и пещеры. Некоторые из них не закончены, поспешно брошены. Есть скульптуры без рук, есть с готовыми головами и лишь нацарапанными на камне телами. Многие отмечены не только высоким уровнем мастерства ваятелей, но и печатью истинного таланта, граничащего с гениальностью. Огромный Сакья Муни в нише, кажется, следит за каждым вашим движением, провожает вас взглядом, в какую бы сторону вы ни направились.

По тяжелым каменным ступеням мы спускаемся к площадке для парковки машин, с которой соседствует рынок. Продают на нем не фрукты, а камни. Груды кварца, аметиста, какого-то желтого камня. Иногда это большой расколотый и соединенный по линии слома булыжник. Открыв его, получаешь две чаши, наполненные сиреневыми кристаллами. Продавцы — молодые Ахмеды, Хабибы, Мурады наперебой рекламируют свой товар, свирепо друг с другом ругаются из-за клиентов, перетаскивая их от стола к столу. По соседству с Аджантой давно уже выросло мусульманское селение, откуда и приволакивают свои сокровища юные коммерсанты. Рынок чудовищно вторгается в тишину и отрешенность Аджанты, оскорбляет ее самым фактом своего существования.

Обратно в Аурангабад едем так, чтобы, сделав небольшую петлю, осмотреть Эллору. Англичане и здесь не могли не переименовать индийское название. Деревня называлась Эллапур — в честь правителя по имени Элла. Но теперь уже чудо архитектуры и скульптуры под Аурангабадом известно миру под именем Эллоры. Эллорские пещеры, в отличие от Аджантских, выбиты не в одном монолитном скальном массиве. Каждая представляет собой отдельную скалу. Эти пещеры намного — на 700 лет — моложе аджантских. Их никто не открывал, ибо всегда эти храмы, во всяком случае большая их часть, были действующими.

Созданы скальные храмы здесь нередко методом «резьбы снаружи». Скала начинала обрабатываться сверху, по сделанному скульптуром и архитектором плану оставались каменные глыбы, которые затем превращались в изображения богов, слонов, демонов,

Половина (16 из 34) эллорских пещер — индусские храмы, 5 — джайнские, 13 — буддистские.

В индусских храмах-пещерах нет лаконичности и строгости, присущих буддистским. Боги сидят во множестве, развалиясь, пируя с возлюбленными или наблюдая танцовщиц, сами пускаются в пляс. Одна из самых населенных пещер — шестнадцатая, представляющая собой храм Кайласы — жилища Шивы. Эта пещера создавалась 150 лет. Великий бог сидит со своей женой Парвати на широком постаменте, а под ним коварный демон Равана тщетно пытается разрушить богочеловеку обитель или по крайней мере поколебать ее.

Здесь мы не ходим из пещеры в пещеру, а ездим между ними: храмы расположены довольно далеко друг от друга. Видя, как восхищают меня скульптуры, мистер Мурей весь светится гордостью, будто сам он ползал здесь столетиями и создавал эти шедевры.

В одной из буддистских пещер он вдруг произносит нараспев начало буддистского заклинания «Ом мани падме хум!» — «О, божество на лотосе!», и его голос пещера гулко воспроизводит во второй и в третий раз. Потом поворачивает ко мне умное и доброе лицо и говорит:

— Разве может иссякнуть талант народа, создавшего такую красоту? Да никогда в жизни!

Новые контуры Гоа

Река Мандови медленно вползает в океан, который отсюда, с холма, кажется благодаря штиллю густым как студень. Веера пальм отражаются в зеркальной лазури воды, сверкающей и почти неподвижной. Утреннее солнце поблескивает на смуглых, улыбающихся лицах торговков рыбой, течет по складкам их цветастых сари, резко очерчивает приставленный к небу массивный крест ослепительно белой католической церкви. Панджим просыпается. С шумом отодвигаются складные решетки лавок, велоколяска с большим кузовом, из которого выглядывают смышленные ребячьи лица, подкатывает к школьному подъезду, стройная девушка в малиновом платье европейского покроя, в туфельках на высоких каблуках переходит по диагонали маленькую, будто игрушечную, квадратную площадь с зеленой бронзовой скульптурой в центре.

Панджим — столица Гоа. Его называют иногда на индийский лад «Панаджи». Оба названия бытуют на равных. Это небольшой, очень красивый город. Отсюда рукой подать до Старого Гоа, где среди строго канонических церквей-сараяв возвышается на крупном пьедестале бронзовая фигура человека в широком жабо и длинных чулках, заправленных в короткие, зауженные книзу штаны. На лице его застыла полуулыбка, появляющаяся в момент радостного открытия. Это Луис ди Камоинш, или, как у нас принято писать, Камоэнс, мятежный поэт, который был младшим современником и обличителем пиратов Афонсу Албукерки, захвативших в 1510 году Гоа. Камоинш совершил сюда путешествие с Васко да Гама. В поэме «Лузиады» он описал эту экспедицию и гневно заклеивал колониальные авантюры и бесчеловечные действия пиратов. Ему здесь самое место. По иронии судьбы именно этому памятнику пришлось поплатиться за преступления колонизаторов. Экстремисты, пытающиеся стереть с гоанской земли следы Португалии, организовали взрыв, в результате которого бронзовой фигуре нанесены повреждения.

Совсем близко от Панджима расположился порт Васко, носящий имя великого мореплавателя. Рядом и Даболим, в котором создан аэропорт. Впрочем, в Гоа нет по-настоящему далеких мест. На сравнительно небольшой территории теснится огромное количество старинных индусских храмов и католических церквей, железных рудников и плантаций кешью, научных учреждений и торговых контор, крутых скал и пологих пляжей. Чуть больше миллиона человек населяет этот райский уголок индийской земли. Здесь построено несколько крупных санаториев и домов отдыха, удобных и дешевых отелей для туристов, которых с каждым годом становится все больше. Два гоанских пляжа почему-то облюбованы западногерманскими нудистами. Вместе с машинами они прибывают в порт Васко или в Мадрас, добираются своим ходом до Вагатор-бича и Вага-бича и разбивают над крутым обрывом в соседстве с пляжами свои палатки. Гоанцы к ним уже привыкли и спокойно расхаживают по пляжу среди голых тел, предлагая кэмпу-колу и фрукты.

Кое-где над лавками и магазинами Панджима еще сохранились португальские надписи. Да и таксисты иногда пробуют объясняться с иностранцами по-португальски. Португальскими сортами вин, которые гоанцы

продолжают производить, пестрят витрины. Да и лица на улицах нередко носят черты потомков Афонсу Албуркерки. Прошло лишь два десятилетия с тех пор, как колонизаторы были отсюда с позором изгнаны. Четыре с половиной века продолжалось господство португальских завоевателей в Гоа. Вишванатх Нараян Лаванде отдал борьбе против них молодость.

Он сидит за маленьким письменным столом, обложенный какими-то папками, сухощавый, немного медлительный, виновато улыбающийся. На нем серый френч с накладными карманами. На среднем пальце узкой руки кольцо с каким-то красным камнем. Я пришел к нему в офис — Лаванде адвокат суда Союзной территории Гоа. Он возглавляет ассоциацию ветеранов борьбы за свободу, и едва ли найдется в Панджмиме человек средних лет, который бы его не знал.

В далеком 46-м Лаванде, будучи студентом, входил в революционный комитет, состоявший из девяти человек и объявивший своей целью освобождение Гоа от колониальной зависимости. В июне, когда салазаровская охранка арестовала старших товарищей, совсем еще юный Лаванде объявил сатьяграху, кампанию ненасильственного гражданского неповиновения. Панджмим поддержал призыв молодого патриота: остановились предприятия, закрылись лавки, замер транспорт. Португальские полицейские мгновенно набили тюрьмы людьми. Угодил в темницу и Лаванде. В течение многих дней полиция искала зачинщиков, но так и не нашла. Никому и в голову не пришло, что организатором всеобщей забастовки был девятнадцатилетний паренек, только начавший бриться. Толстый португальский офицер отпустил его, «по-отечески» посоветовав не заниматься политикой, не отвлекаться от учебы в университете. И Вишванатх действительно вернулся в Индуский университет в Варанаси. Но только для того, чтобы привести в порядок кое-какие дела, раздобыть средства, наладить связь с единомышленниками в Анголе, которые тоже были готовы бороться с португальскими угнетателями.

— Очень скоро я снова оказался в Гоа, — вспоминает он. — Снова затеял сатьяграху и, конечно же, попал в тюрьму. На сей раз полиция поняла, кто я. Меня избивали ежедневно в течение двух месяцев. Со мной вместе сидел коммунист Нараян Палекар. Я многому от него научился. Мы поняли тогда, что сатьяграха,

которую Махатма Ганди и партия Национальный конгресс с успехом применяли против англичан, не годится для борьбы против Салазара, который понимал лишь один язык — язык оружия. Выйдя из тюрьмы, я и мои друзья создали революционную группу «Азад Гомантак Дал». Мы, как говорится, взяли быка за рога — организовали налет на банк, но захватили сравнительно небольшую сумму — тысяч пять, купили немного оружия.

«Азад Гомантак Дал» спланировала вокруг себя патриотов. Создавались хорошо законспирированные пункты боевой подготовки. В июле 1954 года Лаванде и его друзья повели вооруженных патриотов на штурм Нагар Хавели. В течение восьми дней этот уголок, находящийся в стороне от основной территории Гоа, был освобожден от колонизаторов. Вернуться туда португальцы уже не сумели: индийская армия вошла в Нагар Хавели и надежно защитила патриотов от мести португальских колониальных властей.

— Завершив операцию, мы возвратились на территорию, контролировавшуюся португальцами, — продолжает Лаванде. — Мы были уже мощной организацией, в которую входили представители различных политических партий. Мы поддерживали и тех, кто боролся с колонизаторами лишь методом сатьяграхи, и сторонников усиления боевых действий. Активную деятельность развернула Всеиндийская организация содействием освобождения Гоа. Чувствуя приближение развязки, колонизаторы усилили репрессии. Я был приговорен к тридцатилетнему заключению вне Гоа, основательно ознакомился с тюрьмами Анголы и Мозамбика, но сумел бежать и тайно вернуться в Панджим.

В 1960 году на конференции борцов за свободу Азии и Африки представители различных португальских колоний обратились к правительству Джавахарлала Неру с просьбой ускорить освобождение Гоа, которое явилось бы серьезной поддержкой для патриотов Анголы и Мозамбика. Год спустя, исчерпав все мирные средства, Индия предприняла знаменитую операцию «Виджайя» и освободила Гоа. В течение нескольких дней рухнуло возводившееся веками здание португальского господства в этой части Индии.

— Мы подготовили для этого почву, — заключает Лаванде. — Мы — это и католики, и индусы, и конгрессисты, и, конечно, коммунисты.

Мы скользим взглядом по голубоватой ряби Мандови. Немало ее воды утекло в океан с тех пор, как Лаванде и его друзья начали свою одиссею борьбы. Два десятилетия свободы не прошли даром для ее берегов. Перемены коснулись всех сторон жизни и быта, экономики и культуры. Но самая главная перемена — отсутствие иностранного гнета, возрождение поправленного человеческого достоинства.

* * *

Волна медленно подбирается к берегу, встает на дыбы и уже смешанная с песком, разбивается у самого носа черного катамаранчика, борт которого украшен белым изображением слоноголового Ганеша. Здесь, у берега, океан отдает зеленовато-бутылочной мутью, а вдаль он кажется пронзительно синим, и взгляд скорее угадывает, чем чувствует, необыкновенную прозрачность этой сини.

Два тощих и гибких рыбака стаскивают катамаранчик на воду. Часа через три-четыре, если Ганеш проявит к ним благосклонность, они вернуться с уловом: парой акулят, рыбой-молот, тремя десятками круглых серебристых рыбешек. Их встретят такие же жилистые женщины с корзинами, в которых улов будет отнесен на рынок. Так было 500 лет назад. Так было вчера. И так — сегодня. Океан кормит людей, но держит их в напряжении, заставляет выбиваться из сил, уносит жизни.

Но сегодня в отношениях Индии с Индийским океаном возникло много нового, хоть и уживается оно пока со старым. Достаточно бросить взгляд на причалы, портовые сооружения, стапели Бомбея, Кочина, Мадраса, Калькутты, чтобы увидеть это новое — сложную современную технику, торговые, рыболовные, исследовательские суда, корпуса институтов, лабораторий. Особенно многого добилась индийская океанография.

У самого Панджима, в местечке Дона Пула, расположен национальный институт океанографии. Бело-снежный шар с фотоспектрометром на башне главного здания, виден с судов задолго до того, как они подходят к берегу. С особым чувством смотрят на него с «Гавешани», хоть и приписан этот могучий красавец к калькуттскому порту. Ведь ученые на его борту — соратники и коллеги тех, кто сидит в уютных кабинетах

института, ведет научную работу в его лабораториях. «Гавешани» значит «Исследователь». Это океанографическое судно — гордость индийских ученых. Оно оборудовано замечательными современными приборами.

Институт, подведомственный Совету научных и промышленных исследований, был основан в 1966 году, вскоре после освобождения Гоа. В здании с белым шаром находится его, так сказать, штаб-квартира. Отделения института действуют также в Кочине, Бомбее, Валтаире. Семь секторов института разрабатывают проблемы физической, химической, биологической и геофизической океанографии, приборостроения.

Мистер В. В. Р. Варадачари, заместитель директора института, предлагает мне чашку крепкого чая с молоком. Скромность, отличающая людей его круга — ученых, в большой мере присуща и ему. О достижениях института говорит сдержанно, но вместе с тем доходчиво и обстоятельно.

— В области физической океанографии мы исследуем большой комплекс вопросов, связанных с эрозией берегов, сегментацией бухт, уделяем серьезное внимание взаимодействию океана с атмосферой. Большое место в нашей работе занимает изучение муссона. Правильное понимание поведения муссона зависит от того, насколько точно определен характер энергообмена между океаном и атмосферой. Особенно много материалов, связанных с муссоном, мы собрали в 1979 году в Аравийском море и Бенгальском заливе. Эти материалы все еще изучаются. Процессы, происходящие вдали от наших берегов, оказывают большое влияние на поведение муссона в Индии. Его задержка или преждевременное наступление, чрезмерное обилие дождей или их недостаток самым существенным образом отражаются на нашей экономике.

Мистер Варадачари перечисляет ряд других важных моментов в деятельности института. Это и изучение плотности воды, энергии приливов, и обследование океанского дна, и определение степени загрязнения океана и влияние этого процесса на подводную жизнь, и выявление лекарственных веществ, и поиск полезных ископаемых, и, наконец, практическая разработка тем, связанных с продуктивностью океана, с перспективами использования креветок и других организмов при решении продовольственной проблемы, которая в Индии никогда не отступала на второй план. В этой последней

сфере исследования океана приобретают ключевую роль. Несмотря на «зеленую революцию», ограниченность земельных угодий страны и быстрый рост ее населения превращает океан в одну из главных надежд.

Океан призван сыграть важную роль и в улучшении энергетического баланса Индии. Ученые подсчитали, что морские приливы способны вырабатывать больше электроэнергии, чем дают ее сегодня все существующие электростанции мира. По рекомендации океанографов центральное правительство Индии одобрило проект строительства приливной электростанции в заливе Катч, в Гуджарате. Специалисты считают, что в перспективе могут быть созданы приливные электростанции в заливе Камбей (штат Махараштра) и в Сундарбане, на юге Западной Бенгалии. Индийские специалисты проявляют большой интерес к советскому опыту строительства приливных электростанций, полагают, что прототипом для таковых в Индии могла бы послужить станция, построенная в Кислой губе Баренцева моря.

Мы прощаемся, ибо мистеру Варадачари пора идти на очередное заседание Всеиндийской конференции, созванной институтом в Дона Пауле. В ней участвуют правительственные эксперты по нефти и газу, руководители ряда министерств, ученые из различных университетов, занимающиеся изучением фауны, флоры, энергетики океана, социологи. Само по себе объединение стольких творческих сил в борьбе за познание тайн океана свидетельствует о том, сколь далеко продвинулись индийцы в этой сфере. Дело поставлено на широкую ногу. И Гоа, частичка страны, за свободу которой было пролито немало крови, играет в этом деле ведущую роль.

Калькуттский лабиринт

Представить себе Калькутту по чьему-либо описанию трудно. Как трудно, скажем, вообразить, пассажирский авиалайнер на слоновьих ногах. Она состоит из несовместимостей и, кажется, этим бравитурет. Все в ней обнажено до предела — и блеск, и нищета. Восторг и ужас — вот два чувства, которые здесь друг друга поминутно сменяют. Этот город, заложенный англичанами в 1690 году, был главными воротами их проникновения в Индию. Он был чудовищной опухолью на

теле страны, ее позором и болью. Позднее он стал очагом многих прогрессивных движений, символом пробуждения человеческого достоинства, рабочей крепостью, колыбелью бенгальской культуры. Слишком много для одного города, но с этим ничего не поделаешь.

Я въезжаю в Калькутту с юга. Моя машина медленно движется в потоке других. Поток оmyвает огороженную треугольную площадку с чьим-то бюстиком в центре, беспомощную и неуместную в этом столпотворении, с трудом втискивается в узкую щель между двумя небоскребами.

Водители «Амбассадоров», которые, кстати, производятся здесь, в Калькутте, непрерывно гудят, теребят бороды, кричат что-то яростное, вздевают руки к небу. Скрежещущий, орущий, смердящий выхлопными газами поток выползает наконец на более или менее широкую улицу. Но скорость наша не увеличивается. Лепные викторианские фасады равнодушно взирают на толкотню людей и машин внизу. Полицейские в сверкающей белизной форме то и дело передвигают вправо или влево огромные металлические бочки с песком, разделяющие улицу, в зависимости от того, с какой стороны поток в данный момент более интенсивен. В самой гуще движения замечаю коляску, в которой сидят, оживленно беседуя, две молодые женщины в полупрозрачных вишневых сари, отороченных золотом. Тащит коляску босоногий рикша.

Еще несколько лет назад Калькутта называлась в числе крупнейших азиатских городов, покончивших с этим бесчеловечным видом транспорта. В 1978 году, приехав из кишашей велорикшами Дакки, я не встретил в Калькутте ни одной велоколяски. Лишь кое-где в переулках сохранялось еще небольшое количество бегающих рикш. Сейчас, в 1984-м, велоколясок по-прежнему нет, но бегающие, обливающиеся потом рикши снова вышли из переулков на магистрали. Транспорт города, насчитывающего 9 миллионов 165 тысяч жителей, не справляется с перевозками, а число жаждущих найти хоть какую-то работу растет...

Транспорт — одна из самых тяжелых проблем любого мегаполиса. В Калькутте и ее предместьях на расстояние в каких-нибудь 30 километров уходит два часа! Но дело не только в избытке транспорта. Оно и в его недостатке. Калькуттская транспортная корпорация, создан-

ная в 1948 году, насчитывает полторы тысячи автобусов. Однако лишь 600 из них курсирует по улицам, перевозя ежедневно полтора миллиона пассажиров. Процент использования наличных транспортных средств едва достигает в Калькутте 42, тогда как в Бомбее, например, этот показатель равен 91. Главная причина — скученность построек, узость улиц. Для того чтобы городской транспорт функционировал успешно, в его распоряжение должно быть предоставлено примерно 30 процентов площади города. В Калькутте же проезжие части улиц, переулков и площадей составляют лишь 6,4 процента занимаемой ею территории. Есть и другие причины недостаточной полного использования транспортных средств, такие, как ветхость значительной части автобусного парка, мошенничество должностных лиц, наживающихся на незаконном прокате автобусов вне пределов города, частое вскрытие мостовых в целях устранения повреждений в состарившемся подземном хозяйстве. Но главная причина — отсутствие пространства. Так что единственная надежда Калькутты — метро.

На самом верху башни, в которой расположено управление строительства калькуттского метро, я разговаривал с его главным инженером, сухощавым мистером К. Н. Дасгупта. Он провел рукой по плану города на стене:

— Вот наша первая линия. Она соединит Дамдам с Толиганджем. Длина трассы 16 километров 430 метров. С учетом остановок поезда будут проходить ее за 33 минуты. А сейчас мы тратим на эту дорогу около двух часов. Это будет первое метро в Индии. При его сооружении мы используем отечественную технику и технологию. А проходку тоннелей нам помогают осуществлять друзья.

Мистер Дасгупта кивнул с улыбкой в сторону сидевшего рядом со мной Бориса Сосунова. Борис закончил здесь свою работу. Советский метод проходки «стена в грунте» получил в Калькутте благодаря его усилиям признание и распространение. Главный инженер познакомил меня с приветливым своим коллегой и заместителем, очень молодым и подвижным Татхагатом Ромем, и тот немедленно показал мне готовую станцию, разместившуюся здесь же, на Чоуринги, под боком у управления. Стоя на не мощенной еще подземной платформе у шершавых бетонных колонн, которые, очевид-

но, облицуют в свое время мрамором, он размышлял вслух о будущем.

— Пуск метро будет означать подлинную революцию в жизни моего города... Он перестанет внушать приезжим ужас, будет уютным, чистым...

Потом я долго добирался до начала трассы. Надев шахтерскую робу и каску, полчаса сидел в кессонной камере, ибо проходка тоннеля осуществлялась под давлением. В тоннеле наблюдал, как облегающий его желтый стальной щит медленно углубляется в мокрый и жесткий грунт. Услышав за спиной венгерскую речь, обернулся и застыл в изумлении: из-под красной пластмассовой каски мне улыбалось хорошо знакомое лицо Густы Кладоша. Лет за десять до этой встречи я спускался в клетки на строящуюся тогда станцию «Площадь Деак» первой линии будапештского метрополитена и сопровождал меня молодой мастер Густав Кладош. Строительство метро в Будапеште шло при самом активном участии советских специалистов. И вот теперь венгерские инженеры сами участвуют в решении сложных задач строительства первого в Индии метро. Несколько венгерских слов, и Густы, вскрикнув, узнал меня.

— До чего тесен мир,— только и мог выговорить он в первую минуту.— До чего мал! Надо же! Как видишь, мы и здесь, как в Будапеште, работаем в контакте с вашими людьми...

Грязно-серая Хугли, рукав Ганга, пестрит лодками и дымящими сухогрузами. Портовые сооружения, громоздящиеся одно на другое, исполосованы тросами, реями, трубами. У причалов с грохотом работает землечерпалка. Работает день и ночь, наполняя свое чрево густым желтым илом. Рядом в «лебедь» — замкнутом доке, внутри которого поддерживается заданный уровень воды, обрабатывается небольшое судно. У подъезда к докам толпятся красные самосвалы.

Председателю управления калькутского порта М. Де-Сильва немного за пятьдесят. Его ладная фигура затянута в аккуратный френч. На стенах кабинета — морские карты и приборы. Беседа идет под перезвон десятка телефонов.

— С тех пор как сто лет назад началась навигация на Хугли, было ясно, что наш порт столкнется с проб-

лемой заиления,— рассказывает он.— К тому же в сухой сезон Хугли мелеет. Уже тогда люди задумывались над тем, как наладить регулирование вод реки. В 1975 году была построена Фарракская плотина. Это, конечно, несколько облегчило наше положение. Бангладешцы жалуются, что Фарракская плотина обезвоживает ту часть Ганга, которая протекает по их территории. Между Индией и Бангладеш постоянно ведутся переговоры по этому вопросу... Без Фарракской плотины возникает угроза самому существованию калькуттского порта. Да и плотина не может полностью остановить процесс обмеления. Еще несколько лет назад мы принимали до 1800 судов ежегодно. Сейчас — на целую тысячу меньше. Мощность нашего порта — 12 миллионов тонн груза. До сооружения Фарракской плотины мы могли обрабатывать лишь 6 миллионов тонн. Сейчас больше — 9,2 миллиона тонн. Но это вместе с портом Халдия у впадения Хугли в залив...

Пожалуй, вопрос о будущем калькуттского порта еще более сложен, чем транспортная проблема. В этом городе всюду упираешься в тупики — социальные, технические, политические.

Я иду по Чоуринги. На одной ее стороне выстроились, как на параде, величественные здания корпораций, банков, отелей, осененные рекламами крупнейших авиакомпаний. Прохожу мимо длинного желтоватого дворца — Музея Индии. В анфиладах его залов собраны поразительные памятники древности — орудия производства, бронзовые и каменные скульптуры, изделия из слоновой кости и серебра...

Приезшему обязательно показывают «Викториа мемориал» — беломраморный дворец, содержащий множество картин и скульптур, которые посвящены главным образом англичанам в Индии. Сложное впечатление производит так называемый «Марбл пэлэс», принадлежащий одной богатой семье. В десятках залов с потускневшими стенами и потолками выставлена добрая сотня скульптур, собранных со всего мира, причем с подлинными шедеврами соседствуют иногда безвкусные поделки. На просторных верандах дворца установлены клетки со змеями и огромными пестрыми какаду, и в полумраке залов вас преследуют скрипучие и зычные птичьи голоса.

Но я немного отвлекся от Чоуринги. Чего только здесь нет! Этот вот ювелирный магазин хорошо изве-

стен калькуттским толстосумам. Витрина его сверкает. Бирюза, тигровый глаз, нефрит, изумруд. Вери хай коулити, сэр, высшего качества. Примерьте эти запонки, сэр, они вам очень к лицу, сэр. Рядом с названиями кафе и ресторанов краткие предупреждения — «вина не подаем» или наоборот: «большой выбор крепких напитков и пива». В книжных магазинах разбегаются глаза: новейшие индийские и зарубежные издания, множество альбомов репродукций.

Однако, прежде чем проникнуть в магазин или кафе, надо прорвать заслон из уличных торговцев, разложивших на ценовых множестве заколок, расчесок, маек с печатным рисунком, четок, щеток, надувных крокодилов. Надо пройти сквозь тесный строй попрошаек разного возраста и разного уровня «профессиональной подготовки» — опытных пожилых бакшишников, с первого взгляда определяющих, что можно урвать у данного «клиента», и едва научившихся ходить ребятишек.

Толпа на Чоуринги такая же пестрая и неоднородная, как и вся Калькутта: холеные молодые пажоны в лакированных ботинках на высоких каблуках и твидовых пиджаках с латунными пуговицами, благообразные старцы в белых дхоти и лунги, увенчанные конгрессистскими шапочками, «святые» с раскрашенными лбами и сумрачными лицами, обрамленными пышной седой шевелюрой, вездесущие деловые сикхи, босоногие оборванцы с погасшими глазами, калеки, нищие, щеголеватые офицеры, школьницы в белых передниках... Каждый в этой толпе существует как будто сам по себе, не смешиваясь с общей массой. Не смешивается с ней и эта почти голая трехлетняя девочка у шербатой стены. Торчащие ключицы, покрытая коростой головка, маленькая грязная ручка, протянутая за подаянием. Ее взгляд — взгляд самой Калькутты — хмурый, настоженный, горький и в то же время проникнутый интересом к жизни.

Подхожу к шумному перекрестку, замечаю трамвай, увешанный и набитый людьми. Нигде больше в Индии нет трамваев. У остановки вижу бронзовую скульптуру на высоком пьедестале и останавливаюсь как вкопанный. Ленин! Здесь! Скульптура была установлена в 1970 году, когда рабочие всего мира отмечали столетие своего вождя. Памятник, созданный Н. Томским, стал неотъемлемой частью великого рабочего города. Пройдя пару кварталов по пересекающей Чоуринги улице,

уже не удивляюсь, увидев у входа в парк бронзовых Маркса и Энгельса.

На Чоуринги рабочих встречаешь не так уж часто. Как, впрочем, и на других улицах: они стоят у станков сотен джутовых предприятий, у плавильных печей, режут металл или собирают машины. Именно они и определяют в конечном счете основные направления развития города, да и всего штата Западная Бенгалия, которым на протяжении ряда лет управляют представители партий Левого фронта. В этот фронт вошла и Коммунистическая партия Индии.

Крепка солидарность калькуттских рабочих. Однажды я видел город пустым, будто вымершим: в знак протеста против закона, запретившего забастовки в жизненно важных отраслях экономики, принятого в Дели, Калькутта провела «бандх» — двадцатичетырехчасовую забастовку. Остановился транспорт, остановилось все.

Главный министр штата Джиоти Басу, представляющий партию КПИ[м], принял меня в небольшой комнате, уставленной белыми диванами и курительными столиками. Он был одет в белую куртку и дхоти — всегдашний свой наряд. Усталые умные глаза смотрели на меня спокойно и дружелюбно.

— Трудно быть коммунистом в условиях буржуазного правопорядка, — сказал он. — Находясь у власти, мы не имеем возможности проводить сколько-нибудь глубокие и широкие преобразования. Стремимся улучшать положение рабочего класса и крестьянства, строго следим за соблюдением законов, за справедливым распределением земли. Основные же социальные устои остаются пока, увы, незыблемыми. Как и у некоторых других штатов, у нас довольно сложные отношения с центром, который, например, отказывает нам в капиталовложениях на развитие электроники и других передовых отраслей индустрии. И все же народ идет за нами, верит нам.

Говорят, что и капиталисты признают — никто лучше Джиоти Басу не мог бы управлять таким гигантским и противоречивым хозяйством, как Калькутта и вся Западная Бенгалия. Его авторитет — авторитет нестигаемого и честного человека — непререкаем.

Калькуттцы любят слегка подтрунивать над собой. Много раз я слышал такую шутку-каламбур: у нас в городе сколько угодно Чаттерджи и Мукерджи (распространенные бенгальские фамилии). Не хватает лишь

Энерджи (энергии). Шутка эта, однако, не вполне справедлива. Разве могла бы Калькутта играть свою огромную роль в жизни всей Индии, если бы она была вялой, пассивной? До Джадавпурского университета добираться долго и мучительно: снова разрытые улицы, пробки у перекрестков, нервная переключка затяжных гудков. Наконец таксист тормозит у какой-то невзрачной стены. Вхожу в узкую калитку и оказываюсь в другом мире. Множество белых зданий среди цветущих деревьев, сочная зелень лужаек. Теснота, грохот и грязь остались за стеной. На зеленом ковре группки оживленно жестикулирующих юношей. Стайки девушек в красных и синих сари перебегают из здания в здание. Десяток старшекурсников окружает старого профессора. Где-то впереди звучит звонкий девичий смех. Я ищу знакомого поэта Хаята Мамуда из Дакки, выигравшего конкурсное аспирантское место на кафедре сравнительного литературоведения. Но Хаят, оказывается, уехал ненадолго к себе в Дакку. Знакомлюсь с его учителем, доктором Амио Девом, возглавляющим необычную кафедру. Сравнительное литературоведение — новейшая отрасль знаний, во всем мире едва ли наберется десятка полтора таких кафедр. Здесь, в грохочущей, обнаженной, разъятой Калькутте, в которой многие тысячи людей не имеют крова над головой, она кажется мне на секунду непозволительной роскошью, нелепой прихотью оторванных от жизни людей. Но я тут же отбрасываю эту мысль. Ведь в Калькутте жил и творил великий Тагор, на целое столетие ускоривший развитие бенгальского языка, давший мощный импульс художественному творчеству всей Индии.

Маленький, щупленький, улыбчивый мистер Дев коротко формирует задачи, стоящие перед его кафедрой.

— В нашей стране много литератур, как, впрочем, и в вашей. Изучение каждой из них требует знания некоторых их общих черт, обусловленных историей закономерностей, связанных с близостью культур наших народов. Есть еще один аспект у нашей кафедры. Мы долго были английской колонией, и английская литература не могла не оказать на нас существенное влияние. Новая наука позволяет установить его пределы, а также степень проникновения в наши литературы европейских литератур — через английскую...

Вечером брожу по улице Шекспира, перед зданием

советского генконсульства. Неподалеку от него расположен дворец Кали-мандир, в котором дают представления различные калькуттские труппы. Каждую субботу здесь выступает известный любительский театр «Адакар». Калькутта — бенгальский город, однако значительную часть его населения составляют небенгалцы. Как в Бомбее — немаратхи. Здесь много марвари — выходцев из Раджастхана, гуджаратцев, бихарцев, уттарпрадешцев. Словом, одним бенгальским театром обойтись не может. Даже чисто бенгальские произведения разыгрываются нередко и на хинди. У группы «Адакар» свой переводчик, немолодой, лысенький юркий человек, сидящий рядом со мной. Время от времени он аплодирует артистам, произносящим реплики в его переводе. Маленький мистер Манмохан Тхакоре обожает свою работу, свою труппу, Кали-мандир, Калькутту и все человечество.

На сцене между тем идет бытовая комическая драма Манохара Катдаре «Друг-жена найдется», написанная на языке маратхи и переведенная на хинди. Актеры пластичны, обладают хорошим чувством меры, действие разворачивается динамично. Реалистичность создаваемых образов сочетается с постановочными условностями: вместо цветка юноша вручает девушке пустую щепотку, та подносит к носу три сложенных пальца, в которых якобы зажат цветок, точно так же наливается «вода» из «графина» в «стакан».

Калькутта и в театральной сфере хочет быть современной.

В городе, как я уже говорил, Хугли грязно-серая. Там она пахнет рыбой, солью и нефтью и кажется густой и неподвижной. А здесь, в тридцати километрах от города, она поражает прозрачной синевой. Лучше было бы приплыть сюда на моторной лодке, чем продираться почти три часа между сотнями подвод, велосипедов, лошадей, коров, мотоциклов и грузовиков, подолгу ждать у переездов. Но дельные мысли, как известно, приходят всегда с некоторым опозданием. К калькуттским джутовикам это не относится — свой товар они доставляют в порт именно по Хугли — на небольших баржах. Мистер С. Н. Гуха, менеджер фабрики, для того и привел меня сюда, чтобы показать фабричный причал и отгрузку товара. Фабрика носит имя «Надя». Не потому, что продукция ее предназначена в основ-

ном для экспорта в Советский Союз. Просто так испокон веку называлось это местечко. Однако сегодня оно звучит символично.

— Хороший джут напоминает золотистые волосы красивой русской девушки Нади,— шутит мистер Гуха. Маленький, крепкий, гибкий, он не идет, а летит между станками и машинами. С гордостью показывает советскую прядильную машину серии ПС, установленную недавно.

— «Надя» немного меньше, чем «Горипур»,— сообщает он походя.— У нас всего 580 рабочих, и выпускаем мы лишь 85 метров джутовых тканей в день. Однако по номенклатуре изделий мы их опережаем.

Разглядываю в специальном выставочном зале образцы джутовой продукции «Нади»: добротную мешковину, красочные джутовые обои, хорошо отбеленную грубую ткань, из которой можно шить «вечную» спецодежду, ткать ковровые основы, делать обои.

Фабрика «Горипур» расположена на том же берегу Хугли, что и «Надя». Ее причал хорошо отсюда виден. Несколько минут — и я здороваюсь с мистером Р. С. Сураной, главным управляющим группы предприятий «Горипур компани лимитед». В нем нет быстроты и натиска мистера Гухи. Он кажется стеснительным и даже скованным. Но скоро выясняется, что его смущает мой диктофон, я останавливаю пленку, и он светлеет.

— Мы только что установили 25 советских прядильных систем,— говорит он.— Это позволит нам значительно увеличить выпуск продукции. А пока даем 110 метров в день.

В цехе прядения обращаю внимание на чистоту. Вспоминаю бангладешскую фабрику «Адамджи» под Нараянганджем — никакого сравнения. Ни хлопьев счесанного джутового «снега», висящих в раскаленном воздухе, ни трансмиссий, ни спящих вповалку рабочих, закончивших смену. Опрятные молодые люди присматривают за системами, ловко заправляют нити во всасывающую трубку. Вполне сносная температура воздуха, простор, спокойствие. Прохожу весь путь джутовой эстафеты — от джута-сырца в снопах до плотно спрессованного тюка из мешков, предназначенного к отправке в СССР: прядение, ткачество, шитье мешков, упаковка. Еще до «Нади» я побывал на фабрике «Релайэчс», где мое внимание обратили на большую букву «F», аккуратно выведенную масляной краской на некоторых ма-

шинах. Первая буква слова «Рашия» — «Россия» — напоминает рабочим о том, что их продукция попадет в Советский Союз и качество ее должно быть поэтому безупречным. Говорю об этом мистеру Суране. Он смеется:

— У нас вся продукция одинаково хороша.

Дмитрий Саввич Шарик, пожилой одессит, инженер-джутовик и приемщик готовой продукции, известен на фабрике «Горипур», наверное, каждому. Он придирчиво рассматривает партию мешков. По-английски он говорит с ярко выраженным одесским акцентом. Задает Суране какие-то специальные вопросы. Ответы его, кажется, удовлетворяют.

Ни одно синтетическое волокно не смогло до сих пор вытеснить джут, заменить его. В джутовых мешках сахар «дышит». Окружающую влагу джутовый мешок поразительным образом впитывает в себя, не передавая ее сахару. Джут, однако, растение привередливое, позволяющее выращивать себя лишь нескольким странам Южной и Юго-Восточной Азии. Советский Союз закупает и джут-сырец для смеси с кенафом и другими видами волокна, и готовые изделия. Особенно много джутовых товаров мы импортируем из Восточной Индии.

Вообще, Восточная Индия и ее главные ворота — Калькутта играют весьма существенную роль в советско-индийской торговле. За счет закупок из Калькутты мы удовлетворяем 100 процентов своих импортных потребностей в слюде, 80 процентов — в джутовых изделиях, 85 процентов — в чае. Мы покупаем здесь шеллак, кожи, стальной трос, силовой кабель, всякого рода батареи и аккумуляторы. Через Калькутту мы ввозили различные виды проката, производимого предприятиями, построенными с советской помощью. Советский Союз, в свою очередь, поставляет сюда горно-шахтное оборудование, шагающие экскаваторы, буровые установки...

* * *

— Мистер Бехал не может с Вами говорить, по воскресеньям он блюдет обет молчания. Я его секретарь... Что ему передать? Ждете его в семь утра? Да, он кивает головой, ждите в семь...

С чувством некоторой растерянности я кладу трубку.
— Не волнуйтесь,— успокаивает меня молодой торг-

предский инженер Сергей Ларин.— Всякого рода обеты не мешают ему оставаться железным человеком.

Утром убеждаюсь в справедливости этих слов. Ровно в семь к воротам калькутского отделения торгпредства, в гостинице которого я остановился, подходит серый «Амбассадор». Из него вываливается огромный старик в необъятном дхоти. Густая седая грива, пышные пегие усы, внушительное, несмотря на неприятие алкоголя, строжайшее вегетарианство и обеты, брюшко, просвечивающее сквозь белую ткань. Он немедленно заключает нас с Лариным в свои могучие объятия.

Меньше чем через час мы уже летим в «Боинге-737» компании «Индиан эйрлайнс» в город Ранчи.

Соханлал Бехал — председатель, генеральный директор и владелец подавляющей части акций фирмы по производству шеллака «Ачрурам — Калькоф». Когда-то компания была основана его отцом и бременским немцем Калькофом. Сам Соханлал в юности интересовался бизнесом, но не проявлял. Окончив среднюю школу, бросил отчий дом, стал работать в типографии городка Горакхпура. Начал заниматься литературным трудом. Вдруг увлекся историей и под влиянием какого-то миссионера потратил три года на написание истории раннего христианства в Европе. Книга была переведена на многие индийские языки, по ней сделали даже фильм. Как знать, может быть и стал бы Соханлал крупным ученым-историком, если бы не отец, который призвал его под знамена коммерции, ибо слаб стал. И начал Соханлал новую жизнь — жизнь производителя и продавца шеллака.

— И не жалею об этом, — говорит он, когда мы идем на посадку. — Главный долг — служение человечеству можно выполнять по-разному. Но обязательно выполнять!

Представив мистера Бехала, скажу несколько слов о шеллаке, которому он отдал сорок лет надежд, тревог, усилий. Шеллак — это выделение крошечного, почти микроскопического насекомого, называемого у нас червецом. Проникая в кору тонких ветвей некоторых деревьев, червец выделяет густую бурю массу, которая предохраняет его снаружи. Человек научился собирать эту массу, очищать ее от примесей и использовать в самых различных производственных сферах. Я впервые увидел шеллак во Вьетнаме. Я тогда наивно полагал, что его применение ограничивается необыкновенно тон-

кой вьетнамской лаковой живописью. Возможно, если бы не мистер Бехал, я до сих пор пребывал бы в этом неведении. Число применений шеллака трудно подсчитать. Их — сотни. Он незаменим, когда надо изолировать друг от друга мельчайшие детали электронных приборов или когда требуется сохранить для дальнейшего изучения палеонтологическую или археологическую находку. В сочетании с различными веществами он укрепляет стойкость красок и придает им блеск, используется при отделке мебели, для хранения фруктов, овощей, яиц. Читатель соприкасается с шеллаком и в эту минуту, ибо он добавляется и в типографскую краску. Шеллак является важнейшим компонентом изделий фармацевтики, находит множество применений в химической промышленности.

Индия дает около 60 процентов мирового производства шеллака. Компания мистера Бехала — 40 процентов индийского производства. Крупнейшим покупателем компании является Советский Союз.

В аэропорту Ранчи нас ждет очередной «Амбассадор». Проехав пыльный, пестрый город, неподалеку от которого с помощью Советского Союза построен мощный завод тяжелого машиностроения, известный всей Индии, мы устремляемся в лес. Впрочем, мистер Бехал не вполне точно употребляет это слово: мы попадаем не в лес, а в саванну. На десятки километров тянутся деревья, которые облюбовал для постоянного жительства волшебный червец. Деревья невысокие, суховатые, невзрачные. И что он только в них нашел? Почему отказался жить в коре абхазских и аджарских деревьев, куда его приглашали?

— Климат здесь благодатный, — замечает мистер Бехал. — 2500 футов над уровнем моря и отсутствие ветра. Нигде больше в мире нет такого скопления лаковых деревьев.

На пути нашем встречаются мужчины и женщины, несущие на головах корзины с так называемым стиклаком, то есть шеллаком, содержащим примеси древесины. От обычных бихарцев их отличали разрез глаз и широкие скулы.

— Это адиваси, — поясняет Бехал. — Словом «адиваси» у нас обозначают племена. Речь идет о народностях, находящихся на первобытном уровне развития. Обитающее в наших местах племя зовется «мундари». Это списочное племя. Но никакие правительственные

привилегии для списочных не смогли сделать то, что в считанные годы сделала лаковая промышленность. Еще недавно эти люди не знали даже одежды. А сейчас они выглядят как самые обычные селяне. Взгляните!

Он указывает на аккуратную, чистенькую девушку с матово-смуглым лицом, одетую в зеленое сари.

— Тут еще миссионеры стараются,— мрачно вступает вдруг в разговор молчавший до этого сын хозяина Кульдип.— Эксплуатируют доверчивость этих несчастных. Они же как дети. Кругом полно протестантских церквей и попов из Западной Германии, принявших индийское гражданство. Для того чтобы иметь возможность вести политическую пропаганду под видом религиозной. И ничего с ними нельзя поделывать — они индийские граждане и могут пользоваться правами, которые дает наша демократия. Пестуют из наших же рабочих потенциальную оппозицию центральной власти в Дели...

— Не сгущай краски, Кульдип,— говорит мистер Бехал, и я впервые слышу в его голосе нотки раздражения.— Среди миссионеров масса достойных людей, которые делят хлеб-соль с мундари.

— Фальшь, всюду фальшь,— бормочет Кульдип и, махнув рукой, отворачивается к окну. Мы наконец въезжаем на территорию завода. Первое, что бросается в глаза,— лозунг, написанный аршинными буквами на красном полотнище, протянутом через весь фронтон главного корпуса: «Да здравствует индийско-советское сотрудничество».

— Это для нас повесили? — спрашиваю я мистера Бехала с легкой иронией, которую он, кажется, не понимает.

— Здесь все знают, что Советский Союз наш друг. Все рабочие-адиваси. И вы отнюдь не первые посетители: специалисты из калькуттского отделения торгпредства бывают, да и из Дели друзья появляются. Да что там из Дели — из Москвы. Дружба с Советским Союзом — наша жизнь...

Долго еще он не может остановиться — сыплет именами советских друзей, главным образом работников внешней торговли, вспоминает первые сделки...

На заводе — 400 рабочих, в основном из племени мундари. Зарабатывают они по двести — двести пятьдесят рупий в месяц. Это не так мало, если учесть, что их жены и дети поставляют заводу сырье по цене, признанной правительством справедливой, и что в дере-

веньках своих они живут практически натуральным хозяйством.

Огромные пространства на заводе заняты стик-лаком. Бурые комки с древесными прожилками разрыхляются специальным инструментом, представляющим собой нечто среднее между кайлом и вилами. Путем долгой утруски и промывки на сложных машинах и механизмах, стик-лак превращается в сид-лак — полуфабрикат, который покупают некоторые фирмы. И наконец, после длительной выплавки сид-лака создается чистый продукт: широкой золотисто-желтой прозрачной лентой он проходит между валками специальной машины, затем, остыв, крошится на хлопья и упаковывается в джутовые мешки. Ежегодно здесь производится 4 тысячи тонн чистого шеллака.

— Могли бы больше, — говорит хмурый Кульдип. — И сырье позволяет, и мощности. Но не хватает производственных площадей. В будущем, наверное, решим и эту проблему. А сейчас даже заводскую гостиницу отвели под стик-лак. Что поделаешь.

В конце осмотра к нам подходит сияющий хозяин.

— Я сейчас помолился за стабильность, — сообщает он. — За то, чтобы она никогда не нарушалась. Ни в жизни отдельного человека, ни в жизни завода.

— Боже, неужели мы никогда не избавимся от фарисейства? — восклицает вдруг мистер Кульдип. — Работать надо, а мы молимся и произносим прекрасные слова. Скажи, отец...

Но тот не слышит. С окаменевшим лицом он смотрит куда-то в сторону. Потом едва слышно шепчет:

— Будь проклят тот час, когда ты уехал учиться в Соединенные Штаты...

Раздается звонок. Рабочие-адиваси, молодые женщины и мужчины, мгновенно переодевшись, выходят на площадку перед главным корпусом. Лица у всех спокойны и доброжелательны. Мистер Бехал просит сказать им несколько слов, и я говорю, что счастлив их всех видеть и навсегда запомню эту встречу. Нестройный хор их голосов приветствует нас.

И снова мы в «Амбассадоре». Возвращаемся в Ранчи. Отец и сын молчат, и нам с Лариным неудобно прерывать это молчание.

— Я останусь с вами в отеле, не поеду к сыну, — говорит старик. — Разные мы с ним люди, и с этим ничего не поделаешь.

Сын молча пожимает плечами. Он взбешен.

Во всем они противоположны — сын и отец. Сын — представитель молодого поколения дельцов, человек, постигший в Америке науку управления производством, стремящийся немедленно перенести на индийскую почву все то разумное и полезное, что он увидел за океаном, произвести революцию в том капитализме, который кажется ему патриархально-дедовским, срочно модернизировать отцовский завод да и самого отца. Обеты, молитвы и всякого рода сентименты ассоциируются у него с той самой стариной, которую надлежит списать и отменить. Капитализм, по его мнению, не нуждается в такого рода камуфляже. Мистера Соханлала это смертельно обижает. Он искренне любит рабочих-адиваси, всех богов индусского пантеона, шеллак, свои обеты и род людской, не забывая при этом о главном — прибыли. И он не виноват, что слегка смахивает на горьковского Луку. Даже если так оно и есть — это не повод, чтобы плевать ему в душу, как делает циничный мальчишка.

В номере он долго стонет и кричит, потом извлекает из своей стариковской торбы изображение Кришны, Джаганнатха и Шивы, делит на три части букетик цветов — поровну каждому богу — и, сложив ладони, затягивает долгую и жалобную молитву...

Утром он бодр и свеж, седые усы его лихо закручены, брюшко уверенно тянет за собой всю огромную фигуру. Мы снова в «Боинге». И вот уже внизу дымят калькуттские трубы.

Под солнцем Ориссы

Молодая женщина улыбнулась, обнажив ослепительно белые зубы, и остановилась, чтобы я мог ее сфотографировать. Стройный стан ее был обернут яркой зеленой тряпкой, не скрывавшей ног, украшенных замысловатым орнаментом татуировки. На узком, тоже татуированном, плечике, покоилась огромная перекладина, к концам которой были подвешены корзины. В одной громоздились друг на друга кокосовые орехи, в другой среди капустных вилок сидела двухлетняя девочка, с изумлением меня разглядывавшая.

С момента, как мы приземлились в Бхубанешваре, прошло, наверное, больше часа. Но только встретив эту

женщину, я почувствовал, что нахожусь в Ориссе. Адиваси составляют треть населения штата — восемь миллионов из двадцати пяти. Я видел адиваси и в других районах Индии. Орисские показались мне необыкновенно красивыми и добрыми, а крытые соломой хижины их — чистыми и уютными, несмотря на более чем скромное убранство.

На дороге мне «проголосовал» аккуратный человек средних лет в дхоти, и я принял его на борт старенького «Амбассадора». Мистер Патнаик, однофамилец главного министра штата и нескольких миллионов ориссцев, оказался налоговым инспектором и ехал в Пури, где живет его семья. Всю дорогу он живописал мне, как карающая рука закона в его лице приводит в чувство злостных неплательщиков. Нас провожали высокие пальмы и желтые крыши хижин, за нами бежали голенькие ребятишки.

Столетиями название этого края ассоциировалось в Индии с голодом, лишениями, жестокими обычаями, крестьянскими восстаниями. Да и сегодня нелегка здесь крестьянская доля. Ни одна из волн так называемой «зеленой революции» по-настоящему не докатилась до Ориссы. Нет больше порабощавшей крестьянина системы «заминдари», нет и лютых помещиков-заминдаров в старом значении этого слова. Но сохраняется тяжелое аграрное перенаселение, продолжают свирепствовать стихийные бедствия. Бывают цифры, внушительностью своей подавляющие и не требующие особых комментариев. В 1955 году в Ориссе было лишь 25 электрифицированных деревень. Сейчас их больше 18 тысяч. За годы независимого развития Индии в Ориссе построены гидро- и теплоэлектростанции. Одна из них — Балимела оснащена советским оборудованием. Стали разрабатываться богатые естественные ресурсы штата — залежи железной руды, марганца, бокситов. Успешно развиваются металлургия, химия, есть крупный ферромарганцевый завод, алюминиевый завод, налажено производство цемента. Принимаются меры для упорядочения сельского труда и прекращения подсеčno-огневого земледелия, создавшего угрозу лесам...

Мы въехали в Пури, когда красный диск солнца медленно приближался к синей полоске моря вдали. И сразу же я ощутил переход в другой мир, в другую систему измерений, в которой не было места ни для «Боинга», меня доставившего, ни для глубоко удовлет-

воренного своим поприщем налогового инспектора, ни для старенького «Амбассадора», ни для меня самого.

Сквозь пеструю толпу, заполнившую огромное пространство, которое не назовешь ни площадью, ни улицей, мы медленно приблизились к городской библиотеке и продолговатым башням мистического храма Джаганнатха. На нижней веранде библиотеки сидели паломники. Отрешенные и суровые лица их были обращены к храму. Сотни и тысячи километров прошли они по великой Индии в надежде, что Джаганнатх избавит их от страшных хворей и недугов. И вот настал миг встречи, и страшно им — что скажет божество, захочет ли снизить к их боли. В храм Джаганнатха неиндусам вход воспрещен, и я рассматриваю его с верхнего балкона библиотеки, которая помимо обычных изданий содержит немало литературы рукописной — если можно употребить это слово, говоря о текстах, нацарапанных иглой на пальмовых листьях.

Многое помнят камни этого храма. Две сотни лет назад в нем собирались крестьянские заговорщики, которые подняли затем восстание против тяжкого гнета англичан. Английский правитель Хейстингс подавил его с помощью регулярной армии. Каждого повстанца казнили в его родной деревне, а семью его обращали в рабство...

Высота центральной башни Джаганнатхского храма — 62 метра. Главная его святыня — скульптуры трех божеств: самого Джаганнатха, его брата и сестры. Изваял их из священного бревна, пригнанного морем, не кто иной, как великий бог Вишну, принявший образ резчика по дереву. А бревно, в свою очередь, было не чем иным, как недогоревшей костью Кришны, который, как известно, умер и был кремирован. Поэтому Джаганнатх, как и Кришна, черен. Изваяния божеств грубы и топорны. Скульптор-Вишну не успел закончить свою работу и исчез, так как любопытная жена короля Индраюмны не выполнила поставленное им ранее условие — не входить в его мастерскую до истечения трехнедельного срока. У сестры Джаганнатха нет даже рук.

Существуют и другие версии происхождения орисских божеств. Их ассоциируют, например, с буддистской триадой, утверждая даже, что Джаганнатх вырезан из зуба Будды. Джаганнатх в Ориссе — бог всех каст, его призывают к себе на помощь и брахман, и шудра, и даже хариджан. Его уважают и ублажают,

ибо он может быть и грозен. До сих пор по ночам служительницы храма развлекают его в полумраке при свечах эротическими танцами.

Раз в год, обычно это бывает в июне, Джаганнатх и два других божества, как утверждают посвященные, выражают желание посетить место своего рождения — небольшой храм Гундича, находящийся в двух с половиной километрах. Их перевозят в трех огромных колесницах, имеющих форму храмовых башен, и на 9 дней переселяют в храм Гундича. В момент перевозки чувства верующих достигают кульминации и полиции надо быть сверхбдительной, ибо фанатики стремятся броситься под колеса божественных телег и погибнуть, освободившись таким образом от «оков кармы». Как соотносить, соразмерить все это с широкими социально-экономическими преобразованиями, с металлургическими заводами, избирательными кампаниями и газетной полемикой между политическими партиями? Каким-то непостижимым образом все это увязывается в сознании индийцев, находит в нем свои места, и бог Джаганнатх умудряется оказывать определенное воздействие на решение проблем, которых и в помине не было, когда его вырезали из кости Кришны или из зуба Будды!

Переночевав в Пури, в маленькой гостинице на берегу Бенгальского залива, я направился в Конарак. Я видел немало «чудес света»... Седьмых, восьмых, девярых. Думаю, что назвать таким образом Конарак — значит умалить впечатление от него. Тесен для него разряд канонизированных чудес. У морского берега среди песчаных дюн остановилась вдруг гигантская колесница бога солнца Сурьи, изваянная из темного камня. Конарак, Конарк, или Конарка, значит в переводе «Солнечный угол». Храм солнца моряки прозвали Черной пагодой — по цвету камня, из которого он построен. Черная пагода до сих пор служит для них хорошим ориентиром. Невероятное это сооружение было воздвигнуто по приказу короля Нарасимха Дева за двенадцать лет — с 1243 до 1255 года в память победы над полчищами мусульманских завоевателей. Археологи не могут понять, каким образом были доставлены на этот пустынный морской берег каменные плиты весом в две тысячи тонн. Предполагают, что на плотам по речкам и протокам, исчезнувшим ныне.

Очередной мистер Патнаик, на этот раз гнд, тоненький чернявый паренек, видимо глуховатый, ибо поясне-

ния свои он буквально выкрикивал, повел меня в долгий поход вокруг черной колесницы. Арки, входы, порталы, башни колесницы изрезаны скульптурами, запечатлевшими все проявления жизни в то время: здесь и эпизоды войны, и охота, и торговля, и паломничество, и жаркие объятия любовников, подчеркнута эротические. И всюду бог солнца Сурья и его колесница, запряженная семью конями, и танцующая девушка, услаждающая его взор. И всюду — скульптуры, изображающие солнце в виде бога в трех его состояниях — утреннем, полуденном, предзакатном. На каждом из многих тысяч изваянных лиц застыла блаженная улыбка, обращенная к великому мастеру жизни — Солнцу. По утверждению древних, у колесницы Сурьи, сидя в которой он инспектирует небо, всего одно колесо. Зодчие храма Солнца вынуждены были отойти от «оригинала». Храм Солнца имеет в общей сложности 24 огромных каменных колеса, также изрезанных орнаментом и скульптурами: по двенадцать с каждой стороны. Каждое из 12 символизирует 12 месяцев года и одновременно каждое из 24 соответствует определенному часу суток. Колеса эти можно интерпретировать и как буддистские «колеса жизни».

Конарак, строго говоря, не один храм, а целый ансамбль храмов. Главный из них, находившийся в центральной части ансамбля, разрушен временем. Мистер Патнаик, однако, предложил мне другое объяснение.

— Это все португалцы, — проорал он. — Центральная башня держалась на большом магнитном камне, который искажал показания компасов португальских судов. Они вынули этот камень — и башня рухнула.

Его крик резко контрастировал с тишиной, струившейся вокруг, со спокойствием гигантской колесницы, каменных коней и слонов.

— Король Калинги, как называлась тогда Орисса, выбрал для строительства храма это место потому, что здесь сын Кришны Самба освободился от проклятия — от проказы, — снова завопил он. — Проклят он был по ошибке, и бог Сурья излечил его. Поэтому все прокаженные стремятся совершить сюда паломничество.

К счастью, мистер Патнаик наконец иссяк, добросовестно изложив краткий путеводитель по этим местам.

Вечером в Бхубанешваре на концерте орисских танцев я возвращался мысленно к Конараку. Именно по

ста двадцати канаракским скульптурам танцовщиц, запечатлевшим различные их позы, было восстановлено несколько утраченных, забытых танцев. Культуру Индии столько раз перевирали различные завоеватели! Каждая фиксация чего-то изначального, истинного здесь воспринимается как откровение. Передо мной были ожившие скульптуры Канарака. Их руки змеились, изображая бушующие волны, их талии дрожали, имитируя колеблющиеся на ветру деревья, их лица светились, подражая восходящему солнцу. Они сходились, разбегались, становились все вместе огромным лотосом, парили, как птицы, и застывали в неожиданной неподвижности. В углу на сцене сидели босоногие музыканты с набором струнных ударных и прочих инструментов. Их иногда заменял большой допотопный магнитофон, хрипло чеканивший ритм танца. Рядом со мной сидел Ситакант Махапатра. Его бледное, чуть расширяющееся книзу и необыкновенно подвижное лицо выражало полное отдохновение. Орисский танец действовал на него освежающе, как дождь с молнией или набегаящая морская волна. Как напоминание о природе, как сама природа. Он повернул ко мне почти невидящие глаза и тихо спросил:

— Хорошо?

Я кивнул. В памяти пронеслись его строки, вычитанные в «Иностранной литературе»: «В зеркальце плещется алый закат, как биение волн пламенеющей жизни», «все растворяется в автобусном зеркальце, в солнце великом». Выйдя из театра, мы попрощались. Может быть, навсегда. В гостинице я долго рассматривал подаренный им томик стихов. В него был вложен машинописный листок — новая вещь, переведенная им самим на английский. Мне тут же захотелось сделать русский перевод. Вот он:

Крестьянин

Кто понимал тебя, кому ты был известен?

Самудрагупте, Раме голубому?

Акбару или Капилендраведе?

Кто боль твою почувствовать сумел?

Что, что ты знал о времени летящем,

когда, как брюхо конское, оно

вздувалось вдруг, в ракушек миллионы

трубило громогласно и стонало?

Ты видел тучи пыли над землю,

дрожащей под копытами коней,

под топотом слонов и визгом колесниц?

Ты видел ли сгоревшие деревни,

и душераздирающие крики
ты слышал ли в кромешно черной тьме?
Все это сквозь тебя проходит вечно.
Ты каждый день на раскаленном солнце
стоишь и с каменным упорством смотришь
на безразличный синий купол неба
и, увядая, медленно сгораешь...
Но хлынет дождь, как громкий шепот мантр,
что оросит тебя как древо иль стену.
И ты вернешься медленно домой
в уставший и промокший тихий вечер.
И рис набухший будет так прекрасен,
и так вкусна чуть теплая ботва...
И мрунданкам, наш старый барабан,
весь изойдет тяжелым перестуком.
На улицах деревни дети бога
творят свои сиротские молитвы
и слез букварь смиренно постигают,
пока мерцают масляные лампы.

Луна к тебе придет сквозь дыры в крыше
и нежно осветит твое лицо.
И ты взойдешь на трон страданий вечных.
Ты будешь после солнца и луны,
когда ни звезд не будет, ни планет,
когда истории не будет больше в мире
с ее загадочными письменами
и медными тарелками литыми,
когда поэты-менестрели спеть решатся
последний свой, прощальный панегирик.

Ситакант, как и многие другие индийские поэты, отказался от рифм и четкого ритма. Но не во всех произведениях. Некоторые его стихи стали народными песнями. Его знает вся Индия. Говорят, он самая крупная фигура в поэзии на языке ория. Ситакант работает в министерстве просвещения штата, отдает много времени изучению языков и быта орисских адиваси, подолгу живет в деревнях. Издал недавно книгу переводов примитивной племенной поэзии. Впрочем, я условно употребляю это выражение, ибо истинное человеческое чувство не может быть примитивным. И Ситакант доказал это своими переводами на ория и на английский.

— Наш штат называют этнографическим музеем, — сказал он мне. — Это верно, если учесть, что наши адиваси включают в себя 64 народности численностью от тысячи человек до полумиллиона. Они не только говорят на разных наречиях, но и по-разному выглядят. Чувствуют они между тем одинаково. Одинаково тянутся к свету, к культуре, к человеческой жизни. Поэтому наш «музей» демонстрирует не столько различие лю-

дей, сколько их общность. И, по-моему, это важнее...

Бхубанешвар, столица Ориссы, столичного вида не имеет. Он кажется тихим, небольшим провинциальным городком: три-четыре современных здания, в которых располагаются правительственные учреждения и гостиницы, несколько маркетов, сосредоточивших в одном месте множество лавок, сотни храмов различных эпох. Храмы окружены палатками, предлагающими туристу деревянные раскрашенные фигурки трех божеств, орисские ткани ручной работы и знаменитые картины, выполненные в технике «паттачитра». Каменный порошок наращивается на волокнистотканую основу и на образовавшуюся жесткую и вместе с тем гибкую плоскость наносится рисунок особыми каменными красками, изображающий, как правило, сцены из «Махабхараты» и «Рамаяны». Улицы Бхубанешвара кажутся просторными, несмотря на изрядное количество рикш и велосипедистов. Видимо, чувствуется его сравнительно небольшая заселенность — всего около 200 тысяч. Но и в маленьком Бхубанешваре бушуют политические и идеологические страсти, вспыхивают непримиримые споры, слышится эхо борьбы поколений.

Мы сидели в холле моей гостиницы «Ашока-Калинга» с грузным старым человеком с пышной гривой седых волос и чаплинскими усами. На нем были светло-желтая куртка и свободные брюки из тонкой хлопчатобумажной ткани. Рамакришне Патти недавно исполнилось 74. Коммунист и член Законодательного собрания штата, Пати отдает много сил идеологической борьбе. Долгие годы тюрьмы за участие в национальном движении «Прочь из Индии», направленном против колонизаторов, тяжелые болезни, лишения и невзгоды, скорее всего, никак не отразились на строе его души, хоть и подорвали его здоровье: мы сидели внизу, так как в гостинице, самой крупной в городе, нет лифта, а после инфаркта врачи запретили ему ходить по лестнице.

— Когда я вышел из тюрьмы, — рассказывал он, — первым моим побуждением было разъяснить людям, думающим, говорящим и читающим на языке ория, природу социального угнетения. И я написал книгу «Капитализм», которая разошлась в течение двух месяцев. Потом мне показалось, что одной теории недостаточно. И я написал книгу, посвятив ее орисской женщине, книгу конкретных советов — как добиться гармонии в семье, как воспитывать детей, как противостоять шан-

тажу. Потом по прошествии некоторого времени я понял, что ничего не смогу объяснить своим соотечественникам, если буду полемизировать с ними вне категорий старинной индийской философии. И я написал самую важную свою книгу — о материалистическом характере великого индийского эпоса, и в частности о материалистической позиции вставной главы в «Махабхарату» «Бхагвад Гита». И ориссы поняли меня...

Он вдруг замолчал, устало оглянулся на дочь, которая всегда его сопровождает. Потом сказал веско и строго:

— У нас тут, понимаете ли, усилилось вдруг влияние Сартра на молодежь. Абсолютная свобода и все такое прочее. С этим надо воевать решительно и бескомпромиссно. Не могли бы вы прислать мне томик Маяковского на английском? Он нам очень помог бы, уверяю вас.

Я снова подумал о том, как сильно задевают друг друга явления, которые, казалось бы, не имеют и не могут иметь никаких точек соприкосновения.

Рамакришна Пати смотрел на меня с вежливым ожиданием.

Бросок в Гуджарат

Наш вертолет повис над маленьким индусским храмом, облепленным людьми. Холмик, на котором он расположен, со всех сторон окружила вода. Быстро были спущены на канате три ящика с продовольствием и медикаментами. Мы полетели к другому островку жизни — огромной круглой мечети. Кое-где над водой, почти вровень с ней, возвышались крыши домов, тоже заполненные людьми. Люди были и на верхушках деревьев. Шум двигателя заглушал их крики. Кругом, насколько хватает глаз, простиралась вода — дождевая и речная, смешанная с морской. Мы взяли на борт девочку, спасающуюся на высоком баньяне. В глазах ее был ужас. Ручонки продолжали сжимать тонкую и мокрую ветку, с которой она не решалась расстаться.

Второй раз в течение 1983 года обрушилось на штат Гуджарат страшное наводнение. В первый раз его принес циклон, заставивший море рвануться в русла рек и смыть с лица земли множество деревень. А сейчас реки вздулись от небывалых дождей, кое-где прорвало

дамбы. Наводнение уничтожило 44 тысячи жилищ, унесло 700 жизней. Перестало существовать 87 деревень.

— Эвакуация пострадавших идет полным ходом,— говорил мне в Ахмедабаде инженер К. Р. Джала, представитель «Популар констракшн компани», организации, которой поручили строительство жилищ для потерявших кров.— Правительство штата выделило крупные средства на содержание пострадавших — по восемь рупий в день на человека. Это составляет ежедневно около трех миллионов рупий. А строительство новых жилищ потребует почти миллиарда. Часть средств даст центральное правительство, часть — штатское. Но погибших не вернешь, да и посевы в ближайшее время не восстановишь.

— Серьезную помощь оказывают нам храмы, мечети и церкви,— добавил менеджер фирмы Амрут Пател.— В тех местах, где вода отступила, они помогают разгребать руины, доставляют продовольствие, одежду, лекарства. Ну, а строительство целиком в наших руках. Вот, разработали типовой проект. Кое-где будем ставить дома на сваях...

В Ахмедабаде сохранился домик, в котором Махатма Ганди прожил с 1918 по 1930 год. Небольшое одноэтажное строение превращено в музей-святыню, ашрам. Сняв обувь, я вошел в него. Все сохранено в том виде, в каком оно было полвека назад: керамические кувшины для воды, ручной станок, на котором Ганди пряд, книги, одежда. Маленькая комната жены учителя — Кастурбай Ганди: ветхий топчан, стол, незаконченное шитье... Трудно представить, что именно отсюда пошли по всей Индии сатьяграхи — кампании ненасильственного сопротивления, потрясшие страну, поставившие в тупик колонизаторов, подорвавшие систему колониального угнетения... Рядом расположилась библиотека и павильон с постоянной фотоэкспозицией о жизни Ганди.

Неподалеку от ашрама высится густой лес башен ахмедабадской теплоэлектростанции, снабжающей электроэнергией город, население которого перевалило за два с половиной миллиона. Облик Ахмедабада складывается из многих компонентов. Памятники древности соседствуют с ультрасовременными сооружениями. Огромное впечатление производит Аваладж вав. Так называется каменный колодец-дворец, семь этажей которого глубоко уходят в землю. Нижний этаж — небольшое грунтовое озеро, или собственно колодец. Даже

в самую страшную жару на каменных сиденьях и ступенях вас обвевает прохлада. Сотни колонн из серо-зеленоватого песчаника, изрезанных затейливым орнаментом, окружают вас со всех сторон, создают анфилады, очерчивают круги, выстраиваются на разных уровнях. Сейчас это тихое, пустынное место. Подойдя к колодцу, я спугнул огромную черепаху, сидевшую на ступенях и немедленно плюхнувшуюся в воду. А в 1499 году, когда сооружение это родилось, здесь былолюдно: пышная стража, гонцы в запыленной одежде, сановники в ярких тюрбанах, направлявшиеся к правителю...

В Ахмедабаде немало мусульманских построек — мечетей, усыпальниц, медресе. Приезжему обязательно показывают качающиеся минареты. Находясь в одном из них, молла делает резкие телодвижения, а вы, стоя в другом, ощущаете вибрацию. Минареты неплохо гармонируют с модерновыми мостами, перекинутыми через реку Сабармати, с причудливыми треугольными, кубическими, П-образными сооружениями. Ахмедабад — сравнительно молодой город, его заложил в 1411 году Султан Ахмед Шах, который, якобы, охотясь на берегах Сабармати, увидел, как зайцы, вместо того чтобы удирать от его гончих, вступали с ними в драку. Он понял это как знак, поданный свыше. Строя мечети и минареты, он, конечно, не мог предполагать, что через пятьсот лет выдающиеся зодчие мира Ле Корбюзье и Луи Кан превратят его детище в выставку современной архитектуры, заставят людей поражаться искусному соединению стилей различных эпох, образовавших портрет города. Созданное Луи Каном здание Индийского института управления обрело всемирную известность. Изящество и строгость его форм заставляют вспомнить о Чандигархе, о комплексе Шэрэбангланагар в Дхаке. В Ахмедабаде множество текстильных предприятий, благодаря чему его вслед за Калькуттой и Канпуром снабдили славой «индийского Манчестера». Однако, в отличие от Калькутты и Канпура, Ахмедабад — город опрятный.

Не мог знать Ахмед Шах, что город его утратит столичный ранг. В 23 километрах от него вырос другой город — Гандинагар, ставший столицей Гуджарата. Он был основан в 1960 году. Радуют глаз огромный дворец заседаний, величественный и вместе с тем легкий и светлый комплекс правительственных учреждений, зда-

ние законодательного собрания штата. Все рассредоточено, все утопает в зелени. Огромные зеленые партеры соединяют «острова» из стекла и бетона. В Гандинагаре живет всего около 65 тысяч человек. Между ним и Ахмедабадом каждые пять минут курсируют автобусы. Как и Чандигарх, Гандинагар называют часто городом будущего. Примечательно, что вырос он в краю, сохранившем следы одной из самых древних цивилизаций человечества, существовавшей за 35 веков до нашей эры, связанной, как считают ученые, с культурой Месопотамии и Египта. В Гуджарате у моря раскинулась Дварка. Та, которую построил Кришна, когда привел сюда свой народ из Матхуры. Впрочем, говорят, что ту Дварку, которая была столицей Кришны, давно уже поглотило море. Нынешняя Дварка считается лишь шестым этажом той, которая погрузилась в море, когда Кришна умер, или, как говорят индусы, растаял со своим телом. Тем не менее место это является одной из главных индусских святынь — здесь расположен храм Дваркадиш, построенный внуком Кришны Баджранахой на реке Гомати. Вход в этот храм, обращенный к морю, называют «воротами спасения». В Гуджарате, в джунглях Гир, обитают последние азиатские львы. Их тщательно охраняют. Важной «достопримечательностью» Гуджарата является мощный нефтеперерабатывающий завод, построенный с помощью Советского Союза...

В ресторане ахмедабадской гостиницы «Карнавати» мне не подали за ужином пива.

— Гуджарат — сухой штат, — с гордостью сообщил официант. — Но вам, как иностранцу, могут дать специальное разрешение в конторе. Некоторые штаты Индии периодически вводят и отменяют сухой закон. Иногда это происходит несколько раз в течение одного года. Понять, для чего это делается, трудно. В каждом случае на введении и отмене сухого закона наживаются определенные круги. Но в Гуджарате сухой закон действует без перерыва на протяжении многих лет. По-видимому, руководство штата считает, что Гуджарат, как родина Махатмы Ганди, должен быть самым благочестивым. Я решил не нарушать благочестия и не стал брать «лайсенз» на пиво. Жажду вполне утолила и «кэпма-кола». Меня ждал Хайдерабад.

Хайдерабад. Мы остановились у огромных литых ворот, усеянных острыми штырями.

— Это против боевых слонов,— пояснил Кишан Кумар.— Чтоб они не решались вышибать ворота лбами. И стена перед воротами поставлена с той же целью — чтобы у слона не было места для разбега.

Вскоре после того, как мы прошли в ворота, Кишан несколько раз хлопнул в ладоши. Тотчас мы услышали ответные хлопки. Кишана приветствовал его друг с башни верхнего форта. Нас с ним разделяли сотни три метров. Как строители крепости добились такого акустического эффекта — никто толком объяснить не может.

Но система звуковой сигнализации исправно действует и сейчас, на руинах. В XVI—XVII веках Голконда была процветающим государством. В десяти километрах от крепости на берегу реки Муси голкондский правитель Мохаммед Кули Кутуб Шах основал город, ибо хотел рассредоточить население своего королевства. Назвал он его Бхагьянагар — Город удачи. В честь танцовщицы Бхагьяматы, которую встретил, гуляя вдоль реки, и которая стала его женой. Впоследствии Бхагьянагар, сменив несколько имен, стал называться Хайдерабадом — Городом Хайдера.

Богатства маленькой Голконды не давали покоя императору Аурангзебу. В 1687 году свирепый и безжалостный делийский правитель осадил крепость Голконды. Девять месяцев не мог ее взять кровавый могол. Лишь с помощью предателя Абдуллы-хана, открывшего ночью ворота, озверевшие орды Аурангзеба смогли ворваться в крепость. Самого Абдуллу, подкупленного ранее, Аурангzeb зарубил тут же, у ворот. И объяснил свой поступок окружающим: раз он предал своих, предаст и меня. Крепость подверглась страшному разрушению и разграблению. Но мощный скелет ее хорошо сохранился, напоминая о великом мастерстве зодчих и о долгой, изнурительной борьбе, в которой формировалась нынешняя Индия.

Судьба Хайдерабада зависела от статуса, который он получал и который все время менялся. То он был столицей одноименного феодального княжества, в котором англичане держали на привязи жиревших низамов, то становился столицей огромной провинции. На-

конец, в 1956 году Хайдерабад стал столицей национального штата Анхра-Прадеш.

По узкой, темной каменной винтовой лестнице мы с Кишаном вскарабкались на крышу Чар-Минара. Высота четырех минаретов этого гигантского сооружения достигает 57 метров. Сказочным дворцом высятся Чар-Минар в центре старого города. Четыре его арки открывают четыре прямые улицы. Даже в Индии не часто увидишь такое столпотворение людей, машин, повозок. Двухэтажные автобусы медленно ползут в сплошном человеческом море. Отсюда, сверху, они кажутся совсем маленькими. Видна сверху и Мекка Масджид, во многом повторяющая очертания главной мусульманской святыни. Ощущение невероятной тесноты, скученности и вместе с тем величия и красоты не покидает меня и внизу, под сводами Чар-Минара, где на каменных полированных плитах сидят женщины с детьми, снуют вездесущие торговцы жареными орешками, стоят группами полицейские с винтовками. Чар-Минар приютил на время их всех, превратившись в прекрасный и уютный остров в галдящей и скрипящей возне вокруг. Отчалить от этого «острова» почти невозможно: в три ряда его все время объезжают автобусы, трехколесные велоколяски, рикши, такси, двухколесные тонги, запряженные лошадьми. Голконда была мусульманским королевством, но правители ее не забывали, что живут в окружении индусов. На крыше Чар-Минара стоят напротив друг друга маленькие мечеть и индусский храм, символизируя единство, к которому призывали подданных.

В нынешнем Хайдерабаде мусульмане составляют почти половину населения. В чести у них язык урду, тогда как остальное население города и подавляющая часть населения штата Анхра-Прадеш говорит на языке телугу. Хайдерабад считают очагом просвещенного мусульманства — терпимого, грамотного и не только не уничтожающего искусство, но и ценящего его. Здесь проводятся знаменитые на всю Индию мошаэры — состязания поэтов. О мошаэрах сообщают газеты и афиши, для участия в них приезжают поэты, пишущие на урду, со всех концов Индии.

С трудом прорвавшись сквозь круговой поток транспорта, мы с Кишаном влились в многолюдье одной из улиц. Кажется, это была Хуссейн-Алам. Как и в любом индийском городе, лавки здесь переходят одна

в другую. Хайдерабадские отличала аккуратность. Мы попали в «браслетные» ряды. Хайдерабадские браслеты славятся повсюду в Индии. Тысячи их сверкают на полках лавок. От них трудно оторвать глаза: искрящиеся «рубины», «изумруды», «бриллианты» из стекла впечатляют порой больше, чем настоящие. Тут же, в соседней комнате, полуголые мастера сидят над раскаленными печами. К стеклянной основе браслета прилепляется полоска белой глины. Потом мастер пинцетом вдавливают в горячую глину цветные стеклышки, создавая из них затейливые узоры. Среди мастеров и молчаливый лысый старец, и беспечно улыбающийся мальчик лет пятнадцати. Индийские женщины любят носить по десятку таких ярких браслетов на каждом запястье, и мальчик рад им услужить.

В толпе выделялись женщины племени банджара: короткие пестрые юбки, многоцветные, облегающие грудь кофточка-чоли, тяжелые медные серьги. То и дело Кишан обращал мое внимание на банджара, сидевших на корточках и вперивших взор в расположившихся напротив клиентов. Они предсказывали судьбу по глазам.

В немыслимой толчее мы умудрились сесть в такси и поползти в сторону нового города. Мы ехали по узкой улице, запруженной народом. Приглядевшись, я понял, что это стоят в два ряда мужская и женская очереди. Мужчины в белых чалмах, женщины, иногда скрывавшие лицо под темной, полупрозрачной чадрой, были исполнены томительного ожидания. Полиция строго следила, чтобы никто не лез без очереди. Когда мы доползли до ее начала, я увидел, как людей группками запускали в какую-то подворотню. Оттуда они выходили счастливые и умиротворенные. Правая рука каждого была окрашена в сине-зеленый цвет. Кишан, к моему удивлению, не знал, что это означало. Он индус и с мусульманскими обычаями знаком не слишком хорошо. Постепенно мы выбрались из старого города. У одного из четырех мостов через Муси, связывающих старый Хайдерабад с новым, вырос небольшой поселок плетельщиков корзин. Они сплели себе и несколько хижин-временок, сидя перед которыми работали ловко и споро. Мужчины, женщины и дети. Какая судьба занесла их в огромный город? Откуда? Что их ждет впереди?

Как и повсюду в Индии, новый город разительно

отличается от старого. Это — одно из свидетельств колониального прошлого страны. Кварталы, где жили индийцы, главным образом бедные, превращались постепенно в своего рода гетто, а иностранные господа и приближенная к ним местная знать селились привольно с комфортом — отдельно. Тех хозяев давно уже нет, но деление городов на старый и новый сохранилось, хоть и не свидетельствует сегодня определенно об имущественном и социальном неравенстве.

Стройные современные здания, много света, простора, зелени, отсутствие галдящей толпы. В центре нового Хайдерабада раскинулось большое озеро Хуссейнсагар, заставившее вспомнить о Бхопале. Протяженность берегов озера составляет восемнадцать километров. В нем много рыбы, и горожане сживают на берегу с удочкой. Развита здесь и лодочный спорт. Проехав по пересекающей озеро плотине, мы попали в Сикандерабад, который был некогда резиденцией колониальных властей, а сейчас стал средоточием государственных учреждений, деловых контор, редакций газет. Сикандерабад является фактически частью Хайдерабада. Его улицы прямы и нарядны. Вогнутые стены зданий на перекрестках очерчивают площади, в центре которых располагаются клумбы с цветами, а иногда и памятники. Бронзовый Махатма Ганди смотрит на меня с высокого пьедестала. Я только что сфотографировал точно такого же в Гуджарате.

Публика в Сикандерабаде непохожа на чарминарскую. Мы стояли у бронзового Ганди, наблюдая, как залитую дождем площадь переходили девушки на высоких каблуках в европейских платьях, юные денди в модных, явно привезенных откуда-то джинсах, холеные, упитанные, уверенные в себе чиновники городских офисов.

Хайдерабад — шестой по населению городов Индии. Значительная часть его жителей живет в старом городе. В столице штата Андхра-Прадеш развита промышленность: часовой завод, завод электрооборудования, сигаретная фабрика, производятся мотороллеры, электронные приборы, асбест. Однако лицо города во многом определяет известный всей Индии университет Османия, в различных институтах и отделениях которого учится 80 тысяч студентов. Еще тысяча занимается в Сельскохозяйственном университете.

Кишан — скромный сорокалетний человек. Мы с ним

познакомились случайно на мошаэре, которая проходила под открытым небом и разбежалась из-за хлынувшего вдруг дождя. Он окончил Университет Османия и преподает в нем язык телугу. Показал мне свою альма матер, провел по коридорам и пустым аудиториям. Пустым потому, что были каникулы. Главное здание университета утопает в зелени. Строгий его фасад сочетает в себе классические европейские мотивы с чисто мусульманскими. Университет был создан в 1918 году. Тогда в княжестве Хайдерабад правил очередной низам и официальным языком был урду. Сейчас преподавание ведется и на урду, и на телугу — поступающий может сделать выбор.

Движение за более широкое распространение языка телугу принимает в штате Андхра-Прадеш все более широкие масштабы. Главным министром правительства этого штата является популярный киноактер Н. Т. Рамарао, правящей партией — «Телугу десам», имеющая регионально-националистическую ориентацию. Приверженцы этой партии подняли даже вопрос о переименовании штата в «Телугунаду» — по примеру соседнего Тамилнаду. Победа партии Рамарао на выборах в законодательное собрание штата была для всех сенсационной неожиданностью. Ведь Андхра-Прадеш всегда считался южной цитаделью правящей в Индии партии ИНК(И). Вслед за Тамилнаду Андхра-Прадеш наделил властью киноактера...

В Хайдерабаде есть что посмотреть. Небольшой холм неподалеку от Чар-Минара венчает роскошный дворец наваба Викар уль-Умра, построенный в конце прошлого века. Это пышное, но маловыразительное сооружение в европейском стиле, называемое Фалканумой, битком набито сокровищами разных эпох, вывезенными из многих стран. Даже мраморные ступени Фалканумы доставлены сюда из Европы. Посетителей в Фалкануму не пускают — надо подать прошение и получить специальное разрешение. А вот в бывший дворец наваба Саларджанга, превращенный в музей, можно пройти, как обычно, купив билет. Не счесть замечательных произведений искусства и здесь. На стенах — и Боттичелли, и Рубенс, и многие другие великие мастера Европы и Азии. Старинные иранские миниатюры, древние рукописи, бесконечное множество скульптур. Кишан обратил мое внимание на мраморную «Ребекку под вуалью» и на высокомерно откинувшегося Мефистофеля, кото-

рый с другой стороны оказался смиренно потупившей голову Маргаритой. Толпы хайдерабадцев бродят по музею с утра до вечера — из итальянского зала в китайский, из немецкого в индийский. Но больше всего народу во дворе музея, у веранды, где установлены огромные средневековые часы. Все с нетерпением ждут, когда откроется верхняя дверца и выскочит фигурка с молоточком — отбить положенное время.

Усталого человека с узкими черными усами, сидящего за заваленным бумагами столом, зовут Ченна Редди. Он — главный редактор газеты «Декан кроникл», самой популярной в Андхра-Прадеше. Редди протянул мне пачку читательских писем:

— Это сегодняшняя почта — только та, что связана с ростом цен. Читатель у нас активный, без работы нас не оставляет...

У мистера Редди 15 репортеров, а всего в газете работает 60 человек. Она выходит на английском и телугу.

— Тираж издания на телугу растет, — заметил хозяин. — Нынешнее правительство штата призывает использовать в качестве официального языка телугу, начиная с дистриктского уровня. Так что стараемся. Английских пишущих машинок давно не покупаем.

— Кто ваш читатель? — задал я прямой вопрос Ченну Редди.

— В основном это представитель среднего класса, — ответил он. Помолчав, пояснил: высшего среднего класса, который ездит на заработки в арабские страны, а потом покупает земельные участки по новым, подымающимся ценам. Но и интеллигенция нас тоже читает. Это все касается английского издания, его тираж составляет 60 тысяч экземпляров. А вот тираж на телугу — 20 тысяч — предназначен совсем для другого люда.

Осмотрев типографию, мы с Кишаном вышли на улицу. Шел дождь, и за его пеленой вдали мерцали огни многоэтажных башен.

Бангалор. Откуда взялись эти причудливые скалы и горы из круглых глыб? Будто только что прошел по зеленой равнине гигантский самосвал и рассыпал там и тут гигантскую гальку, обронил куски великаньей щебенки. Трудно представить, что это — так называемые останцы, что время миллионы и миллионы лет сравнивало здесь с землей огромный горный массив и все

еще не справилось со своей чудовищной работой. Иногда камни-рыбы, камни-птицы, камни-шары плотно окружены добротными избами и ветхими хижинами придорожных деревень, иногда они тяжело нависают над залитой солнцем лентой шоссе, небрежно брошенной на изумрудный ковер посевов.

Где-то здесь любил охотиться в одиночку раджа Вира Баллала Райя. Однажды его, голодного и злого после неудачной охоты, приютила на ночлег и накормила необыкновенно вкусными бобами старая крестьянка. С тех незапамятных времен несколько соломенных хижин и получили название «Бенгалуру», что значило «Деревня вареных бобов». Это имя и получил город, заложенный в 1537 году махараджей Кемпе Говда. Правда, сегодня слово «Бенгалуру» применяют лишь ревнители языка каннада и иногда советские картографы. В Дели, например, этого слова просто не поймут. Да и в Карнатаке люди, говорящие по-английски, называют свою столицу «Бангалор».

Бангалор начинается сразу, стремительно подчиняет вас своему быстрому ритму, и через несколько минут вы уже не удивляетесь европейскому лоску улиц, соразмерности образующих их домов, гармоническому сочетанию стилей различных эпох, внутреннему единству белых индусских храмов с богами на крышах, колонн классического ампира и взметнувшихся к небу современных башен. Как и во многих индийских городах, здесь на каждом шагу встречаешь проявления самых различных укладов и религий, острые социальные контрасты. И все же слово «разноликий» не подходит к Бангалору. Профиль его определен и характерен.

Трехмиллионный город, несмотря на свои размеры, компактен, наряден, хорошо ухожен. Нищих не видно. В толпе много оживленной, красивой молодежи, отмеченной печатью относительного достатка. Улицы запружены легковыми и грузовыми автомобилями, минитакси, встречаются, как и в Мадрасе, и в Дели, двухколесные пролетки-тонги, запряженные лошадьми. Но движется все это куда более упорядоченно и спокойно, чем в других индийских городах.

Вообще, с первых минут пребывания в этом городе начинаешь отмечать про себя его несоответствие привычным индийским стандартам. Временами Индия здесь не ощущается вовсе: вас обступает абстрактно-урбанистический антураж. Однако очень скоро вы привыкаете

к этой новой для вас Индии — более современной, более развитой, более энергичной.

— По образованию мы в Индии — номер один, — перечислял, загибая мясистые пальцы, мистер Муниаппа, — по научным исследованиям — город номер один, по электронике — номер один, по женской эмансипации — номер один, по космическим исследованиям...

— Но по населению вы пока еще номер пять, — подел я его. Воинственные усы мистера Муниаппы, руководителя отдела общественных связей бангалорской городской корпорации, протестующе вспорхнули:

— Очень скоро мы перегоним Мадрас и будем четвертыми. В течение десяти лет население Бангалора удвоится. Город растет стремительно. У нас ведь не просто промышленность, но самые передовые ее отрасли. Тяжелое машиностроение, электроника, авиационное производство. Мы делаем телефонное оборудование для всей Индии.

Было что-то залихватски-гусарское во всем облике мистера Муниаппы. В его патриотизме чувствовались прямо-таки тexasские нотки, хотя все, что он говорил, конечно же соответствует истине. Бангалор, действительно, развивается весьма динамично, и его развитие несколько опережает развитие страны в целом. Как бы спохватившись, мистер Муниаппа вдруг спокойно обрисовал проблемы, стоящие перед бангалорцами. Быстрый рост населения, сорок процентов которого составляет рабочий класс, требует неуклонного расширения жилищного строительства. Уже созданы и создаются города-спутники. В сотрудничестве с различными предприятиями мощная организация БиДиЭй — управление по развитию Бангалора — разворачивает широкие работы по усовершенствованию системы транспорта и водоснабжения города. Бетонные трубы метрового сечения протягиваются к реке Кавери в районе Майсура. Оттуда, с расстояния в 130 километров, будут подаваться в город 30 миллионов галлонов воды. Будет проложена еще одна, третья, линия гигантского водопровода, которая увеличит поступление воды в Бангалор до 50 миллионов галлонов. Средства для этого выделили правительство штата Карнатака, Корпорация по страхованию жизни и центральное правительство. Часть расходов оплачивает Международный банк реконструкции и развития.

Главный язык штата — каннада. Однако быстрый и

постоянный рост промышленности в Бангалоре притягивает огромное количество рабочей силы из самых различных уголков Индии. И сегодня каннада уже не является доминирующим в столице штата, хоть и занимает по распространенности первое место. Мистер Муниappa назвал Бангалор космополитическим городом, добавив тут же, что в отличие от других индийских городов здесь сравнительно редки распри на религиозно-коммуналистской основе и что и в этом отношении столица Карнатаки является в Индии «намбер уан» — номером первым. Но и здесь, несмотря на эмоциональность, он не допустил преувеличения, ибо рабочий город и в самом деле быстрее, чем, скажем, торговый или чиновничий, ломает кастовые и национальные перегородки. Последним «намбер уан» из тех, которыми убивал меня мистер Муниappa, было количество кинотеатров в городе — 130. Если бы основатель города Кемпе Говда знал, что улица его имени, просторная и прямая, будет полностью застроена огромными кинотеатрами, он, наверно, не был бы слишком разгневан. Махараджа любил представления, особенно связанные с танцами, а в бангалорских фильмах их хоть отбавляй.

Культурная жизнь Бангалора протекает, однако, не только в стенах 130 современных сооружений, осененных неоновыми реклам. На языке каннада существует и развивается литература, обретающая традиции и постепенно освобождающаяся от английского влияния. В Бангалоре живет много крупных поэтов, музыкантов, актеров.

Сурендра — банковский служащий. Однако сердце его давно и безоговорочно отдано театру. Этот невысокий, сухощавый, смуглый молодой человек с сверкающими глазами кровно заинтересован в развитии театра на языке каннада.

— Наш профессиональный театр еще очень молод, он только рождается, — говорит Сурендра. — Мы ощущаем острую нехватку профессиональных пьес, посвященных ключевым социальным проблемам. Есть пара школ драмы, есть настоящие энтузиасты вроде К. В. Суббаны, есть несколько трупп, есть, наконец, объединение «Самудайя», организующее спектакли на улицах и площадях. Но театра, такого, как, скажем, в Западной Бенгалии или Керале, еще нет. Тем не менее мы создаем короткие спектакли, посвященные такому тяжелому пережитку, как обязательная выплата

приданого родителями невесты, воюем против коррупции...

Город жадно впитывает культуру. Он и создает ее. Музыкальные ансамбли Карнатаки пользуются большой популярностью и за ее пределами. Не обходится и без курьезов, попадающих, конечно, на страницы печати. Однажды управление водоснабжения и канализации соседнего штата Тамилнаду пригласило известного карнатакского скрипача Вайдьянатхана, дабы последний смог умиловить своим искусством бога дождя и спасти район Красных холмов от ужасной засухи. Бог дождя, вопреки ожиданиям руководителей управления в Мадрасе, не обратил ни малейшего внимания на потрясающую музыку Вайдьянатхана... Как и повсюду в Индии, в Бангалоре нередко натыкаешься на соседство современности с древностью — идет ли речь об архитектуре, театре или быте. Музыкант, взывающий к милости бога дождя, живет в том же городе, что и летчик-испытатель Ракеш Шарма, который совершил полет в космос.

Директор издательского объединения «Навакарнатака пабликейшнз» Р. С. Раджарам правил какие-то гранки. Он вскочил, включил электрический кофейник, взял с полки стопку книг, которые оказались изданиями советских авторов на языке каннада, что-то отрывисто приказал по телефону. Потом долго говорил о популярности советской литературы в Бангалоре, о братских отношениях, связавших этот город с Минском, об обмене визитами с белорусскими друзьями, уговаривал задержаться в Бангалоре еще на несколько дней.

— Учтите, Бангалор — это восходящая звезда на индийском небосклоне, — рассуждал он. — Его судьба, однако, сложится иначе, чем у кино- и телезвезд. Слава его будет сиять вечно.

— Кстати, — спросил он вдруг, — а у своего соотечественника Рериха вы еще не были? Он ведь здесь живет. Бангалор его хорошо знает...

Я вышел на улицу. Колоннаду величественного дворца правительства «Видхана Соудха», построенного после завоевания Индией независимости, робко подсвечивало вечернее солнце. По зеленому партеру перед дворцом гуляли люди. Белобородый садху с красным трезубцем на лбу беспомощно стоял в потоке машин, пока бравый полицейский, заметив его, не поднял руку в белой перчатке. Высокий и худой парень в джинсах

и толстых роговых очках чертил в блокнотике девушки в сиреновом сари, по-видимому студентки, какую-то схему. Испешренный яркими надписями грузовик высадил несколько рабочих в зеленоватой спецодежде. Я вынул из кармана бумажку с адресом Святослава Николаевича. Идти ли?

Столько читано было о семье Рерихов, столько слышано... Недавно в чандигархском музее я наткнулся на большую серию картин Николая Константиновича. И среди них — Шамбала, страна его мечты: на багрово-красном фоне заката маленькие силуэты людей, идущих к сверкающему храму Мудрости. Замечательный художник был и выдающимся мыслителем, и прекрасным писателем. Да и сын его, живущий зимой в Бангалоре, а летом в Кулу, приумножил славу семьи.

Было неловко идти без предупреждения и без определенной задачи к человеку хорошо известному и, конечно, занятому. И все же я пошел. Святослав Николаевич сам открыл мне дверь особняка, в котором располагается его офис. Он обрадовался мне, будто мы были старыми знакомыми, представил жене Дэвике, в прошлом известной актрисе. С первой минуты меня поразило его сходство с отцом, чей облик хорошо запомнился по фотографиям: тот же спокойный, всевидящий и добрый взгляд, те же белые усы и борода, та же осанка, естественная, исполненная достоинства и благородства.

Он заговорил так, будто только что прервал мысль, которую развивал за несколько минут до нашей встречи. Сразу о главном, без далеких подходов.

— Красота спасет мир... Всю жизнь убеждаюсь в правоте этих слов Достоевского. Красота в самом широком смысле. Красота это и кристальность мысли. Почему я люблю портрет? Потому, что люблю человека, пытаюсь нащупать гармонию между его внешней красотой и красотой внутренней. Портрет это, если хотите, один из способов выявить то, чего мы еще не знаем, с помощью того, что мы знаем и видим. Один из способов найти прекрасное и возвышенное. Может быть, поэтому я не люблю карикатуру, которая низводит человека до некой отвратительной субстанции.

Все это он сказал тихо, медленно, без малейшего надрыва, ни в чем не обнаружив полемическую интонацию. Но она, в конце концов, все-таки прорвалась:

— Красота — это обязательно глубина. Абстракционисты — и надо отдать им в этом должное — создают

иногда весьма красивую поверхность. Но плоская поверхность не может быть глубокой ни в прямом, ни в переносном смысле. Сейчас и на западе абстракционизм отодвигается на второй план, все больше замыкаясь на решении чисто декоративных задач. Художник должен искать подлинную красоту, к которой инстинктивно тянется и человек в искусстве неискушенный. Однажды любимый ученик Будды Ананда спросил его: не правда ли, учитель, стремление к красоте и ее осознанию составляет половину нашей духовной жизни? Не говори так, Ананда, ответил Будда, ибо красота — это вся наша жизнь.

Я спросил, что привлекло в Индию его отца, какая сила заставила начать поиск общих корней России и Индии. Задал вопрос явно неправильный, ибо ответом на него может служить и служит почти все творчество Николая Константиновича. Но Святослав Николаевич молча простил мне эту невольную бестактность.

— Для моего отца, — ответил он, — так же как для моей матери и брата Юрия и, разумеется, для меня самого, Индия всегда была символом богатой, напряженной умственной деятельности людей, еще в древности опередивших свое время. Этих людей немного, но они были и есть. И будут. Индия огромный конгломерат религий, языков, культур. Развитие ее по-настоящему только начинается. Сложная, противоречивая и все еще отсталая, она, мне кажется, весьма близка к корням жизни человечества. В силу разных причин она сохраняет еще то, что утрачено развитыми странами.

Святослав Николаевич углубился в сравнение изначальных славянских и санскритских слов, таких, как «медведь» и «мадувид», «огонь» и «агни», «веда» и «ведать». Заметил, что советские индологи вносят огромный вклад в изучение истории и философии Индии, прекрасно прослеживают изменения, происходящие в общественном сознании этой страны в последние десятилетия. Вспомнил индийских философов и писателей Рамакришну, Свами Вивекананду, Рабиндраната Тагора, их стремление расширить и осовременить древние философские и этические категории. И конечно же, разговор зашел о Шамбале.

— Мой отец, который был моим учителем и другом, написал книгу о Шамбале, — сказал он, — Шамбалу едва ли можно искать на географической карте. Это не страна, это символ. Символ беспредельности челове-

ского познания. Шамбалой называют и очаги людей, достигших очень высокого уровня познания мира. Каждый ищет свою Шамбалу — нечто находящееся выше обыденности. Книга отца — это страницы исканий. В ней в концентрированном виде собраны мысли, выстраданные лучшими людьми Востока.

Последний мой вопрос был о ботанике. Чем продиктован тот исключительный интерес, который проявляет к этой науке Святослав Николаевич, ведущий оживленную переписку с крупнейшими специалистами различных стран?

— Мы принадлежим природе, — заметил художник. — Мы вышли из мира природы. Хочется не утратить чувства единения с природой, постоянно осязая мудрость, которую она вдохнула в свои произведения.

Позже, в Дели, я не раз встречался с Рерихом. И всегда его облик удивительно соответствовал тем мыслям и чувствам, которые он мне высказал при первой встрече. Он олицетворяет ту самую красоту, о которой так пламенно говорит.

Майсур. С высокого холма смотрю на раскинувшийся внизу Майсур. Даже отсюда, издали, ощущаю его великолепие. Там вон, за строгими рядами домов, крытых красноватой черепицей, различаю мраморную фигуру под позолоченным куполом ажурной беседки. Это последний правитель Майсура Чамараджа Водеяр. За ним — величественные контуры знаменитого королевского дворца. Я только что побывал в нем. Это сооружение можно посетить лишь босиком. Городские власти строго заботятся таким образом о сохранности замечательного памятника архитектуры. Обычно обувь в Индии снимают при входе в храмы и мечети. В индусские храмы нельзя входить в обуви, ибо она, как правило, сделана из кожи буйвола, которого ассоциируют с демоном Махисасуром. Впрочем, в храмах не жалуют любую кожу... В мечети обувь снимают из уважения к Мухаммеду. А при входе в сикхские гурдвары надо снимать не только обувь, но и носки и обязательно мыть ноги. В майсурском дворце было чисто, и требование снять обувь не вызвало у меня внутреннего протеста. Но во многих храмах, например в Бриндаване, заплывающие грязные каменные плиты отпугивают иностранцев. Один мой знакомый пошел как-то на хитрость. Зная, с каким уважением относятся в Индии к религиозным канонам, он убедил брахмана

пропустить его в храм в обуви, объяснив, что его религия запрещает снимать оную даже в постели.

Королевский дворец торжественно-прекрасен. Мраморные колонны, зеркала, картины, запечатлевшие батальные сцены различных эпох, надменные лики владык и пышные дворцовые церемонии, причудливое переплетение индусского и мусульманского в орнаментировке арок. В одном из бесчисленных залов, поражающих разнообразием, сидит на троне сам махараджа из папье-маше. Глаза под красным тюрбаном иронически прищурены, босые ноги скрещены, рука придерживает саблю.

В Майсуре каждый дворец кажется храмом, а храмам присуще великолепие дворцов. Даже в зданиях Технического института, родильного дома или железнодорожного управления угадываются дворцовые черты. Отсюда, с холма Чамунди, город кажется чуть ли не сплошь состоящим из дворцов. Холм венчает храм Чамунди, или Чамундешвари, как называют на юге богиню победы Дургу. А неподалеку от храма стоит раскрашенное изваяние демона Махисасура. Кошмарное чудовище держит в одной руке саблю, в другой — извивающуюся змею. Майсурцы утверждают, что именно на этом холме Чамунди-Дурга прикончила коварного Махисасура, чтобы вернуть на небо богов, изгнанных оттуда на землю последним. С удивлением узнаю, что само слово «Майсур», бывшее также многие годы названием княжества, а затем и всего нынешнего штата Карнатака, происходит от имени низвергнутого дьявола Махисасура.

Во второй половине XVIII столетия это слово вызвало разные чувства. Патриоты Индии произносили его с надеждой и уважением, английские колонизаторы — с досадой и горечью. Англичанам и в самом деле слышалось в этом имени что-то дьявольское. В 1761 году майсурский военачальник Хайдер Али захватил здесь власть, реорганизовал армию, овладел множеством соседних земель и в течение двадцати с лишним лет оказывал эффективное сопротивление англичанам. Борьбу продолжил его сын Типу Султан. Брошенный союзниками, обманутый сподвижниками, Типу Султан отстаивал свою жизнь и честь, громил колонизаторов. Лишь в 1799 году он в результате подлой измены главного министра Мир Садыка, подкупленного англичанами, был убит у стен своей столицы Серингапатама.

В Майсуре и его окрестностях чуть ли не каждый камень свидетельствует о героической эпопее Типу, имя которого с уважением упоминал в «Хронологических выписках по истории Индии» Карл Маркс. Стены летнего дворца в Серингапатаме расписаны сценами из сражений Типу. Путешественнику обязательно покажут два огромных минарета, возведенные по его приказу, место его последнего боя.

В девятнадцати километрах от города на берегу реки Кавери, перегороженной в начале века мощной плотиной, находится Бриндаван, тезка того, что под Матхурой. Плотины построил инженер М. Вишвеварая. Водохранилище позволяет накапливать многие миллионы кубометров воды, используемой в сухом сезоне для орошения полей. Остатки реки с ревом срываются со стены и устремляются в узкое каменистое русло, вернее, в несколько таких русел, поднимая облака белоснежных брызг. Сразу же за дамбой начинаются фонтаны. Их множество, подсвеченные красными, синими, зелеными огнями, они образуют фантастическое зрелище.

В штате Карнатака полумиллионный Майсур, конечно же, уступил первенство огромному индустриальному Бангалору. Однако и он не остался лишь «музеем на открытом воздухе». Ремесла, которыми всегда славился этот город, расцветают и сейчас. Нигде больше не найти таких скульптур из сандалового дерева, как в Майсуре. В изображении юных пастухов, танцовщиц, индусских и буддистских богов майсурские мастера, пожалуй, не знают себе равных в Индии. Широко распространены здесь также скульптура из глины, изделия из бронзы и вороненого чугуна. Талантливые мастера-ремесленники, как и во многих других городах Индии, проходят специальную подготовку в техническом институте. Хорошо известны во многих уголках Индии ткани, вырабатываемые майсурской шелкоткацкой фабрикой. Есть в городе фабрика, производящая сандаловое масло, есть шинный завод, несколько машиностроительных предприятий.

— Майсур еще свое возьмет,— говорит студент Курмар Дас, стоя рядом со мной у ярко раскрашенного страшилища.— Быть может, у него впереди еще более славная история, чем в прошлом.

Тривандрам. Сотни три мужчин в дхоти и саронгах, босоногих женщин в пестрых сари пожирали глазами

ракеты. С большим трудом работникам полигона удалось оттеснить их на безопасное расстояние. Люди годами стоят в очереди, чтобы увидеть взлет метеорологической ракеты, запускаемой на полигоне Тхумба каждую среду. Правительство штата Керала считает, что показ запуска ракет широким массам имеет большое воспитательное значение. Сборка ракеты производится индийскими инженерами под наблюдением советского специалиста. Запуски дают ценную информацию о состоянии атмосферы, позволяют прогнозировать погоду. С замиранием сердца следили люди издали, как техник ставил на ракете заглушки, переводя ее на автономное питание. Наконец был подан сигнал, и ракета, оставив огненный шлейф, взлетела и, прорезав густую черноту ночи, на время исчезла, и крик восторга вырвался из самого сердца толпы. Глаза людей горели, их лица, устремленные в небо, светились счастьем. Для них это была не просто рабочая метеорологическая ракета,— это была их Индия, взлетевшая в современность, шагнувшая в космос.

Тхумба, в которой расположен космический центр имени Викрама Сарабхай, находится в нескольких километрах от Тривандрама — столицы штата Керала. Тривандрам — город небольшой, его тесные и неровные улицы с множеством пальм и нарядных прохожих заставляют вспомнить курорты Причерноморья. Много лет в Керале с небольшими перерывами находился у власти левый демократический блок партий, возглавляемый коммунистами. Повсюду на стенах в Тривандраме встречаешь символы КПИ — серп и колос и КПИ(М) — серп и молот. В 1982 году, однако, левый демократический фронт потерял большинство в законодательном собрании и вынужден был уступить власть объединенному демократическому фронту во главе с ИНК(И). Левые партии тем не менее сохраняют огромное влияние на всю политическую жизнь штата. За долгие годы своего пребывания у власти они добились значительного улучшения положения трудящихся. И по жизненному уровню, и по продолжительности жизни, и по общему и специальному образованию Керала занимает одно из первых мест в Индии. Если в Индии в целом читать и писать умеет лишь 36,17 процента населения, то в Керале — 69,17. Самый низкий показатель рождаемости и самый низкий — смертности также говорит об относительном благополучии 26-мил-

лионного населения штата. Однако и по безработице Керала занимает одно из первых мест в стране. Это объясняется высокой организованностью рабочего класса и нежеланием частного капитала строить здесь крупные предприятия, деятельности которых будут постоянно грозить массовые забастовки. Это связано и с высоким процентом специального образования: люди в Керале не готовы идти на любую работу, как, скажем, в Уттар-Прадеше.

Тривандрам, когда смотришь на него сверху, кажется огромным садом, почти лесом, его сочная зелень, скрывающая дома, гармонирует с глубокой синевой морского простора. Мы долго смотрели на него с веранды новой гостиницы. Быстрый, подвижной, резкий Куруп рассказывал мне легенду о древнем правителе Кералы Махабали. Глаза его сверкали, буква «р» скрипела и рычала, будто не помещаясь у него в горле, руки взлетали, парили, падали, как плети. Махабали был справедлив, любил керальский народ, заботился о нем, не допускал ссор и драк, поровну распределял богатства — словом, создал настоящий, хорошо организованный рай. И возревновали боги, ибо народ стал любить одного лишь Махабали и совсем забыл о них. И вот они делегировали в Кералу одного высокопоставленного бога, и тот прибыл в Махабали в образе нищего брахмана. «Что ты хочешь?» — спросил Махабали. «Дай мне лишь три шага твоей земли», — ответил брахман.

И когда добрый Махабали согласился, бог-брахман вдруг увеличился до невероятных размеров и три его шага покрыли всю Кералу. И все поняв, попросил Махабали, чтобы небо разрешило ему раз в год приходить к своему народу. Грозный небесный делегат решил и вдавил бывшего владыку в землю, откуда он раз в году, в сентябре, и появляется, конечно, инкогнито. Но керальцы в этот день встречают его плясками и веселым застольем.

— Керальцы верят в окончательное возвращение Махабали, — скрежетал Куруп. — Они верят в торжество справедливости, верят в будущее. Вот, послушай...

И он запел свои стихи — на языке малаялам стихи не читают, а поют. И исчезла корявая буква «р», и голос его, обретший вдруг неожиданно приятный тембр, зазвенел над морем, и пропетое имя «Ленин» объясни-

ло мне частично содержание стихотворения. О. Н. В. Куруп — один из крупнейших поэтов Кералы, бесстрашный коммунист, — известен в Тривандраме каждому. Он повел меня в круглый высокий дом на холме, на стене которого горели два слова «Ленинская клиника». Сооружение оказалось внутри небольшим залом со сценой и рядами стульев. Собственно клиника находилась рядом. Лучшие врачи города бесплатно принимают здесь детей, ставят диагноз болезни и направляют маленьких пациентов на лечение в различные больницы или назначают домашнее лечение. Пока дети находятся в руках эскулапов, с их родителями проводятся в зале беседы на самые различные темы. Популярность «Ленинской клиники» огромна. В ней выступают крупнейшие политические деятели, писатели, художники. Когда мы пришли в нее, я еще раз услышал стихи Курупа — со сцены. Он пел что-то ритмическое и торжественное.

Кочин. Почему главная улица Кочина называется «Эмджи роуд»? В ответ на этот вопрос кочинцы пожали плечами, и это удивляло меня, пока я не сообразил, что «Эм» и «Джи» первые буквы имени «Махатма Ганди». «Эмджи роуд» несколько напоминает Голлроуд в Коломбо. Она насквозь пронзила пеструю и шумную континентальную часть Кочина, которую считают отдельным городом по имени Эрнаулам. Она нарядна и вместе с тем буднична, современные многоэтажные здания соседствуют с небольшими неказистыми постройками. Железнодорожно-шоссейный мост соединяет Эрнаулам с искусственным островом Виллингтона, созданным в процессе углубления порта. На острове аэродром и аэропорт. Со следующим островом, где расположен форт Кочин и район Маттанчери, его также связывает мост. Около десятка островов — девственно зеленых, манящих прохладой пальмовых рощ, и урбанистически строгих, густо застроенных домами, среди которых встретишь и церковь, и индусский храм, и мечеть, и синагогу, — вот что такое Кочин, один из крупнейших портов западного побережья Индии.

Каких только пришельцев не знал Кочин! Еще в VI веке до нашей эры здесь появились первые еврейские колонисты, немногочисленные потомки которых живут сегодня в Маттанчери вокруг синагоги. В 1500 году пестрые острова были захвачены пиратами Афонсу Альбукерки, того самого португальца, который, как

помнит читатель, вторгся позднее в Гоа. Португальцев прогнали голландцы, голландцев — англичане.

В 1502 году здесь побывал Васко да Гама. Через 22 года он вернулся в Кочин, где и умер, и был похоронен. Позднее, в 1538 году, его останки были перевезены в Лиссабон, но могильная плита, под которой он покоился 14 лет, сохранилась...

Кочин — если иметь в виду и острова, и Эрнакулам — насчитывает более одного миллиона жителей. Это крупнейший город Кералы, которому значительно уступает по размерам и ее столица. В одном из переулков в Эрнакуламе я набрел на двухэтажное здание с двумя красными флагами по углам. Это были штаб-квартиры кочинских организаций КПИ и КПИ(М). Последнюю за границей иногда называют «параллельной»:

Дом был, очевидно, разделен одновременно с расколом единой компартии в 1964 году. В нижнем этаже разместился книжный магазин. Кроме коммунистической литературы, произведений классиков марксизма на английском и малаялам я обнаружил в нем множество произведений русских и советских писателей.

Наверху, в левой половине мансарды, в помещении КПИ под яростно вращавшимся феном, я познакомился с юношей по имени Биной Вишвам. Вишвам — типичный малаяли: аккуратное, точеное смуглое лицо, горящие глаза, стройная сухощавая фигура, длинная, до пят белая юбка-лунги, отличающаяся от дхоти тем, что подол ее не связывается между ногами. Он — секретарь местной организации Всеиндийской студенческой федерации КПИ. О своей работе говорил с увлечением. Обнаружил хорошее знание многих произведений советской литературы. Рассказывал о кочинских докерах, о рабочих здешней верфи, об их солидарности и ответственности в общей борьбе...

Лодочник вез меня по широкой морской протоке мимо острова Гунду, где рыбаки используют у берега огромные китайские «пауки» — сети, привязанные к крестовине на длинной многометровой жерди. Мы проплыли мимо спутанных зарослей острова Болхатти, мимо стройных высоких пальм с гроздьями золотистых орехов, которые я раньше видел только в Шри Ланке.

— Совет шип — советское судно — сказал вдруг лодочник, вытянув руку, когда мы подплыли к главному причалу. И через несколько минут я смог прочитать

название «Брянский рабочий». А еще через полчаса беседовал с Виктором Матвеевичем Дядиком, немолодым уже капитаном из Одессы, который водит это судно отечественной постройки полтора десятка лет. «Брянский рабочий» стоял под погрузкой: чрево его медленно заполнялось орехами кешью, джутовым волокном и кокосовой копррой. А у другого борта толпились лодчонки и их владельцы, путая русские слова с английскими, бодро призывали наших моряков менять на кокосы и манго мыло и одеколон. Моряки смеялись, отвечая им что-то на такой же языковой смеси, все были довольны и веселы.

Мы с Виктором Матвеевичем стояли на баке у фальшборта.

— А Индия меняется,— сказал он.— Впрочем, меняется все на свете. Не хотите ли отведать нашего борща?

Андаманы. «Сэлльюлэр» значит «ячеистый». Многие десятилетия это английское слово было здесь синонимом тяжелых страданий и унижений. Оно стало и символом твердости борцов за свободу, их воли и мужества. 700 одиночных клеток и ячеек и дали имя этому мрачному сооружению: общих камер в нем нет. Нам, пятерым советским журналистам, показали крошечные одиночки, отделенные друг от друга чуть ли не метровыми стенами, скрипучие засовы, кандалы, орудия пыток. В камерах было пусто и чисто. Их недавно белили. Да и решетки, покрытые черной масляной краской, казалось, еще не просохли. Тюрьма Сэлльюлэр включена в число национальных памятников, подлежащих охране и систематическому уходу. И это понятно: на круглой стене смотровой башни золотыми буквами выбиты имена узников Сэлльюлэра. По штатам: Пенджаб, Уттар-Прадеш, Махараштра. Здесь гноили, истязали, убивали цвет индийского народа, его надежду. Огромная пустая тюрьма на высоком портблэрском холме будет вечно напоминать об этом... Впрочем, тюрьма не совсем пуста — один из ее корпусов превращен в городскую больницу, а во дворе построен решетчатый флигель, в котором плетут веревки, строгают доски и шьют мешки заключенные, посаженные на короткий срок за мелкие преступления.

Ровно два часа мы летели в Портблэр из Калькутты. С трудом затормозил «Боинг-737» на короткой взлетно-посадочной полосе. Вокруг громоздились под-

свеченные солнцем зеленые холмы. У трапа нас встретило несколько человек — представители полиции, гостиницы, аэропорта, оповещенные заранее о нашем визите. В паспортах наших проставили аккуратненькие штампики о прибытии, будто мы попали в другую страну. И с этого момента нашу маленькую группу власти ни на минуту не упустили из виду.

В Дели в течение трех месяцев мы пробивали эту поездку. Андаманские и Никобарские острова, так же как и северо-восточные штаты, закрыты для иностранцев. На одном из приемов я, что называется с ножом к горлу, пристал к министру информации, потом написал ему заявление от имени пятерых советских журналистов. Вел долгую переписку с ПиАйБи и другими организациями. В конце концов в руках у меня оказался желанный «пермит». И конечно же, я и не подозревал, что большинство перечисленных в нем островов окажутся необитаемыми. Это выяснилось уже в Портблэре. По нашей просьбе местные чиновники, добрые и отзывчивые люди, направили в Дели запрос — нельзя ли показать нам хоть один остров, населенный джаравами, великими андаманцами или онгами. В последний день нашего пребывания в Портблэре пришел ответ: нельзя...

Портблэр, столица союзной территории Андаманские и Никобарские острова, насчитывает 26 тысяч жителей. С многочисленных холмов, на которых он расположен, видишь сквозь незамысловатые прически пальм морскую синь, подернутую искрящейся рябью, сочную зелень соседних островков и ломаные линии окутанных туманом гор на островах дальних. Красив ли Портблэр? Наверное, нет, если приложить к нему обычные урбанистические мерки: ни широких проспектов, ни современных башен, ни броских реклам. И все же, когда подплываешь к этому городку на мотоботе и вечернее солнце откуда-то снизу подсвечивает зеленые холмы, добротные старинные особняки, приземистое и длинное здание единственного на островах колледжа, расположенные на разных уровнях терема гостиницы «Бэй Айлэнд», узкий пирс, у которого столпились диковинные рыбацкие суденышки, начинаешь понимать, что Портблэр не просто красив, но красив чертовски.

Вглядываюсь в холмы, утыканные пальмами, в узкие, горбатые улочки, в маленькую покатуую площадь

с башенкой для часов посередине. Меня окружают типичные индийцы — торговец ракушками, точно такой же, как в Махабалиपुरаме под Мадрасом, щеголеватый офицер-сикх в тюрбане цвета хаки, точно такой же, как в Дели или Чандигархе, бенгальский рыбак, седина которого резко контрастирует с почти черной, обгоревшей на солнце кожей, ничем не отличающийся от своих собратьев из-под Калькутты. И все-таки портблэрская улица чем-то отличается от стандартно-среднеиндийской. Чего-то явно не хватает. Ну конечно же, ясно чего — велорикш. Только ли их? Нет беспризорных ребятишек, нет оборванцев, не видно «святых» с разрисованными лбами. Нет нищеты и ее антуража.

Нет в Портблэре или почти нет и того, что не бросается в глаза на улице, но незримо присутствует в индийской жизни и наносит стране огромный ущерб, — кастовых предрассудков. За неделю пребывания на Андаманских островах мы познакомились с десятком молодых семей, в которых муж и жена происходили из разных каст.

Первыми поселенцами на Андаманах были высланные сюда в 1858 году участники сипайского восстания, покачнувшего основы английского колониального господства в Индии. Вплоть до завоевания Индией независимости три сотни Андаманских и Никобарских островов оставались практически незаселенными. Сейчас на них живет двести тысяч человек — переселенцев с материка, как здесь именуют Индостанский полуостров. Больше всего бенгальцев, на втором месте тамилы, на третьем — малаяли. Правительство поощряет переселение. Особенно когда речь идет о фермерах и рыбаках.

— Люди начинают новую жизнь на пустом месте. Начинают с нуля. Они не берут с собой предрассудки прошлого, которые затрудняют взаимопомощь, столь важную в новых условиях.

Мистер М. Л. Кампани, задумавшись, теребит седой ус. Год назад этого крепкого, подтянутого, решительного человека, 16 лет прослужившего в армии и 23 на государственной службе на бурлящем северо-востоке страны и в Дели в министерстве внутренних дел, назначили губернатором союзной территории Андаманские и Никобарские острова. Он, как и большинство наших собеседников, не может похвастаться андаманским происхождением. Однако бывалое сердце его успело при-

кипеть к сказочно прекрасному Андаманскому морю, к холмам и пальмам.

— Пока что площадь наших плантаций составляет лишь 23 тысячи гектаров,— по-военному четко докладывает он.— 20 тысяч из этого числа — под кокосовыми пальмами. Мы выращиваем также масличные культуры. Острова наши молоды, почва здесь тонкая, обрабатывать ее не просто. Тем не менее мы стараемся интенсифицировать производство. Главное наше богатство — лес. Есть и ценные породы, и мягкие, идущие на спички. Построили несколько заводов, выпускаем древесину для мебели, фанеру, строительные конструкции. Важное место в наших планах занимает рыболовство. Пока что у нас всего восемь траулеров. В ближайшее время мы доведем их число до 30. Думаем развивать и прибрежный, и глубоководный лов. Но техническая база еще слаба, нет мощных холодильных устройств, которые позволили бы вывозить рыбу на материк. На наших островах она стоит очень дешево — 2 рупии килограмм. Реализация ее здесь не покрывает расходов... Важной частью экономики должен стать туризм — и индийский, и иностранный. Но пока что мы делаем лишь первые шаги в этом направлении... И наконец, геологи полагают, что на наших островах будут в скором времени обнаружены нефть и природный газ... Посмотрим...

Мы стоим с мистером Кампани на широкой веранде губернаторского дома, построенного в начале века, тяжелого и просторного. Отсюда открывается вид на портблэрскую бухту. На море, уходящее в бесконечность. У самого берега рыбаки-бенгалцы с двух лодок выбирают из воды отяжелевшую сеть. Они тянут ее в сторону не достроенного еще тамильского храма, на крыше которого, как всегда, уютно расположились боги.

— Здесь все только начинается,— размышляет он вслух.— Еще недавно не было ни одной дороги — кроме шоссе из аэропорта. А сейчас уже 700 километров дорог. Еще недавно была лишь одна начальная школа. А ныне — 260 учебных заведений. Еще недавно был лишь один госпиталь, а сейчас 65 медицинских учреждений. С племенами, правда, предстоит много работы, мы только нащупываем контакты с ними...

Наш катер рассекает лазурное лоно воды. Старенький мотор его кашляет, хрипит и, вздрогнув, замолкает.

Широкоскулый матрос-никобарец медленно спускает за борт якорь-кошку. Ближе подходить опасно — племя джарава встречает гостей отравленными стрелами. Да и «пермита» нет. Долго всматриваюсь в мангровые заросли у берега — не мелькнет ли где черная и гибкая фигура лучника. Но никого нет, остров кажется необитаемым. Только что в Портблэре молодой антрополог Бирендра Басу рассказывал нам о судьбе андаманских и никобарских племен. До сих пор с большей частью племени джарава, насчитывающего 250—300 человек, нет никакого общения. Лишь одна группа джарава подпустила к себе гостей несколько лет назад. Другое племя — онги охотно принимает гостей, радуется подаркам и всячески демонстрирует дружелюбие. Они никогда не ссорятся и друг с другом. Человек, охваченный гневом, удаляется от общества и живет один, пока гнев его не улетучится. Есть еще племя сентинельцев, как и джаравы не желающее иметь никаких контактов с внешним миром, есть шомпени, есть великие андаманцы, которых осталось на планете лишь 28. Недавно среди них появилась на свет девочка, рождение которой было настоящим праздником. В начале века, когда была построена тюрьма Сэлльюлэр, англичане истребили многих коренных андаманцев. Некоторые племена вымерли от легких, но неизвестных им ранее болезней вроде гриппа. Большинство племен до сих пор не носит одежды, не умеет добывать огонь. У некоторых из них наконечники стрел выкованы из металла, который, как предполагают, попал в руки туземцев в результате кораблекрушений.

Мистер Басу и его коллеги систематически подходят на катерах к островам, населенным племенами, оставляют подарки. А с онгами мистер Басу прожил около трех месяцев, обучив их языку хинди. Антропологически эти племена относятся к негритосам. Едва ли усилия мистера Басу помогут им выжить на островах, ставших своего рода резервациями. Однако самое большое племя — никобарцы, имеющие монголоидную внешность, быстро развивается, обретает культуру, входит в русло современной жизни. Большую часть никобарцев, число которых перевалило за 23 тысячи, миссионеры обратили в свое время в христианство. Многие из них работают в Портблэре и других городах. Кое-кто переехал и на континент. По совету мистера Басу мы побывали в никобарском гестхаузе. Жители острова Кар-

Никобар подолгу гостят в нем, занимаются на специальных курсах, постигают ремесла, а затем, вернувшись на свой остров, распространяют полученные знания. Но и никобарцы в большинстве не возделывают и не едят еще риса — питаются лишь бананами и кокосовыми орехами. Худенький, чисто выбритый молодой человек в джинсах по имени Роберт Лукас только что вернулся в Портблэр из Мадраса, где окончил колледж.

— Хочу написать книгу об обычаях моего народа, — ответил он на мой вопрос о его намерениях. — А потом вернуться на Кар-Никобар и учить детей...

...Снова и снова вглядываюсь в мангровую чащу. Наш катер, как машина времени, доставил нас к порогу каменного века, и хочется, чтобы встреча с этим веком состоялась. Хоть на миг. Но нет, джаравы не спешат, а наши хозяева уже ждут нас в Портблэре...

Мадрас. Запах Мадраса — запах соли, рыбы и нефти — ощущаешь и на набережной «Марина», и на кричащей и бурлящей Маунт-роуд, и в так называемом Черном городе. Особенность разделения города на старый и новый состоит в том, что первый именуют «черным», второй — «белым». Мадрас не потрясает и не подавляет сразу, как Калькутта или Бомбей. Его огромность постигаешь постепенно. Набережная, которую в отличие от бомбейской Марина-драйв зовут здесь «Марина-бич», состоит из нарядных викторианских зданий: купола, колоннады, башни с часами. От синей полосы моря вдаль ее отделяют сады, за которыми у самого берега толпятся жалкие лачуги рыбаков. На набережной немало памятников тамильским писателям, общественным деятелям, есть скульптурная группа: рыбаки или моряки, натягивающие канат на ветру. Марина-бич считается одной из самых длинных набережных в мире. Маунт-роуд, главная улица, не столь нарядна. Она калейдоскопически пестра и подвижна. Типичные индийские лавки под крупными вывесками, рычащие грузовики, черно-желтые такси с помятыми дверцами и отломанными ручками, велорикши, подводы, двухколесные пролетки, запряженные гнедыми лошадками, фургоны. В этом гремящем потоке мелькают бесстрашные велосипедисты с огромными молочными бидонами или с красными газовыми цилиндрами по обеим сторонам заднего колеса.

Улица упирается в гору («маунт»), давшую ей имя. На горе расположилась церковь святого Фомы, того

самого, которого зовут Неверным или Неверующим. Святой Фома, или Сент Томас, говорят, поселился здесь в I веке нашей эры, обратил в христианство десятки тысяч людей, совершил множество разнообразных чудес и был сражен дротиком в спину во время молитвы. Осматриваю монастырь и церковь: крест, сделанный якобы самим Фомой и обладающий некой таинственной силой, лики святых, изображение Фомы и его убийцы.

С удивлением замечаю, что надписи под картинами сделаны по-армянски. Оказывается, здесь в XVII—XVIII веках жило несколько сот армянских купцов, переселившихся из Персии. Они были католиками. Когда в Мадрасе заняла господствующее положение Ост-Индская компания, армянские купцы стали играть роль посредников в ее торговле с местными производителями. Позднее необходимость в посредниках у Ост-Индской компании отпала, и армяне постепенно покинули Мадрас. Сейчас их в городе практически нет. Но след свой они оставили — в виде Армянской улицы, моста через реку Адьяр и надписей в церквях, в которых вели службу их священники.

Отсюда, с горы, город кажется компактным и аккуратным. Вдали угадываются очертания искусственной бухты порта. А вот и серые бастионы форта святого Георга, вокруг которого, собственно говоря, и вырос Мадрас. Еду туда. Вылупив мраморные глаза, на меня надменно смотрит лорд-мошенник, интриган и убийца Роберт Клайв. Тот самый Роберт Клайв, который прошел по трупам путь от младшего писца Ост-Индской компании до правителя Индии. Человек, которого англичане должны были бы стыдиться, возведен ими в ранг национального героя. В Калькутте во дворце «Виктория мемориал» стоит такой же мраморный истукан. Только, кажется, без шпаги. Форт святого Георга — свидетельство позорного величия колонизаторов — обитель тяжких напоминаний для каждого индийского патриота. У церкви святой Мэри, в которой читали свои полуграмотные проповеди капелланы-пираты, носившие на теле вместе с крестом кистень или нож, несколько могил. «Он любил солдат» — написано на одной из белых плит. Любил солдат и истреблял ни в чем не повинных людей. Любил солдат и насиловал страну, которой навязывал себя и свою цивилизацию...

Мадрас возник вокруг форта как чужеродное, искусственное образование на теле страны. Время посте-

пенно выветривает эту чужеродность, сглаживает уродливые язвы, вписывает город в индийскую современность. Но в окрестностях огромного города вы найдете множество следов древней, не тронутой завоевателями культуры. Совсем рядом с Мадрасом — Канчипурам, столица королей династии Паллавов, город тысячи храмов, построенных в VI—VII веках. Гигантские, покрытые множеством скульптур трапециевидные храмы возвышаются над скопищем жалких лачуг, как бы прорастают сквозь густой человеческий муравейник из глубин прошлого. Соседство величия прошлого с убожеством настоящего нередко наблюдаешь в Индии. Оно — прямой результат многовекового господства завоевателей. В 60 километрах к югу от Мадраса раскинулся Махабалипурам, который был при Паллавах процветающим торговым портом. Король Раджасимха воздвиг здесь семь храмов, из которых сохранился лишь один. Двумя черными многоступенчатыми пирамидами возвышается он у моря. Волны, которые до недавнего времени свободно гуляли в его нишах, прокатывались по его лестницам и внутренним помещениям, наполовину стерли барельефные изображения богов. Сейчас небольшая стена защищает храм от моря. Красоту Махабалипурама едва ли можно передать словами. Черный храм — лишь молчаливый и суровый страж у океана. А немного в стороне от него гигантские камни-останцы, превращенные в слона, льва, буйвола, и множество на скальных барельефов заставят вас онеметь от восторга. Это в недавнем прошлом пустынное место превращено в современный курорт — построено несколько гостиниц со всеми удобствами, автобусы все время доставляют из Мадраса группы туристов. Неподалеку от потрясающих глыб-скульптур разместились десятки лавчонок, торгующих ракушками, каменными фигурками богов, всевозможным тряпьем. Маленький, лет десяти-двенадцати торговец по-русски расхваливает мне свой товар: искрящуюся на солнце ракушку в виде слоновьего хобота. Другой мальчишка тоже по-русски зовет посмотреть битву мангуста с драконом. Третий спрашивает, не продам ли я ему одеколон. Старик предлагает обменять красивую, покрытую патиной бронзовую Парвати на бутылку водки.

Дорога на Мадрас идет мимо прекрасных пальмовых рощ, вдоль песчаных дюн. Иногда проезжаю через рыбацкие деревушки. Уже у самого города останавли-

ваюсь в тенистом парке у моря. В одной из его вилл, арендованных кино съемочной группой, у меня назначена встреча с Шиваджи Ганешаном. Кумиру тамильской публики пятьдесят пять, у него массивное, чуть одутловатое лицо, широкие плечи, крупные, тяжелые руки. Застаю его за едой. Он медленно запускает огромную пятерню в плошку с рисом, долго разминает его, потом обмакивает щепоть в жирный соус и тщательно заправляет ее в измазанный этим соусом рот.

Я жду недолго. Шиваджи Ганешан облизывает пальцы, на секунду опускает их в серебряную чашу с теплой водой и, как говорится, становится весь внимание.

Прошу его рассказать о себе.

— Мой дед был первым индийцем, получившим должность железнодорожного офицера, — с гордостью сообщает он. — А мать моя была его одиннадцатой дочерью. Я родился в ста милях от Мадраса, в Виллупураме. Мой отец был великим националистом. Его арестовали в день моего рождения, я впервые его увидел, когда мне исполнилось четыре года. Когда мне стукнуло семь, я впервые увидел уличное представление. Это была пьеса о народном герое Каттабоммане. В один прекрасный день я убежал из дому и примкнул к бродячей труппе. Женщин в ту пору среди артистов не было, и мне поручались женские роли... Потом вырос, стал настоящим актером. Сыграл различные роли в 240 фильмах. Я не супермен, я обыкновенный человек. И играю роли обыкновенных людей — отцов, братьев, мужей. Я никогда нигде не учился — практик до мозга костей. Играю в фильмах на языках тамили, малаялам, телугу, каннада и хинди. Но читаю только тамильские социальные романы. У меня четверо детей, шестеро внуков. Происходим мы с женой из касты чола. Живем большим кланом — около 60 человек в одном доме... Вот, собственно, все.

Он замолкает, будто пытаюсь что-то вспомнить, потом добавляет:

— Я часто играю националистов. Я сын националиста, и во мне течет националистическая кровь.

Он, как и многие тамильцы, получает некое удовлетворение от самого звучания этого слова. Раньше он состоял в партии Дравида муннетра кажагам (ДМК), сейчас является депутатом нижней палаты парламента от партии Индийский национальный конгресс (И). Пра-

вящая партия, конечно, считает это большой удачей, ибо нет в Тамилнаду человека более популярного, чем он. Впрочем, еще более популярным является М. Г. Рамачандран, главный министр штата. Рамачандран в прошлом был членом ДМК, потом ушел из нее, основал новую партию — Анна дравида муннетра кажагам (АДМК), которая ныне является правящей в штате. В городе огромной кинопромышленности — Мадрасе, который по ежегодному выпуску фильмов давно перегнал Бомбей, актеры играют заметную роль в политической жизни. Победа партии Рамачандрана на выборах в законодательное собрание штата во многом была предопределена его личной популярностью. Он создавал в фильмах образцы борцов за справедливость, его герой неизменно защищал интересы народа и делал это с блеском. В сознании людей образ героя слился с образом актера. Народ поверил, что бесстрашный и мудрый человек, столько раз являвшийся ему с экрана, будучи главным министром, сумеет совершить чудеса. И Рамачандран стремится оправдать надежды людей.

По происхождению он не тамил, а малаяли, и этим широко пользуются его политические противники. Рамачандран, однако, не теряется. «Да, я родился как малаяли,— соглашается он.— Но когда болел и был на краю гибели, друзья-тамилы дали мне свою кровь. И теперь в моих жилах течет тамильская кровь».

Тамильский патриотизм стал притчей во языцех повсюду в Индии. Впрочем, теперь нередко можно услышать о дравидийском патриотизме. Речь идет об общих корнях народов, населяющих индийский юг. Тамилы считают себя наиболее строгими блюстителями «дравидства». В отличие от других дравидов, в принципе готовых принять хинди в качестве официального языка, тамилы категорически против этого возражают. Борьба против распространения хинди обретает форму массовых митингов, демонстраций, забастовок. В свое время премьер-министр Индира Ганди, выступая в Мадрасе, успокоила тамильскую общественность, заверив ее, что не собирается навязывать хинди штату Тамилнад.

Когда летом 1983 года в Шри Ланке были спровоцированы столкновения на расово-национальной почве, о которых уже говорилось, весь Мадрас оделся в траур по погибшим ланкийским тамилам. Многотысячные толпы требовали от правительства вмешаться и защи-

тить тамилы Шри Ланки, а некоторые горячие головы пытались на лодках добраться до острова, чтобы помочь «своим».

Мы с Джаякантаном идем по набережной. Его длинные волосы развеивает ветер.

— Отказаться от собственной культуры,— значит отказаться от себя самого,— порывисто говорит он.— Я коммунист и верен идее интернационализма. Но это не значит, что все национальное может иметь лишь отрицательный знак. Мы знаем север лучше, чем он нас. Север не всегда понимает нашу заботу о сохранении родного языка.

Мы выходим к морю, Джаякантан здоровается с женщиной, плетущей сеть, оглядывает рыбацкие хижины.

— Меня считают известным писателем,— говорит он.— Но кому я известен? Наверное, лишь внуки этой женщины смогут прочесть мои книги и узнать о нашем времени. И конечно же, мне хочется, чтобы они прочли их по-тамильски...

Война невежеству

На встрече группы советских писателей с их индийскими коллегами в Дели шел разговор о судьбе национальной литературы в многонациональной стране. У Юрия Рытхэу спросили, каков общий тираж его произведений на различных языках народов СССР. Оказалось, что книг Рытхэу в Советском Союзе насчитывается семь с половиной миллионов. Это в пятьсот раз превышает численность его собственного народа — чукчей. Сообщение ошеломило индийских участников беседы. Не тем только, что представитель небольшого народа уверенно выходит на книжный рынок огромной страны, естественно и закономерно преодолевает национальные границы, но и тем, что спрос на произведения художественной литературы у нас бесконечен.

— Процент грамотности в Индии еще невысок, — с горечью заметил известный пенджабский прозаик К. С. Дуггал. — Тираж моей книги на родном языке едва достигает двух тысяч экземпляров, а в переводе на другие индийские языки — и того меньше. У нынешних писателей одна лишь надежда на будущие поколения, которые смогут прочесть их книги...

Я вспомнил Джаякантана и его слова, сказанные в рыбацком поселке. Никто не может сколько-нибудь точно предсказать, когда Индия преодолеет массовую неграмотность. Есть цифры, которые способны убить энтузиазм просветителей. По данным на 1981 год, из 683 миллионов индийцев грамотными были только 238 миллионов. Процент грамотности по сравнению с 1971 годом увеличился лишь на 6,67 — с 29,5 до 36,17. В своей программе развития страны из двадцати пунктов, дополненной в январе 1982 года, премьер-министр Индира Ганди предусматривала, в частности, серьезное расширение системы общего образования для возрастной группы от 6 до 14 лет с упором на охват большего числа девочек, а также широкое привлечение студенче-

ства к борьбе за ликвидацию неграмотности среди взрослых. Согласно этой программе, в 1983 и 1984 годах число детей, получивших начальное образование, увеличится на четыре миллиона. За это же время будет обучено грамоте около восьми миллионов взрослых. Иначе говоря, 10 миллионов человек так или иначе получат доступ к печатному слову, теоретическую возможность расширить свой кругозор, открыть для себя духовные ценности, о существовании которых они и не подозревали, без которых уже не могут жить люди в развитых странах.

Что такое 10 миллионов? Много это или мало?

Если учесть материальные и духовные затраты, которых потребует столь массовое озарение душ, — много. Если же сравнить 10 миллионов с индийским человеческим океаном — мало. Очень мало. Ежегодный прирост населения Индии составляет около 14 миллионов человек. Стало быть, в течение двух лет оно увеличится на 28 миллионов человек, тогда как число грамотных возрастет только на 10 миллионов. Вместо 445 миллионов неграмотных в стране будет лишь 435 миллионов людей, расписывающихся обмакнутом в краску пальцем. К этому числу надо добавить 28 миллионов родившихся. Получится 463 миллиона! Разумеется, если отбросить детей дошкольного возраста, число неграмотных представится не столь удручающим. И все же...

Разговаривая с индийскими писателями, я всегда вспоминаю эти цифры. Ведь вся литературная борьба, все эстетико-художественные споры, все открытия мастеров словесности и борцов за гуманизм отгорожены от основной массы народа глухой стеной неграмотности. Многие индийские авторы известны за рубежом куда больше, чем у себя дома. Счастливее других, наверное, поэты, лучшие стихи которых рано или поздно превращаются в народные песни, и авторы сценариев коммерческих фильмов, собирающих огромную массу зрителей самого различного культурного уровня.

У проблемы грамотности есть немало других, не менее важных аспектов. Индия развивается стремительно, живя при этом одновременно и в космическом, и в каменном веке. Она осваивает сложные современные производства, осуществляет «зеленую революцию» в сельском хозяйстве, занимает передовые позиции в мировых океанографических исследованиях, пробивается в космос. Но использует она для всего этого лишь не-

большую часть творческих сил своего народа. Темпы борьбы за ликвидацию неграмотности существенно отстают от требований, которые предъявляет развитие страны.

Причин у этого отставания несколько — коснусь лишь одной, быть может и не самой главной, но сегодня практически неустранимой. Официальными языками Индии являются английский и хинди. Срок «временных» полномочий английского языка несколько раз продлевался, ибо, как уже известно читателю, некоторые южные штаты не желают признавать в качестве официального языка хинди. В то время как североиндийские языки имеют санскритскую основу, южные базируются на дравидийской. Комитет национальной интеграции предложил систему трехязычного обучения: школьники в северных штатах учат свой, английский и один из южных языков. На юге — свой, английский и один из северных. Предложение это не нашло пока полной поддержки. Многие считают трехязычную систему чересчур громоздкой. Но и действующая двуязычная (свой плюс английский) достаточно сложна. Тут хоть одной письменности надо научить, а требуется — двум. Причем второй, английской, надо обучить одновременно с этим языком, которым не владеет и десять процентов населения.

Кроме того, государство пока не способно обеспечить всеобщее бесплатное образование. Обучение в начальной школе, охватывающее возраст от 6 до 11 лет, стоит, в зависимости от его характера, от 20 до 120 рупий в месяц, в средней и двух степенях высшей школы — от 11 до 18 лет — 120—150 рупий в месяц. Это не по карману еще очень многим родителям.

Существует, правда, гибкая система льгот для представителей наиболее отсталых, так называемых «спичочных» каст и племен. Но она не снимает проблему, а лишь несколько облегчает ее решение. Кстати, в газетах не раз проскальзывали сообщения о том, как представители высоких каст пытались выдать себя за хариджанов, чтобы поступить вне конкурса в колледж или платить за обучение лишь тридцать процентов положенного для всех прочих.

Серьезным тормозом всеобщего распространения грамотности является широкое использование детского труда в деревнях. Крестьяне, еле сводящие концы с концами, не могут подчас обойтись дома без детских рабо-

чих рук. Словом, решение проблемы грамотности связано с решением множества других социальных, экономических, политических проблем, стоящих перед Индией.

Я ехал в пестром потоке машин по мадрасской Маунт-роуд. Вглядывался у светофоров в полуголых детей, атакующих остановившиеся машины с мольбами о бакшише. Сядут ли они когда-нибудь за парты? Снова смотрел издали на незаметные, будто бесплотные хижины рыбаков. Едва ли кто-либо из их обитателей слышал не только о Джаяконтане, но и вообще о том, что существуют книги. Кое-где на стенах домов углем и мелом были начертаны лозунги оппозиционной партии ДМК, на которые не обращали внимания ни рикша, ни грузчик, ни рыбак, ибо прочесть их не могли. Но вот небольшая группа собралась у зеленоватого бюстика, изображающего лидера оппозиционной партии Карунаидхи, и начала, видимо по чьей-то подсказке, скандировать лозунги со стен. Когда-нибудь дети или внуки этих людей сами напишут свои лозунги. В этом вопросе у правящей АДМК едва ли есть особые расхождения с оппозицией. Рамачандран не только неоднократно призывал к борьбе против неграмотности, но и внес в нее свой вклад. Штат Тамилнаду преподал хороший пример всей Индии. При поддержке центрального правительства власти добились того, что еще недавно казалось невероятным. Как сообщил министр просвещения штата господин Араганаягам, школьным обучением охвачено в Тамилнаду 94 процента детей от 6 до 14 лет. Однако, как подчеркнул он тут же, около 33 процентов детей по различным причинам покидают школы в течение первых пяти лет обучения.

Министр принял меня в своем кабинете в помещении Мадрасского университета. Он казался озабоченным, и спартанская обстановка — узкая койка для отдыха, тумбочка с лампой и тяжелый широкий стол — лишь подчеркивала напряженность его работы. Поминутно звонил телефон, у двери терлись посетители самых разных возрастов — вполне современные джентльмены при галстуках в пиджаках и люди из толпы в застиранных дхоти. Третьим в кабинете был господин Риян, руководитель отделения так называемого «неформального» образования, включающего в себя систему вечерних школ для взрослых. Здесь, в обстановке походного штаба, он чувствовал себя уверенно, привычно. Господин Риян и его департамент получили в 1982 году еже-

годную премию ЮНЕСКО имени Крупской за успехи в борьбе против неграмотности взрослых. Он с гордостью показал мне массивную медаль с условной женской фигурой.

— Главная наша задача — покончить с неграмотностью возрастной группы от 15 до 35 лет, — сказал он. — Я имею в виду в первую очередь частичную неграмотность людей, по тем или иным причинам бросивших начальные школы. Для этого мы и создаем пункты неформального образования. Вы знаете, что центральное правительство в своей двадцатипунктовой программе наметило к 1990 году обучить грамоте примерно 100 миллионов взрослых граждан страны.

— Наш друг получил премию Крупской за подлинную массовость работы, — с улыбкой прервал Рияна министр. — Пункты обучения взрослых возникли у нас повсюду. В одном только чинглепутском районе действует 500 центров по ликвидации неграмотности среди женщин. Плюс к этому — 350 школ для женщин из списочных каст. Это особенно важно, ибо отсталые касты и племена больше, чем кто-либо, нуждаются в ускорении прогресса. В наших инженерных колледжах мы резервируем для списочных каст и племен до восемнадцати процентов мест. Однако еще недавно, в 1977 году, представители наиболее отсталых слоев общества не могли заполнить зарезервированные для них места. Они оказывались способными сдать лишь 35 процентов экзаменов. За короткий срок положение изменилось. Сейчас списочные занимают почти все отведенные им места и сдают до 80 процентов экзаменов. Но самой острой остается по-прежнему проблема начального образования. Наше общество, сохраняющее кастовые пережитки, порой трудно мобилизовать. И хоть нет сейчас в Тамилнаду ни одной деревни, в которой не было бы начальной школы, далеко не каждый крестьянин соглашается посылать туда детей. Правительство штата привлекает к школьному строительству крупные капиталовложения. По сравнению с другими штатами у нас дела обстоят более или менее благополучно. Сейчас вот мы провели унификацию начальных школ. Большая часть их государственные, но есть и частные, находящиеся под нашим контролем. Очень важно, чтобы преподавание шло всюду по единой программе.

Господин Риян снова заговорил о возрастной категории 15—35 лет. За последние три года в вечерних

центрах неформального обучения овладели грамотой более миллиона человек. В ближайшие 8—9 лет он надеется покончить с неграмотностью этой возрастной группы.

Я вышел на улицу. Мадрас показался мне более светлым и просторным, чем час назад. Верткий паренек лет 14 продавал у светофора выходящую на английском газету «Хинду», резко выкрикивая новости, которые, очевидно, считал главными: умерла юная кинозвезда, сошел с рельсов поезд, индийская команда травяного хоккея победила команду Японии.

— Ты сам прочитал все это? — спросил я, покупая газету.

— Конечно, сэр, — с гордостью ответил он. — Я занимаюсь в вечерней школе.

— Если лед тронулся в Тамилнаду, почему бы ему не тронуться в других штатах, — подумал я.

Невидимые стены разрушая

На голове у женщины покоился пузатый глиняный горшок, а на нем — вторым этажом — стояло обмотанное веревкой ведро. Лицо ее закрывала полупрозрачная косынка. Шла она легко, непринужденно, стройная фигура, казалось, не испытывала тяжести ноши.

— Дочка, — сказал, мотнув головой в ее сторону, Шри Манге Рам. Крепкий еще мужчина, хоть и седой, Рам много лет исполняет обязанности главы панчаята — деревенского совета. Большинство жителей этой деревни, носящей имя Джакхаудах и расположенной в сорока километрах от Дели, в штате Хариана, — джаты. Но процентов тридцать — хариджаны. Читатель уже не раз встречался с ними в этой книге.

Те из хариджанов, кто не имеет земли, работают в основном на кирпично-черепичном заводе неподалеку. Помещика у них нет, а хариджаны — вот они. И Рам, как бы подтверждая свою мысль о том, что кастовой неприязни в Джакхаудахе нет, повернул в сторону сидевшего на земле старика большой изогнутый кальян, из которого только что с жадностью затягивался сам. Нас обступили женщины с сосудами на головах, дети, молчаливые мужчины, складывавшие в знак приветствия руки в узлах и ссадинах. Потом Рам решил показать мне, как вся деревня приводит в порядок принад-

лежащий общине пруд, и главную улицу заполнило шествие устремившихся за нами любопытных ребятишек.

Ни Манге Рам, ни его друг хариджан Галурам, только что удостоенный чести приложиться к кальяну джата, ничего не слышали о Кафалте в штате Уттар-Прадеш или о Рампур-Ганголи в штате Бихар. Им вообще ничего не известно о насилиях над хариджанами, газет они, как и жители знакомой читателю деревни Сурана, не читают. Когда я рассказывал — качали головами, охали, разводили руками. Между тем упомянутые мною деревни ничем не отличаются от Джаххаудаха или Сураны. Такие же женщины с горшками на головах и кольцами на пальцах ног, такие же старики с кальянами, такие же мазанки и дворы.

В Кафалте крестьяне из касты тхакуров потребовали, чтоб жених-хариджан, которого несли в паланкине к хариджанскому храму, продолжил свой путь пешком, ибо путь этот лежал через тхакурское село. Жених отказался нарушить обычай. В результате началась драка. Четырнадцать хариджанов были загнаны в дом одного из них, а дом был подожжен. Шестеро пленников сгорели живьем. Остальных, успевших выпрыгнуть в окна, растерзала толпа разъяренных тхакуров. В Рампур-Ганголи подручные местных помещиков убили хариджана Шаиди Пасвана, отца руководителя деревенского отделения крестьянского союза Ашевара Пасвана, отомстив последнему за его деятельность в защиту безземельных.

Каждый случай расправы с хариджанами прогрессивная индийская общественность воспринимает как оскорбление принципов, на которых строится республика. Вся страна с ужасом рассматривает в газетах фотографии изуродованных трупов. Разумеется, читающая страна. Политические деятели обвиняют друг друга в попустительстве насилию. В парламенте депутаты гневно требуют от правительства положить конец жестокостям на почве кастовых предрассудков. «Начнем наступление на кастеизм», «Покончим с нравственной проказой!», «Освободимся от проклятия прошлого!» — взывают заголовки статей в прогрессивных журналах. Несмотря на широкую гласность, на сравнительную легкость выявления преступников в деревне, где все на виду, изуверы, убивающие хариджанов, чаще всего избегают возмездия.

Тяжелое положение хариджанов вызывает все боль-

шую тревогу у прогрессивно мыслящей Индии. Эта тревога весьма обоснованна. Мрачное наследие прошлого широко используют в своих интересах внешние силы, пытающиеся дестабилизировать обстановку в Индии, подорвать ее внутреннее единство. В печати не раз публиковались сообщения о крупных средствах, направляемых индийским мусульманским организациям определенными кругами Пакистана, некоторых арабских стран и исламских объединений Лондона и Европы, связанных с транснациональными монополиями. Эти средства, исчисляемые, как утверждают, миллиардами долларов, предназначены для массового обращения в ислам доведенных до отчаяния хариджанов. Переход в ислам создает у них иллюзию освобождения от постоянных унижений. Весть об обращении в ислам всего населения деревни Минкашипурам под Мадрасом обсуждалась многими газетами и еженедельниками. И конечно же, она была темой взволнованных речей в парламенте. Зарубежные поборники распространения ислама планируют в ближайшие 5—10 лет обратить в эту религию 80 миллионов хариджанов. Не имея ничего против ислама как такового, парламентарии, однако, усматривают в такой перспективе огромную опасность для страны в целом. Ведь резкое изменение в количественном соотношении индусского и исламского населения в стране поведет к усилению столкновений на религиозной почве, затормозит процесс интеграции.

Призывы прекратить жестокости по отношению к хариджанам, реформировать индуистские религиозные установки, обеспечить хариджанам равенство с представителями других каст, приобрели в интерпретации некоторых индусских ортодоксов коммуналистскую окраску: не надо, мол, заталкивать хариджанов в ислам.

Сейчас, пожалуй, нет политической партии, которая не была бы согласной с тезисом правительства о необходимости создания эффективной системы защиты хариджанов.

Десятки раз написав это слово, я до сих пор не расшифровал его с достаточной полнотой.

Кто же такие хариджаны и от кого их надо защищать? Этот вопрос я задал профессору университета имени Джавахарлала Неру Бипану Чандре, пользующемуся огромным авторитетом в области социологии и общественных наук. Однако для того, чтобы его ответ

прозвучал для читателя убедительно, мне придется кратко описать систему варн и каст, существующую в Индии с незапамятных времен, упоминаемую и в древних ведах, и в «Махабхарате». В одном из гимнов Ригведы варны, соответствующие крупным сословиям, уподоблялись частям человеческого тела. Брахманы — его рту, кшатрии — рукам, вайшья — торсу, шудра — ногам. Так делила Ригведа социальные функции между соответственно духовенством, военными, торговцами и рабочим людом. С возникновением новых сфер деятельности, с развитием общества варны стали делиться на касты и подкасты. Сложность и многоплановость социального развития повела к образованию жестких перегородок между отдельными кастами. Стали появляться все новые и новые касты, в большинстве своем уже не имевшие прямого отношения к варнам.

Крупнейшие политические деятели Индии всегда подчеркивали, что кастовое деление является тормозом общественного развития. Отмежевываются от него и некоторые религиозные ортодоксы, утверждающие, что кастенты просто-напросто неправильно понимают Ригведу.

Премьер-министр Индии Индира Ганди постоянно выступала против всех форм национального и кастового разобщения. Она не раз провозглашала борьбу против коммунизма одной из главных забот своего правительства.

Возникновение так называемых «неприкасаемых» явилось одним из самых тяжелых последствий кастовой дифференциации в Индии. Махатма Ганди резко выступал против дискриминации «неприкасаемых», считал неприемлемым даже этот термин. Именно он ввел в обиход выражение «хариджан», что значит «дитя бога».

После завоевания Индией независимости начался медленный и трудный процесс ослабления кастовой обособленности. Он стал интенсивно развиваться в городах. Процесс урбанизации внес отрядные изменения в кастовые отношения. Люди вместе учатся, вместе работают, у них все больше общих интересов, никак не связанных с их кастовой принадлежностью. Аграрные реформы, ограничение крупного землевладения, осуществление правительственных программ помощи беднейшим слоям населения несколько улучшили положение списочных каст и племен. Списочные получили известные льготы, о некоторых из них читателю уже

известно. Существуют определенные нормы представительства хариджанов в выборных органах и государственных учреждениях. Однако, как заметил один из моих собеседников, ни эти льготы, ни отмена неприкасаемости индийской конституцией и предоставление хариджанам широких гражданских прав не смогли ликвидировать кастовую нетерпимость. Она проявляется в индийской жизни на каждом шагу, постоянно создает острые конфликты. На протяжении многих недель вся Индия с волнением следила за драматическими событиями в штате Гуджарат. Студенты, представлявшие высшие касты, начали кампанию протеста против решения правительства штата о продлении практики резервирования мест для детей хариджанов в Ахмедабадском медицинском колледже. Состоятельные брахманы, поддержанные правыми организациями, развернули настоящую травлю хариджанов штата. Дело, как всегда, не ограничилось криками. Кастовые фанатики сожгли 24 дома хариджанов в деревне Уттарсанда. В ответ рабочие-хариджаны 65 текстильных фабрик Ахмедабада объявили забастовку протеста. Волна насилия прокатилась по Гуджарату. Резко осудив экстремистов, правительство заявило, что оно и впредь будет продолжать политику резервации мест в учебных заведениях для хариджанов и представителей других отсталых и угнетенных групп населения.

В 1981 году, когда крупные землевладельцы направили на батраков-хариджанов, потребовавших два килограмма риса вместо одного на семью за день работы, банду головорезов и погибло 24 человека, тогдашний министр внутренних дел, нынешний президент Индии Заил Сингх предложил в парламенте вооружить хариджанов в тех районах, где их жизни и имуществу создавалась угроза.

Но вернемся, наконец, к вопросу, который я задал профессору: кто же такие сегодня хариджаны и от кого их следует защищать.

Бипан Чандра формулирует свой ответ как педагог, пытаясь быть предельно точным и вместе с тем хорошо понятым.

— Хариджаны, составляющие около четырнадцати процентов населения Индии,— это в основном, безземельные и малоземельные крестьяне, подвергающиеся жестокой эксплуатации со стороны средних и крупных землевладельцев. Часть их уходит на заработки в го-

рода, где также подвергается страшной эксплуатации. Сложность вопроса состоит в том, что в эксплуатации труда хариджанов в деревне принимает участие и некоторое количество бедняков, принадлежащих к высоким кастам. Защищать хариджанов надо прежде всего от крупных землевладельцев и кулаков, а с бедняками их надо объединять, объясняя и тем и другим коренную общность их интересов. Попытки объединять хариджанов исключительно на кастовой основе — против более высоких каст — могут объективно быть только реакционными. Некоторые политические партии как раз и пытаются затушевать классовые противоречия путем выпячивания кастовых. Этим же занимаются и крупные землевладельцы.

Одни правительственные меры по защите хариджанов, какими бы эффективными они ни были, не смогут уничтожить кастовую дискриминацию в стране. Борьбу против этого чудовищного явления должен вести весь народ Индии. Каждый гражданин в меру своих сил должен противодействовать кастовому произволу.

Практика жизни показала, что в тех районах страны, где коммунисты пользуются большим влиянием, кастовость не вызывает столь острых конфликтов, как, например, в Бихаре. В Тривандраме, столице Кералы, я разговаривал с членом исполнительного комитета керальской организации КПИ Унникришнаном.

— Проблемы хариджанов у нас сегодня практически нет. Но это не значит, что с кастовыми противоречиями в целом покончено. Различные формы кастовых предрассудков живут даже в рабочей среде, нанося вред рабочему классу, подрывая его единство. Мы ведем постоянную работу по разъяснению сути кастовых предрассудков. Главным объектом нашего внимания является, конечно, молодежь. Она лучше всего воспринимает марксистско-ленинскую идею классовой сущности общественных отношений. Верное средство в борьбе против кастовых предрассудков и пережитков — укрепление классового самосознания трудящихся.

Унникришнан, несомненно, прав. Однако трагедии, вызываемые кастовым разделением общества, когда речь идет не о хариджанах, не всегда имеют определенно классовую подоплеку. По количеству Ромео и Джульетт Индия, несомненно, занимает первое место в мире. До сих пор вступление в брак людей из разных каст практически невозможно. Любящие, как правило,

не в состоянии разрушить баррикады из нелепых пред-
рассудков, условностей, страха, которые возводят меж-
ду ними их родители. Вот почему меня так удивили и
обрадовали «смешанные» браки на Андаманах. В брач-
ных объявлениях, которым некоторые газеты посвяща-
ют полосы, после желаемого возраста, характера буду-
щего супруга обязательно указывается требуемая ка-
стовая принадлежность. Лишь однажды я заметил, что
«женщина сорока лет недурной наружности» в послед-
ней строке своего объявления подчеркнула: «кастовая
принадлежность не имеет значения».

Кастовые отношения имеют и ряд других аспектов:
они влекут за собой кумовство, изнурительную борьбу
отдельных групп в коллективах, интриги.

— Наше право исключает кастовые различия, запре-
щает кастеизм,— сказал мне известный юрист, адвокат
верховного суда Р. К. Гарг.— Однако реальная жизнь
такова, что законы иной раз оказываются бессильными,
легко побеждаемыми предрассудками. Успехи в борьбе
против кастовости, конечно, налицо. Она, однако, жива
и продолжает осложнять борьбу за консолидацию и ин-
теграцию индийского общества. Постепенно мы ра-
зозвоним железные объятия прошлого, уйдем от конвоя
вековых пережитков. Новая жизнь разрушит невиди-
мые стены, разделяющие наш народ. Она их уже раз-
рушает.

Индия спасет своих женщин

Когда раджа области Джхунджуну в Раджастхане
пал в борьбе с мусульманскими завоевателями, его же-
на совершила древний обряд сати— сожгла себя на
смертном костре мужа. Произошло это шесть столетий
назад. Рани (княгиня или королева) как бы возродила
уже тогда угасавший обычай. И это было своеобразной
религиозно-политической демонстрацией. Поэтому ин-
дусские ортодоксы причислили ее к лику святых.

Она вошла в историю под именем Рани Сати, в ее
честь стали слагать религиозные гимны, воздвигать
храмы.

Много воды утекло с тех пор. Прогрессивная обще-
ственность Индии во все времена боролась против же-
стокого, освященного религиозными фанатиками обы-
чая, согласно которому жена не имеет права жить по-

сле смерти мужа. Полторы сотни лет назад обряд сати был строго запрещен. И конечно же, запрет действует и сегодня. Тем не менее и сегодня вдова, с точки зрения ортодоксов, женщина, живущая незаконно, презренная, общение с ней оскорбляет. К ней испытывают чувство брезгливости. В священных местах для вдов отводят отдельные помещения, чтобы, не дай бог, не смешались они с остальными верующими. Но и ортодоксы десятилетиями не заикались о необходимости возродить сати. И вдруг в газетах стали появляться сенсационные сообщения о совершении сати в различных районах страны. Эпидемия сати была спровоцирована крикливыми призывами мракобесов к «очищению от скверны безверия», к «возвращению под сень законов предков».

В старом Дели, неподалеку от Красного форта, я видел толпу женщин в нарядных сари. У каждой на голове был кувшинчик со святой водой, которой надлежит окропить себя перед тем, как броситься в костер. Одна изящная рука придерживала на голове символ мрачного обычая, другая, сжатая в кулак, грозила невидимым оппонентам. Женщины яростно скандировали требования «свободы сати», первым шагом к которой было бы строительство храма Рани Сати на улице Чандничоук. Но к Чандничоуку демонстрантки из религиозно-коммуналистской организации «Рани сати сарва сангх» пройти не смогли. Путь им преградила другая женская демонстрация, несшая транспарант с лозунгом: «Долой сати — мрачное наследие прошлого, да здравствует эмансипация женщин!». Эту демонстрацию, как я узнал позже, организовала Национальная федерация индийских женщин.

Спор о том, сжигать или не сжигать себя живьем, не был, конечно, решен во время столпотворения на подходе к Чандничоуку. Он продолжается и сейчас. И это происходит в последней четверти XX века. Как близко к нынешнему дню подкралась дремучая индийская древность!

Индийская женщина... Лучистый взгляд из-под огромных ресниц, мелодичное позвякивание браслетов на ногах в медленном танце, движения, исполненные грации и изящества, божественный взлет рук, сплетение тонких пальцев, унизанных кольцами... А вот и другая, несущая на голове корзину со щепенкой и при этом улыбающаяся весело и жизнерадостно. И третья, босая, обернутая рваным сари с ребенком на бедре, лишенная

возраста, иссушенная солнцем и ветром... И четвертая, в белоснежном халате, прикладываящая стетоскоп к груди старого крестьянина... И пятая, в красных сапожках со шпорами, сидящая на купленном за бешеные деньги арабском скакуне... В стране, где классовая дифференциация развивается стремительно, женщины, естественно, выглядят по-разному. И все же судьба огромного большинства индийских женщин схожа. Она порой настолько тяжела, что даже сати может оказаться для женщины избавлением от более страшных мук.

Ежедневно в газетах появляется по несколько сообщений о гибели молодых женщин.

«Аша Рани, 20 лет, дистрикт Курукшетра, штат Хариана, находилась на третьем месяце беременности, когда родители мужа заперли ее в сарае, а сарай подожгли. Скончалась от ожогов в больнице...»

«Канта Рани, 25-летняя хариджанка из Дели, была изувечена своим мужем и его родителями. У нее сломаны обе ноги...»

«Рита Шарма, 26 лет, Канпур, штат Уттар-Прадеш, ослеплена и задушена родителями мужа...»

Все эти женщины — жертвы безжалостного обычая по имени «дахедж». Буквально слово это означает «приданое». Но перевод здесь ничего не может объяснить. Дахедж, или по-английски даури, — это миллионы и миллионы семейных трагедий. Это побоища, убийства, шантаж. Это ежедневное, ежеминутное унижение женщины. В отличие от приданого в европейском понимании дахедж выплачивается не только перед свадьбой. Родители мужа и после свадьбы в течение многих лет продолжают бессовестно обирать семью жены, взыскивая с нее «долг» по приданому. Если молодой человек получил образование, его родители включают в дахедж общую сумму денег, уплаченных ими за обучение своего чада.

Приехав в Индию, я в тот же вечер попал на свадьбу: коллега повез меня показывать вечерний Дели, и путь нам неожиданно преградила красочная процессия. Жених, украшенный ярким тюрбаном, с саблей на боку, верхом на белом коне, с обязательным мальчиком перед собой в седле, возглавлял огромную пеструю толпу, которая медленно двигалась к месту торжества. На всем пути следования оркестр из молодых людей в малиновой униформе играл бравурную музыку. И также на ходу кружились в буйной пляске мужчины, женщины

и дети. Так жених с гостями прибыли во временные хоромы из грубой красной ткани, устланные внутри дорогими коврами. В палаточном дворце сидела в кресле разряженная и смущенная невеста. Гигантский шатер — обязательное условие индийской свадьбы. Иначе не разместить сотни гостей. Затем началось энергичное поглощение бесчисленных яств.

Рядовая свадьба в Дели обходится в 50—100 тысяч рупий. По жестокому обычаю, запрещенному законом, но живучему, семья невесты берет на себя не только большую часть этих расходов, но и выплачивает семье жениха дахедж в 30—50 тысяч рупий. Эти деньги люди начинают копить, как только у них рождается девочка. Всю жизнь они выплачивают долги, в которые пришлось залезть во время свадьбы дочери.

Прожив в Индии некоторое время, я стал иными глазами смотреть на красочные свадебные шествия, сопровождаемые яркими форсуночными светильниками: экзотичность зрелища перестала увлекать, вспоминались ежедневные трагедии на почве невыплаченного дахеджа, фотографии изуродованных женщин в газетах.

...У Гиты доброе, нежное лицо. Левое крыло акуратенького носика украшает гранатовая сережка. На ней накрахмаленное белое сари — она медсестра. Огромные миндалевидные глаза покраснели от слез, потупились. Замужем она уже год. Сегодня утром ее муж, мелкий чиновник одного из ведомств, публично избил ее во дворе. За то, что ее родители еще не купили ему мотороллер в счет недоплаченного дахеджа.

— Домой я больше не пойду, — тихо говорит она. — Боюсь, что меня просто убьют. А к матери не могу — не велит обычай... Тогда уж точно убьют...

В ее словах нет никакого преувеличения. Часто женщину убивают просто для того, чтобы снова жениться и получить новый дахедж. История моей знакомой Гиты — типичный случай. На него никто не обратит внимания, пока молодую женщину не сожгут, заперев в сарае, или не удавят в постели. Тогда в газетах появится короткое сообщение о случившемся. Полиция начнет следствие, которое не даст «необходимых доказательств». Впрочем, и этого может не произойти. С мая 1982 по июнь 1983 года в Дели сгорело 610 женщин. А следствие велось лишь по сорока случаям. И лишь в одном судья Аггарвал, которого печать объ-

явила героем, вынес смертный приговор Шакунтале Дэви, Лакшману Кумару и Субхасу Чанду — свекрови, мужу и свояку убитой ими беременной двадцатилетней женщины Судхи. Аггарвал распутал заговор, в который убийцы втянули врача и полицию, чтобы доказать, что Судха сгорела на кухне в результате несчастного случая. И общественность восприняла это как огромную победу, как обнадеживающее начало в борьбе против зверств на почве дахеджа. Прошло, однако, немного времени, и приговор был отменен!

Дахедж проклиняют и правительство и оппозиция, ему объявили священную войну многие общественные организации. Его запрещали в 1961 году. Его еще раз строго запретили законодательным актом в 1981 году. Однако подавляющее большинство населения даже не знает об этих законах. Я читал немало рассуждений о дахедже в индийских газетах. Предлагалась и предлагается целая система законов и правил, которая могла бы регулировать чудовищный обычай. Одни думают, что надо отбирать дахедж у родителей мужа и возвращать его родителям жены, если последняя умерла в течение шести месяцев после заключения брака. Другие считают необходимым ввести полицейскую регистрацию дахеджа и запретить его дальнейшую выплату после свадьбы. Газеты с восторгом сообщали, что в Бихаре правительство штата приняло предложение о награждении премией в размере 500 рупий лиц, сообщающих полиции и судебным инстанциям о нарушениях закона, запретившего дахедж во всех формах. Закон, принятый в 1981 году, запрещает «прямое или косвенное вознаграждение родителями жениха родителями невесты во время заключения брака». В дополнении к закону указывается, что выплата и принятие дахеджа могут караться шестью месяцами тюрьмы или штрафом в размере пяти тысяч рупий. Указывается также, что подарки и наличные деньги, врученные сторонами друг другу в момент заключения брака, не могут считаться дахеджем.

— Обойти этот закон ничего не стоит, — сказал мне преподаватель колледжа Дас Гупта. — Черный рынок ведь тоже запрещен, но существует и развивается. Дахедж никогда раньше не играл в Индии той роли, что сейчас. В сельской общине, где все знали друг друга и возможности каждого, дахедж мог иметь лишь символическое значение. Нынешний дахедж — порожде-

ние урбанизации в наиболее уродливой ее форме, результат разобщенности людей, не достигших еще городского уровня — материального и культурного, но живущих в условиях города... Прогрессивные организации должны, по-моему, бороться не только за укрепление законодательства, которое эффективно защитило бы женщину от варварских обычаев — старых или новых и от всех видов социальной дискриминации, но и за массовое просвещение среди женщин. Женщина должна быть не только свободной, но и способной пользоваться своей свободой.

Да, законы сами по себе беспомощны, если не обеспечить их действие всей практикой жизни. Есть, например, законы о защите имущества замужней женщины, о помощи материнству, о равной компенсации за равный труд. Однако платят женщине на практике гораздо меньше, чем мужчине. Предприниматель выгадывает, нанимая женщин в качестве каменотесов или разнорабочих, ибо платят им вдвое меньше, чем мужчинам. Тысячи и тысячи женщин Раджастхана, занятые на каменных карьерах далеко не женским трудом, получают за него «женскую» плату. А что говорить о двух третях индийских женщин, которые заняты тяжким трудом сельскохозяйственных рабочих и подвергаются наиболее жестокой эксплуатации?

Я беседовал с Вилмой Фаруки, генеральным секретарем Национальной федерации индийских женщин. Маленькая, энергичная пожилая Вимла сказала, что в борьбе за независимость Индии женщины принимали горячее участие.

— И вот теперь, через три с половиной десятилетия после того, как независимость была завоевана, наши женщины продолжают жить в кандалах предрассудков, подвергаются феодальному гнету. Для того чтобы освободить женщину, надо прежде всего обеспечить ей экономическую независимость. Сознание женщин, занимающихся общественно полезным трудом, намного выше сознания домохозяек. Работницы различных предприятий не хуже мужчин понимают свой классовый долг, им хорошо знакомо чувство классовой и профессиональной солидарности. Они остро воспринимают наши призывы к борьбе против феодальных пережитков, и в частности против дахеджа. Конечно, женщины не всегда еще готовы к трудовой деятельности вне семьи, не всегда готовы к свободе, которую декларируют наши зако-

ны. Поэтому наша организация придает огромное значение воспитательной работе, просвещению. У нас есть более двух тысяч специальных школ, в которых женщины не только овладевают алфавитом, но и приобретают навыки в различных ремеслах. Женщинам помогают там поверить в свои силы.

Я вспомнил учебный комплекс для девочек в Сринагаре, созданный мистером Даром, и убежденность последнего в грядущей эмансипации женщин в Индии.

Легендарная Аруна Асаф Али, президент Национальной федерации индийских женщин, главный редактор журнала «Линк», лауреат международной Ленинской премии «За укрепление мира между народами», женщина, прошедшая через долгие годы подпольной работы, через застенки английских колонизаторов и сегодня отдает все силы борьбе за социальную справедливость, за освобождение от мрачных пережитков.

— Мы стремимся довести до сознания женщин мысль о том, что многое в их судьбе зависит от них самих,— подчеркнула она. Женщины не должны, не могут оставаться равнодушными к тому, что происходит в Индии и во всем мире. Повышение их роли в общественной жизни есть и путь их освобождения.

Все чаще в печати встречаются сообщения об участии женщин в забастовках, о поддержке, которую они оказывают прогрессивным общеполитическим кампаниям. Роль женщины в жизни страны несомненно возрастает. Процент грамотности среди индийских женщин весьма низок — 23. Но ведь в 1971 году он составлял лишь 18,4. Средняя продолжительность жизни индийской женщины увеличилась за это время от 51 до 54 лет. Но женщин в стране по-прежнему намного меньше, чем мужчин,— на 23 миллиона. В последнее время все большее число женщин занимает места в центральном правительстве и в правительствах штатов. Есть они и среди заместителей министров центрального правительства. Да и тот факт, что правительство гигантской страны на протяжении многих лет возглавляла женщина, весьма символичен.

Выступая однажды на массовом митинге, эта женщина призвала своих сестер создать мост между прошлым и будущим, который позволил бы совершить как можно более быстрый переход к обществу равноправия. Этой женщины больше нет. Но страна помнит ее завет. Страна спасет своих женщин.

Королева бандитов покидает трон

Мальчик кричал:

— Папа, папа! — Он плакал и не понимал, почему его сильный и смелый папа целует грязную ногу усатого бандита в тюрбане. — Папа, они убьют меня! — кричал он, пытаясь освободиться от женщины, выламывавшей его тонкую ручку. Вдруг мальчик осекся. Он увидел, как бандит в тюрбане заносит шашку над головой его отца. — Я с тобой, папа, — сказал он тихо и закрыл глаза, чтобы не видеть, как катится по траве отца голова. — А теперь убейте меня, — прошептал он, не открывая глаз. В ответ раздался похабно-торжествующий хохот.

Этот эпизод описан еженедельником «Блиц». Перелистывая индийские газеты и журналы, ежедневно наталкиваешься на такого рода истории. Бандиты, или, как их здесь называют, дакойты, не только останавливают автобусы и легковые автомобили и грабят пассажиров. Они отрезают у людей носы и уши, выкалывают им глаза, садистски унижают, прежде чем убить. Отряды дакойтов совершают налеты на села, истребляют представителей каст и племен, которые считают враждебными, насильно увозят с собой молодых людей и девушек. Их потом «вяжут кровью», то есть заставляют совершить на глазах у всех первое убийство.

Дакойтизм в Индии имеет долгую историю. Его происхождение связывали и с кастовой враждой, и с крестьянскими бунтами против англичан и помещиков-мироедов, и с самими помещиками, которые нередко формировали банды для расправы с крестьянами, протестовавшими против тяжелых условий труда. Нередко разгромленные отряды повстанцев уходили в леса, грабя поначалу лишь богачей и постепенно превращаясь в обыкновенных дакойтов.

После провозглашения независимости робингуды исчезли, ибо сузилась база для социального недовольства в деревне. Закон, как уже говорилось, взял под защиту хариджанов-батраков, значительно ограничил размеры землевладений. Исчезли некоторые специфические условия возникновения дакойтизма, но не исчезли сами дайки. Газеты приводят немало цифр, связанных с дакойтизмом, но поручиться за них не могут. В одних штатах число преступлений возрастает, в других — сокращается. Число зарегистрированных убийств в наибо-

лее пораженном дакойтизмом штате Уттар-Прадеш за три года — с 1978 по 1981 — сократилось, по данным «Экспресс мэгэзин», с 5328 до 5068 в год.

Больше всего дакойтов в долине Чамбал, на стыке штатов Уттар-Прадеш и Мадхья-Прадеш. Тысячи бугров, поросших кактусами и редким кустарником, высокие песчаные дюны, выветренные скалы и груды камней-останцов не дают возможности видеть далее чем на десять-пятнадцать метров вперед. Местность создает идеальные условия для тех, кому нужно скрываться от правосудия. Именно здесь, в долине Чамбал, орудовала Пхулан Дэви, прославившаяся вдруг на всю страну.

Слова «королева дакойтов» долгое время не сходили с первых полос газет. Ими открывались подборки фотографий в иллюстрированных журналах. Молодая женщина в военизированном костюме цвета хаки с волосами, перевязанными красной косынкой, вручает свою винтовку главному министру штата Мадхья-Прадеш Арджуну Сингху. Со специально сооруженной трибуны она, подняв руки, приветствует 20-тысячную толпу. Вот она снимает с пояса шашку и отдает тщедушному полицейскому. А рядом — гривастый дакойта, тоже в полувоенной робе цвета хаки — ее любовник Ман Сингх.

За голову этой двадцатилетней улыбчивой особы, напоминающей героиню мелодраматического индийского фильма, было обещано 150 тысяч рупий. Банда ее была неуловимой и наводила ужас на села, примыкающие к долине Чамбал. Именем безжалостной Пхулан жугали детей.

Историю Пхулан журналы, опубликовавшие множество ее интервью, рассказывают по-разному. Приведу лишь то, что приблизительно совпадает во всех источниках.

Она родилась в бедной многодетной семье в деревне на берегу Джамуны. В пятнадцать лет была изнасилована хулиганами из касты тхакуров. Затем отец, скрыв это, выдал ее замуж за пожилого селянина. Через два дня тот вернул ее отцу. Для индийской деревенской девушки нет большего позора. Отторгнутая и порицаемая всеми, она сошлась со своим двоюродным братом. На какое-то время ее оставили в покое. Ей было 16 лет, когда дакойты совершили налет на деревню, где она гостила у тетки. Два обросших головореза бесцеремонно ощупывали и осматривали ее. Один уже взялся было за кончик ее носа и вынул нож, но второй

его остановил. После долгих переговоров Пхулан обещала принадлежать обоим, если они пощадят ее младшего брата. Викрам и Гуджар стали ее «мужьями». Потом Викрам возревновал и, убив Гуджара, сделался единоличным обладателем бойкой девчонки. Он был главарем шайки, и, когда погиб, его функции перешли к Пхулан, уже успевшей завоевать авторитет в банде. Впоследствии она назначила своим «мужем» наиболее удалого из разбойников — Ман Сингха. Чуть меньше четырех лет командовала она бандой, в которой была самой молодой. У нее имелись кое-какие «принципы»: она никогда не причиняла вреда людям из касты маллан (лодочников), к которой принадлежит сама, и с особой злостью расправлялась с тхакурами. В деревне Бехами ее банда зверски уничтожила двадцать тхакуров.

— Тхакуры хуже собак, — заявляла Пхулан в нескольких интервью. Точно так же она охарактеризовала полицейских штата Уттар-Прадеш. Не случайно она сделала все, чтобы не попасть в руки уттарпрадешской полиции, от которой ей не поздоровилось бы, и предпочла сдать властям Мадхья-Прадеша. В ходе длительных переговоров она выдвинула 27 требований-условий. Одно из них — гарантия, что она не будет повешена, другое — предоставление ее младшему брату возможности работать.

Церемония сдачи была весьма торжественной и напоминала чуть ли не встречу лидеров двух дружественных держав. Пхулан поклонилась изображению богини Дурги, коснулась рукой туфли главного министра, надела ему на шею гирлянду цветов. Бил барабан, шумело людское море, звучали речи, гремели овации.

В гвалиорской тюрьме, куда доставили банду, Пхулан отказалась поселиться в женской половине и ей разрешили остаться со своими «соратниками». Ее посещали десятки журналистов, родственники и даже деятели кино. Пхулан приняла актрису из Голливуда Сюзи Боно. Последняя с восторгом объявила, что они с Пхулан «стали сестрами», что Пхулан милостиво разрешила ей «воссоздать ее образ в фильме». «Жертва общественной несправедливости», «гордая мстительница», «женщина, бросившая вызов миру» — как только не характеризовали королеву бандитов статьи и репортажи! Кто-то лил слезы умиления в связи с ее неприкрытым поведением, кто-то восхищался ее откры-

тым взглядом, кто-то призывал «пощадить ее молодость»...

В этом шумном хоре тонули трезвые голоса. Они между тем раздавались, и, когда улеглось возбуждение, вызванное сенсацией, общественное мнение стало на них реагировать. Да, у Пхулан было тяжелое детство, да, на путь преступлений ее толкнула чудовищная судьба, да, она во многом — жертва социальных обстоятельств. Но это все не может служить основанием для воспевания женщины, повинной во многих убийствах. И сама церемония сдачи бандитки властям, и последовавшее «живописание» ее «подвигов», и превращение гвалиорской тюрьмы в салон, в котором пятьдесят убийц вели светскую жизнь, принимая многочисленных индийских и иностранных визитеров, как справедливо подчеркивала прогрессивная печать, нанесли обществу существенный ущерб. Путь Пхулан может показаться молодым людям путем к славе, который лежит через убийства и грабежи. Сразу же после сдачи Пхулан в Уттар-Прадеше недалеко от Канпура объявилась некая Кусума Наин, носящая, как и Пхулан, красную козынку на лбу и брюки цвета хаки и командующая созданной ею бандой.

Сторонники «дружественных переговоров» с бандитами, однако, считают, что почетная капитуляция шайки Пхулан может указать путь и другим бандитам. Ведь кочевая жизнь в вечном страхе не столь уж сладка, и если дорога преступникам в общество не будет отрезана, они ступят на нее и прекратят разбой. В подтверждение этого тезиса сообщается, что матерый дакойта Рамеш Сикарвар, прячущийся со своей бандой в той же долине Чамбал, после совершения 75 тяжких преступлений готов, по примеру Пхулан, превратиться в кроткую овечку и сдать властям штата Мадхья-Прадеш...

— Почетная капитуляция — лишь один из способов в борьбе с дакойтизмом, — говорит мне Дивакар Ачария. — Но это не единственный, да и не главный путь. Магистральное направление — предотвращение зарождения новых банд, улучшение условий жизни людей, эффективное выполнение правительственной программы из 20 пунктов, особенно той ее части, которая касается социальных отношений в деревне. Ну и, конечно, полиция спать не должна...

Мистер Ачария 35 лет проработал в полиции, пройдя

по служебной лестнице все должности снизу доверху. Главным образом в Утгар-Прадеше. В его активе более ста лично им пойманных и обезвреженных бандитов. Инсульт вынудил его выйти в отставку. Голос у него сильный и громкий, но произносит он слова медленно, они долго скрипят и рокочат у него в горле, заставляя рот кривиться и вдруг округляться.

— Капитуляция бандитов — дело не новое, — замечает он. — Лет пятьдесят назад, еще при англичанах, примерно в тех же местах, что и Пхулан, орудовал наш индийский Робин Гуд по имени Султана. Он отдал себя и четыре сотни своих дружков в руки властей в обмен на обещание молодого полицейского отправить его сына на учебу в Англию и воспитать, как своего собственного. Полицейский сдержал обещание...

Он вспоминает, как окружил дом, в котором прятался известный дакойта Исмаил, как арестовал крупного землевладельца Суреша Сингха, натравившего дакойтов на собственную пожилую родственницу, после убийства которой ему перешла бы по наследству ее недвижимость, как был ранен...

Мой собеседник считает, что заслуженную кару несет пока что не более десяти процентов дакойтов. Кое-где дакойты находятся в сговоре с полицией или имеют широкие возможности ее шантажировать. Все это, разумеется, в огромной мере осложняет работу центрального правительства по ликвидации бандитизма.

— Всю жизнь я воевал с бандитами, — с горечью констатирует он. — Но вывести их до конца мне так и не удалось. Может быть, мои молодые коллеги будут удачливее. Скорее всего, им будет по плечу уничтожение банд. Времена ведь меняются стремительно, в индийской жизни все меньше остается места для дакойтов.

Я покидаю старого и прямого как жердь офицера. На задке двухэтажного автобуса замечаю рекламу духов «Пхулан»... Мне кажется, что я слышу голос мальчика, зовущего на помощь отца. Мальчика, о котором я прочитал в «Блитце». Кровожадная Пхулан покинула свой трон, чтобы имя ее засверкало на этикетках духов и губной помады. Но стоят на дорогах дакойты с кривыми саблями. Они стоят на пути новой Индии, которая раздавит их и сомнет. Дакойтизм, так же как и кастеизм, предрассудки, коммуналистская вражда, обречен. Прав мистер Ачария — для него нет места в новой индийской жизни.

И станет земля добрей

По междурядью идеально возделанного поля идет, широко раскрыв навстречу мне объятия, улыбающийся бородач в малиновом тюрбане. Это мой давний знакомый Джагджит Сингх Хара, президент ассоциации молодых фермеров, один из самых известных земледельцев в Пенджабе, да и во всей Индии. Его огромную и вместе с тем ладную фигуру очерчивает изысканный костюм цвета беж европейского покроя. Безупречная английская речь, взгляд, выражающий живой интерес к собеседнику, непринужденное достоинство, сквозящее в интонациях и жестах. Его ферма, а точнее, ферма, принадлежащая ему и трем его братьям, занимает 40 гектаров в нескольких километрах от большого промышленного города Лудхиана, с которым читатель уже немного знаком. Лудхианский сельскохозяйственный университет, в котором мы побывали, был и продолжает оставаться одним из главных штабов так называемой «зеленой революции». Именно отсюда она пошла по стране, благодаря чему Индия за четверть века в два с половиной раза увеличила производство зерновых.

Мистер Хара и его коллеги — творцы «зеленой революции» и одновременно ее произведение. Лудхианский сельскохозяйственный университет испытывает на ферме мистера Хары новые, высокоурожайные сорта зерновых, которые затем распространяются с быстротой молнии по всей стране. Здесь применяются самые передовые методы агротехники. Около 60 центнеров пшеницы с гектара дает это хозяйство. А риса — еще больше.

Мистер Хара с гордостью показывает мне новую трубчатую оросительную систему, аккуратно сложенные мешки с гипсом, который используется для борьбы с засолением почв, испытательные посадки нового сорта пшеницы ПиБиВи-12, два своих 45-сильных трактора марки «Махиндра» индийского производства. Замечает, между прочим, что число тракторов в штате Пенджаб достигло 150 тысяч. Потом ведет меня в усадьбу, угощает ледяным виски с водой, и я, сидя в уютном холле, увешанном современными картинами, долго листаю фотоальбом, отражающий короткое пребывание хозяина дома в Ташкенте.

Интенсификация производства зерновых, начатая два с половиной десятилетия назад, в штатах Пенджаб

и Хариана — не единственный источник успехов Индии в развитии сельского хозяйства. К ним активно причастен и государственный сектор экономики.

Я рассказал читателю о Суратгархской ферме, созданной в 1956 году в раджастанской пустыне. Она в 260 раз превышает по своей площади хозяйство мистера Хары. Ее считают крупнейшим механизированным хозяйством в Южной и Юго-Восточной Азии. Она построена при содействии СССР и оборудована советскими сельскохозяйственными машинами. На ней долго работали советские специалисты. И многие агрономы Суратгарха повысили свою квалификацию в советских агротехнических комплексах. Ферма располагает мощной технической базой, тесно связана с крупными научными центрами.

О феномене быстрого развития сельскохозяйственного производства в Индии написано немало статей и исследований. Это развитие и внушительно, и поучительно. И все же в последние годы здесь все чаще раздаются призывы к второй «зеленой революции».

Да, Индия действительно почти не зависит сегодня от импорта продовольствия. Да, индийские ученые, использовав в качестве генетического материала некоторые мексиканские и местные разновидности пшеницы, создали высокоурожайные сорта, которые внедрены на 75 процентах площадей под пшеницей. Да, они добились того, что высокоурожайные сорта риса, созданные на базе филиппинских, тайландских и японских сортов, успешно произрастают на 50 процентах площадей под рисом. Да, за четверть века производство зерновых увеличилось в два с половиной раза. Но население страны за это время тоже увеличилось почти вдвое. В то же время, как сообщил выступая в парламенте, министр планирования С. Б. Чаван, 304,6 миллиона человек, то есть почти половина населения страны, живут за так называемой «чертой бедности», причем 252,8 миллиона из этого числа — сельские жители. Таких «но» множество. В двух-трех сотнях километров от идиллически красивой фермы мистера Хары в штате Уттар-Прадеш вы можете увидеть верблюдов, тянущих соху по крошечному полю, идущих за ними жилистых, черных от солнца и пыли людей без возраста. Наряду с созданием и укреплением крупных хозяйств происходит дробление мелких, ведущее к обезземеливанию. Огромную часть безземельного хозяйства составляют хариджаны. Еще

немало людей болеет и умирает от систематического недоедания.

На ферме мистера Хары работает двадцать человек. Ему нужно вдвое больше, но найти сельскохозяйственных рабочих в чистеньком Пенджабе не так-то просто. Охотников мало. А везти людей из штатов, где существует аграрное перенаселение, нерентабельно. Да и вряд ли подойдут мистеру Харе по своей квалификации бихарские хариджаны — темные, как правило, больные, незнакомые с техникой. Так что и деревня индийская, несмотря на первую «зеленую революцию», как и страна в целом, живет одновременно в разных столетиях.

Однажды на совещании главных министров штатов Индира Ганди призвала к более полному использованию резервов увеличения сельскохозяйственного производства, к новому мощному наступлению на фермерском фронте. Этот призыв был встречен с пониманием. Речь шла и о повышении эффективности фермерских хозяйств, и о наделении безземельных крестьян, там, где это возможно, хоть небольшими, в 10—15 бигхов, участками, и о создании человеческих условий жизни и труда списочных каст и племен. В известной читателю деревне Сурана это делается. Но тысячи и тысячи других деревень ждут своего часа.

Сложность проблемы состоит в том, что генеральные, стратегические задачи стране приходится решать одновременно с задачами текущими, которые сами по себе требуют огромного напряжения сил. В рекордном 1981/82 сельскохозяйственном году урожай зерновых в Индии составил 133,06 миллиона тонн — на 3,5 миллиона тонн больше, чем в предыдущем году. Средний ежегодный прирост производства зерновых на протяжении ряда лет не превышал 2,8—3,1 процента. В целом в Индии собирают два урожая. Один урожай сезона хариф, продолжающийся с мая по декабрь, другой — сезона раби, охватывающего период с января по апрель включительно. В сезон хариф выращиваются по преимуществу рис, кукуруза, сорго, табак. В сезон раби — главным образом пшеница, ячмень, горчица, овес. В 1982/83 сельскохозяйственном году из-за неожиданных и небывалых дождей погибла значительная часть обоих урожаев. Примерно пять миллионов тонн было потеряно. Такие непредвиденные замедления темпа возможны, разумеется, и в будущем. Их, однако, едва ли нужно драматизировать. Учитывая масштабы стихий-

ных бедствий, можно лишь удивляться сравнительно небольшим масштабам потерь.

Вторая «зеленая революция», о которой часто говорят в общем плане и содержание которой до сих пор не определено, должна будет, по-видимому, коснуться не только методов агротехники, но и характера землевладения и землепользования, и общинно-кастовых барьеров, разделяющих индийское село.

В Индии насчитывается 70,5 миллиона крестьянских дворов или, точнее, землевладений. 40 процентов этих хозяйств располагает менее чем гектаром, 30 имеет от двух до пяти гектаров земли. А вот крупные землевладельцы, составляющие не более 15 процентов их общего числа, располагают 60 процентами всей обрабатываемой земли в стране. Это не может не вести к дальнейшей поляризации бедности и богатства. Ведь тот, например, факт, что за последние 15 лет общий объем искусственных удобрений, используемых в сельском хозяйстве страны, вырос в восемь с половиной раз, достигнув 6 миллионов тонн в год, почти никак не отражается на жизни и труде 70 процентов крестьянских дворов. Эти 70 процентов продолжают распределять буйволиный навоз на топливо — кизячные лепешки и удобрения.

Положение огромных крестьянских масс, до которых не дошло даже эхо «зеленой революции», продолжает оставаться предметом важнейшей заботы правительства и всех прогрессивных сил страны. Его широко обсуждают газеты и журналы, ему посвящают свои произведения писатели, из-за него с жаром критикуют друг друга парламентарии. Аграрные реформы в различных штатах по-разному ограничили размеры землевладений, в них действуют законы, защищающие интересы мелких землевладельцев, арендаторов, безземельных крестьян. Повсеместно осуждается нарушение земельных законов богатеями, использующими кастовые предрассудки в целях собственного обогащения, незаконно скупающими земельные участки и записывающими их на подставные имена. Борьба за реальные сдвиги в индийской «глубинке» — долгий, трудный, почти неуправляемый процесс.

Мы говорим об этом с мистером Харой и его гостем, профессором сельскохозяйственного университета К. С. Гиллом.

— Я всего лишь фермер,— замечает мистер Хара,—

Мое дело — работать на земле, перенимать и внедрять у себя все самое передовое. От социальных проблем я в общем далек, хотя они не могут не волновать меня как индийца.

Профессор Гилл, как и мистер Хара, носит сикхский тюрбан, но в соответствии с возрастом более скромных, серых тонов. Поглаживая белоснежную бороду, он внимательно прислушивается к беседе. Потом осторожно в нее вступает.

— Индия — единая страна, но лиц у нее много. Это касается всех сторон жизни, и земледелие не составляет исключения. Трудно сказать, каким будет дальнейший процесс развития. Очевидно, что социальные вопросы будут рано или поздно решены, ибо от этого зависит экономический прогресс. Очевидно и то, что наука наша будет продолжать бороться за внедрение новых методов и усиливать эту борьбу с каждым годом. Очевидно, что будет продолжать развиваться наше сотрудничество с советскими учеными. Мне доводилось знакомиться с их опытом выведения новых высокоурожайных сортов в Ленинграде, Харькове, Одессе. Один из этих сортов мы внимательно изучили в нашем университете и нашли возможным его использование для гибридизации. Кроме того, советские сорта подсолнуха...

Он, увлекшись, разворачивает передо мной стратегический план революции в деле выращивания подсолнечника. Я покидаю гостеприимную ферму мистера Хары. Неподалеку от Дели замечаю того же крестьянина с верблюдом, которого сфотографировал утром, часов десять назад. Его крошечное поле все еще не вспахано.

Кино, писатель, жизнь

Прерывистое дыхание Бомбея вы продолжаете ощущать и тогда, когда ваша машина вырывается на шоссе, по обеим сторонам которого жмутся друг к другу домики с палисадниками, и каменные башни, и колодцы, окруженные горячим грохотом транспорта, остаются далеко позади. В Бомбее почти нет просторных вилл, утопающих в зелени, характерных для нового Дели. Даже весьма состоятельные люди предпочитают здесь тридцатый или тридцать третий этаж в небоскребе со всеми удобствами и видом на море. И невзрачные домики на шоссе кажутся нелепой пародией на

комфорт прошлого. Лязг, рев и скрежет бесконечного потока грузовиков и автобусов сотрясает их до основания, заставляет пребывать в постоянном смятении.

В одном из таких домиков живет Ходжа Ахмад Аббас. В гремящем бомбейском водовороте он кажется таким же маленьким, хрупким и незащитным, как его домик: беспомощные белые кудряшки обрамляют лоб, переходящий в широкую лысину, верхняя губа под ниточкой усов по-детски оттопырилась, сквозь толстые очки, ловко оседлавшие мясистый нос, на вас глядят кроткие, застенчивые глаза. В первые минуты облик его приходит в некое столкновение с представлениями, порожденными его славой. И лишь спустя какое-то время, когда ваше ухо привыкает к его английскому произношению и вы под дребезжание стекол все глубже втягиваетесь в его одиссею, вы улавливаете поразительное сходство Аббаса с самим собой.

И вас уже не удивляет, что этот неторопливый 69-летний холостяк в течение 36 лет каждую неделю занимает своими острыми, едкими строками последнюю страницу журнала «Блиц», выступая одновременно с материалами другого жанра в двух популярных газетах, что он при этом написал три сотни коротких рассказов и десятки романов. И что, наконец, он создал 14 полнометражных фильмов, пять из коих удостоены высших международных наград. Я намеренно употребил слово «создал», ибо Аббас не только пишет сценарии фильмов, но и ставит их как режиссер. Он пишет обо всем — идет ли речь о фильме, романе, коротком рассказе или газетной статье. О трагических судьбах и неземной любви, об обманутых надеждах и подлых предательствах, о справедливой борьбе и тяжелых жертвах, о вере в будущее и безверии, о доброте и цинизме, о внешней политике и классовых столкновениях, о нищих и сильных мира сего, о людях искусства и обитателях трущоб. Как пишет? Захватывающе, стремительно, блистательно.

Его знают и Индия и мир. В Советском Союзе вышли в переводах на разные языки многие его книги. А его фильмы «Бродяга» и «Хождение за три моря» и сейчас вызывают добрые воспоминания у людей, которым под пятьдесят.

Сын юриста и внук поэта, Аббас родился в маленьком Панипате — неподалеку от Дели. 11-летним подростком переехал в Алигарх, город в Уттар-Прадеше,

который и сейчас сотрясают кровавые индо-мусульманские столкновения. Сколько сил, страсти, таланта отдал Аббас борьбе против религиозно-коммуналистской розни! Окончив университет, он стал выпускать газету «Алигарх опинион» на четырех полосах. Уже тогда, в 1935 году, проявилась его невероятная универсальность: он издавал газету один — сам писал обозрения, статьи и рассказы, сам набирал их вручную, сам ротировал и сам продавал. Делец из него, однако, получился никудышный — довольно скоро у него не стало хватать денег на покупку бумаги. И подался Аббас в Бомбей, где поступил в «Бомбей кроникл» — наиболее прогрессивную газету народнического толка.

Ритм бомбейской жизни и тогда был головокружительным и соответствовал внутреннему ритму молодого Аббаса. Но художественное осмысливание бомбейского материала он начал позднее. В первые годы тянули ощущения детства, влекла деревня. Тогда он написал рассказ «Борьба» — о крестьянине, близко подошедшем к пониманию гуманизма через сострадание к животным. Этот рассказ он и сейчас включает в свои сборники, хоть и мало в нем общего с сегодняшней густой, рвущейся на дыбы аббасовской прозой, которую он, кстати, пишет на трех языках — урду, хинди и английском.

Репортерская жизнь все плотнее сближала Аббаса с улицей. Особенно с вечерней бомбейской улицей, обнажавшей чудовищное неравноправие людей. Тогда-то и зародилось в нем намерение сделать фильм о бездомных.

— Больше всего меня поразило, что люди, спавшие на панелях и парапетах, ничем не отличались от остальных горожан, — вспоминает он. — И то, что они шутили, играли в карты, пили чай и радовались жизни, подчеркивало трагичность их удела.

Прошло, однако, около восемнадцати лет, прежде, чем Аббас, уже признанный мастер кино, выпустил фильм «Город и мечта», завоевавший Золотую медаль президента и премию в Карловых Варах. Фильм соединяет строгий реализм с острой символикой, горестное повествование с почти детективными сюжетными ходами. Когда на экране бульдозер, крушащий старые халупы, натывается на труп никому не известного Джонни, зритель уже знает, сколь велико отчуждение людей в грохочущем мегаполисе. Бульдозер соскабливает жуткий нарост нищеты, который, конечно же, скоро появит-

ся в другом месте, и объектив переносит зрителя на парадные улицы ночного Бомбея, по которым мчатся, преследуя друг друга, три автомобиля. Время от времени объектив приближает большую рекламу дуста над одним из зданий. Рядом с изображением насекомых вспыхивает неоновая надпись: «Дуст убивает их всех». Так же как отчуждение в его урбанистической разновидности убивает души людей. Обречены все, как и эти в визжащих машинах.

Первые годы творчества Аббаса были связаны с борьбой за независимость, которую в той или иной форме вела вся Индия. Это было время, когда Махатма Ганди проводил свои сатьяграхи, когда страна обретала новые моральные ценности и новые надежды. Быстро шел процесс классовой дифференциации. Аббас и тогда был остросоциальным журналистом, писателем и режиссером. Социальностью было проникнуто все его творчество.

— Я был настолько неосторожен, что сам себя связал внутренним обязательством не отступать от борьбы за человека, за его социальное раскрепощение,— замечает он.— Я делал фильмы со «звездами» и без «звезд», с песнями и без песен, коммерческие и некоммерческие, цветные, черно-белые, широкоэкранные. Но все они были социальными. Мне было бы намного легче работать над чисто бытовыми, любовными или просто развлекательными вещами. Но я хотел быть верным себе. Меня обвиняли в излишнем памфлетизме, в любви к пропагандистским эффектам. Но эти обвинения я мог бы с гордостью носить как кокарду. Когда на пороге независимости я задумал фильм «Город и мечта», меня волновала судьба бездомных бомбейцев. Когда через два десятилетия я сделал этот фильм, люди продолжали спать на панелях. Они продолжают это делать и сейчас, еще через два десятилетия, хоть и выросли новые дома и улицы, и общий рисунок города разительно изменился. И по-прежнему я в вечном долгу перед обездоленными...

Как-то Аббаса спросили, почему он делает иногда и коммерческие фильмы.

— Для того чтобы иметь средства на съемки некоммерческих,— ответил он. И тут же дал понять, что не видит какой-то непреодолимой стены между коммерческими и некоммерческими фильмами. Он рассказал, как привез однажды свою ленту «Дети земли» в родной Па-

нипат, показал ее землякам. Когда люди увидели на экране себя в своих грязных сари и дхоти, свой собственный убогий быт, они стали упрекать Аббаса. И так, мол, тошно жить, так еще и рассматривать эту жизнь заставляют.

Тогда-то и понял Аббас, как важна подготовленность зрителя к восприятию искусства. И как опасно возвращать к действительности тех, кто хотел бы отвлечься от нее, кого она изо дня в день подавляет.

Может быть, именно тогда и блеснула в нем мысль о жанре, который кинокритики назвали впоследствии аббасовским, о жанре, сочетавшем в себе острую сюжетность, головокружительные погони и драки, песни, которые распевает потом вся страна, с реалистическим показом жизни, с размышлениями о справедливости.

Сценарий фильма «Авара» («Бродяга») он написал для своего друга Раджа Капура. Главную роль в нем исполняла теперь уже покойная Наргиз, которую индийцы справедливо считают великой актрисой. С истинно аббасовским изяществом фильм соединял в себе то, что многие режиссеры сочли бы взаимоисключающим.

Впрочем, Аббас не считает, что в каждом случае следует поступать именно таким образом. Всякая ересь становится догмой, как только ее абсолютизируют, полагает он. И с большим уважением говорит о работе таких режиссеров, как Шьям Бенегал и Говинд Нихалани, представляющих реалистическую часть так называемой «новой волны». Другая часть «новой волны», то есть движения за некоммерческое кино, его не устраивает, ибо связана с абстрактным умствованием, далека от реальной жизни и борьбы за социальный прогресс.

В фильме «Две капли воды» Аббас рассказывает о раджастанском крестьянине Ганга Сингхе, ушедшем на строительство канала в пустыне. Дома в деревне умирает в это время его отец, подвергается поруганию его сестра, прозябает в нищете его молодая жена с ребенком. Все это Ганга Сингх мог бы предвидеть. Но это его не остановило, ибо верил он, что канал не только облегчит жизнь крестьян, но и очистит их души. «Две капли воды» — взволнованная повесть о человеке, преодолевшем социальную и национальную ограниченность, самостоятельно разорвавшем цепи предрассудков. Глубоко символична и его дружба с инженером

из Кашмира на строительстве канала. Вопросу о национальной интеграции Индии Аббас уделяет особое внимание.

Мы сидим в его маленьком домике, в котором хозяйничают его молодые ученики — актеры, писатели, журналисты. Один из них ставит перед нами кофе, другой достает из холодильника содовую.

— Главная моя вера — вера в человека, в его возможности, в его способность добиться торжества гуманистических принципов, — размышляет он вслух. — Остальное, как говорится, дело техники.

И с улыбкой добавляет:

— Я ведь не собирался делать фильмы. Меня вынудили. Я был кинокритиком. Ужаленные мною продюсеры стали грозить моему редактору прекращением рекламирования нашего издания. И тот, так сказать, вытеснил меня наверх — назначил редактором воскресного приложения. Но я все равно продолжал писать о кино. Продюсеры стали поносить меня в печати. Критиковать, мол, куда легче, чем писать сценарии. Я стал писать сценарии, продолжая громить бездарные фильмы. Тогда они запели другую песню. Сделать, мол, сценарий — это одно, а вот поставить картину... Пришлось преподавать им еще один урок. И пошло...

Аббас только что закончил двухтомный роман о рабочем классе. Но говорить о нем не хочет: сам не до конца понимает собственное детище. Телефонный звонок прерывает нашу беседу. «Блиц» просит Аббаса посвятить следующую статью для последней полосы коммуналистским столкновениям в Ассаме.

Прихрамывая, Аббас провожает меня до калитки. Прощаясь, говорит виновато:

— Но самого главного в жизни я еще не сделал. А времени мало...

Таких имен, как Аббас, в индийском кино немного. Разве что Сатьяджит Рей из Калькутты да тамильские звезды могли бы с ним поспорить о славе. Однако нынешний день индийской кинематографии выдвигает на передний план новые фигуры. Для тех, кто следил за развитием индийского кино в последние годы, не было неожиданностью присуждение высшей награды международного кинофестиваля в Дели фильму «Аакрош». Этот фильм отражает позицию большой группы сравнительно молодых мастеров, бросивших вызов коммерческому кино. Эта группа и породила «новую волну» в ки-

ноискусстве Индии. Вместо трехчасовой мелодрамы, включающей в себя множество убийств, погонь, заговоров, то и дело прерываемой долгими песнями и танцами, кинохудожники «новой волны» предлагают зрителю динамичный и напряженный рассказ о судьбе человека, ставшего жертвой социальной несправедливости, распутывают перед ним сложный клубок проблем, терзающих современное общество, пытаются определить вместе с ним действительные моральные ценности современности, постичь суть гуманизма.

«Аакрош», в частности, представляет собой трагическую киноповесть о бедняке одного из племен Махараштры по имени Лаханья. Его жену насилюют и убивают местные богатеи, объединенные круговой порукой. Сам Лаханья обвинен в убийстве жены и брошен за решетку. Он знает подлинных убийц, но отказывается отвечать на вопросы молодого адвоката, желающего ему помочь, так как боится, что сильные мира сего в отместку расправятся с его сестрой и отцом. Лаханья молчит, и это его молчание красноречивее любых слов. Это беззвучный крик муки и скорби, ярости и протеста. Само слово «аакрош» можно перевести как «крик гнева». Фильм вызывает к чувству справедливости, предъявляет обществу огромный моральный счет. «Аакрош» — первая режиссерская работа Говинда Нихалани. Он, однако, не новичок в кино. Прежде чем поставить самостоятельную картину, Говинд Нихалани проработал оператором ряда фильмов другого талантливого мастера — Шьяма Бенегала.

Почерки этих людей несхожи. Их, однако, роднит острая социальность, стремление исследовать природу сложных общественных явлений, зависимость психологии человека от его классовой принадлежности.

Одной из сравнительно недавних работ Шьяма Бенегала был фильм «Калиюг», что значит «Время распада». Речь в нем идет о двух семьях крупных промышленников, давно породнившихся, процветающих, живущих в утонченной роскоши. Блестящие молодые люди, их красавицы жены, их благообразные матери и отцы, произносящие торжественные проповеди в просторных гостиных, их обожаемые дети... Все это на первый взгляд имеет мало отношения к действительности, в которой живет гигантское большинство индийцев. Трудно сказать, когда именно зритель начинает чувствовать фальшь буржуазного рая на экране. Но происходит это

раньше, чем он обнаруживает, что «рай» расколот паутиной трещин на множество черепков, что семьи, связанные тысячью уз, находятся в состоянии войны друг с другом. Как-то незаметно улавливается связь между именами героев — Бхишма, Карна, Кунти, взятыми из «Махабхараты», в которой описывается борьба не на жизнь, а на смерть между двоюродными братьями Пандавами и Кауравами, и действием, во время которого промышленники-родичи наносят друг другу смертельные удары.

Намек на внешнее сходство сюжетов далекого прошлого и настоящего нужен авторам фильма для того, чтобы продемонстрировать их несходство по существу. Борьба Пандавов, проигравших свое царство в кости, диктовалась тогдашними принципами чести. Кровавая же драма, развертывающаяся на экране, порождена бесчестьем, жадной наживы, капиталистической конкуренцией, обусловлена распадом личности каждого из участников событий. В борьбе капиталиста нет правил — все средства хороши — от организации забастовки на предприятии конкурента до физического устранения противников. Мальчик, который юностью своей и неиспорченностью противопоставляется остальным персонажам фильма, погрязшим в интригах, случайно попадает в ловушку, расставленную для его старшего брата, гибнет в специально подготовленной автомобильной катастрофе. Смерть его глубоко символична: рядом с чудовищным пороком, в обстановке грязной и подлой борьбы чистота не выживает, не может выжить. Эпизод поражает зрителя. Полный моральный крах, к которому приходят обе враждующие семьи в конце фильма, закономерен. В какой-то мере фильм полемизирует с теми, кто утверждает, будто индийский капитализм отличается от классического большей гуманностью, будто политическая независимость страны сама по себе гарантирует ей социальную справедливость. Лишь мимоходом сталкивается зритель с рабочими пикетами, митингами забастовщиков, осененных красными флагами. И хотя забастовки и демонстрации являются в данном случае лишь эпизодами в борьбе двух могущественных семейств и рабочие вовлечены в них обманом, зритель понимает, что эти энергичные люди рано или поздно доберутся до истины и скажут свое веское слово.

Нередко мне приходилось слышать, что индийский зритель не станет якобы смотреть фильм, если в него

не включены песенные диалоги и танцы, исполняемые на фоне красот природы. Я с усмешкой вспомнил эти разговоры в зале кинотеатра, наблюдая, как реагировали люди на «Калиюг», в котором нет ни одной песни, ни одного танца. Люди страдали, возмущались, сжимали кулаки, качали головами. Люди жили тем, что происходило на экране.

С удивлением прочитал я в титрах имя Говинда Нихалани. Режиссер, обладатель «Золотого павлина» решил «тряхнуть стариной» и снова выступил в качестве оператора в фильме своего друга Шьяма Бенегала. Одну из главных ролей сыграл — и сыграл с поразительной достоверностью — Шаши Капур, брат хорошо известного в Советском Союзе Раджа Капура. Шаши Капур является и продюсером фильма «Калиюг», как, впрочем, и многих других лент Бенегала. До «Калиюга» Бенегал снял трилогию, состоящую из фильмов «Анкур», «Нишант» и «Мантхан». В этих фильмах он показал сложные характеры крестьян, и в частности хариджанов. Показал правдиво, с симпатией к их борьбе за свои права, но без сентиментального сюсюканья, столь часто наблюдаемого при обращении различных индийских авторов к этой теме.

Шьям Бенегал родился в Хайдерабаде. В кино потянулся еще в ранней юности. Но в то время в Индии не было учебных заведений, в которых можно было бы научиться ремеслу режиссера или оператора. Шьям учился в экономическом колледже. Потом ему помогли определиться в Бомбее на студию рекламных фильмов. Ассистентом режиссера. И сейчас я встречаюсь с ним на этой студии. Уже став признанным мастером, Бенегал продолжает делать иногда фильмы, прославляющие мыло или зубную пасту. Чтобы, как он говорит, постоянно сохранять форму.

Мы сидим в его кабинете-каморке, заваленном коробками с пленкой, оклеенном киноафишами. Хрипит и дребезжит старый кондиционер. Бенегал улыбается каким-то своим воспоминаниям, тербит черную бородку.

— Мне предлагали быть помощником режиссера в различных художественных фильмах, но я неизменно отказывался, — говорит он. — Я не мог согласиться с тем, что тогда делалось на бомбейских студиях. Не мог согласиться ни с одним эпизодом, ни с одним кадром. Я ждал своего часа и славил мыло. Ждал 12 лет.

В конце концов один из друзей вложил деньги в мою первую авантюру. С тех пор я делаю примерно по фильму в год. Мне уже 47, времени мало, но я не спешу.

Мы говорим — торопливо и бессистемно — о различиях в восприятии киноискусства на Востоке и на Западе и о том общем знаменателе подлинности, который делает эти различия несущественными, о все возрастающем влиянии кино на жизнь и представления различных слоев общества, о Сатьяджите Рее, Стенли Крамере. И о Донском, которого Бенегал считает одним из самых крупных мастеров в истории кино.

— Как я понимаю «новую волну»? — повторяет он мой вопрос. — Как первую серьезную попытку многих режиссеров, сценаристов, актеров вторгнуться в реальную жизнь. Первую общую попытку, потому что отдельные наши режиссеры и раньше прорывали бреши в застоне из развлекательно-декоративных фильмов, отделявшем их от массового зрителя. Жизнь вокруг нас полна острейших противоречий, которые требуют художественного осмысления. И осмыслить наше собственное развитие должны мы, больше никому. Наша страна добилась политической независимости, борется за независимость экономическую, но это еще не все. Нужна борьба за духовное раскрепощение, за освобождение от кастовой, национальной, религиозной ограниченности. Кино здесь может сделать многое. И уже делает. «Новая волна» становится все более крупным явлением. Этому способствует приток творческой молодежи — выпускников специальных учебных заведений, которых не было раньше.

Бенегал и его коллеги хорошо понимают силу своего оружия и обращаются с ним с чувством высокой ответственности. В условиях массовой неграмотности и слабого, лишь зарождающегося телевидения кино оказывается главным средством художественно-эмоционального воздействия на массы. Однако лучшую часть индийской кинематографии питает, конечно, литература. Я говорил о том, что кино, даже коммерческое, превращает порой хорошие стихи в поллино народные песни. И великая Амрита Притам с помощью кино и радио вошла в каждый индийский дом. Она пишет на своем родном пенджаби, ее переводят на все индийские языки. Впрочем, на севере песни на ее слова понятны и без перевода. Кино ли, радио — неважно что — донесло до миллионов и миллионов индийцев голос их со-

отечественницы, ее талант, пронзительно чистый и ясный, стал их достоянием, их любовью и гордостью.

Она говорит тихо, неторопливо, будто прислушиваясь к своим мыслям, глаза ее полны светлой печали. Сейчас ей 64, но тогда, в том благословенном и проклятом сорок седьмом, она была стройной и гибкой, и ситара, казалось, сама пела в ее сильных и нежных руках. Индия любит ее лицо и руки — и те, давние, и нынешние. Увидев Амриту Притам однажды, вы не можете забыть ее облик, поразительно гармонирующий со всем, что ею сделано.

Для нее, как и для большинства пенджабцев, сорок седьмой был и долгожданным, и страшным. Страна, добившаяся свободы, оказалась вдруг разделенной, первые же минуты ее независимости были отравлены чудовищной индо-мусульманской резней, спровоцированной уходившими колонизаторами. Раздел страны на Индию и Пакистан прошел по сердцу каждого индийского патриота. Ровесники Амриты Притам никогда не забудут об этой трагедии, не смогут отвлечься от нее. До сих пор по обе стороны границы люди готовы заплакать, когда звучат строфы ее поэмы о том времени. Она, как, наверное, никто, сумела выразить их чувства, которые были выше индусских или мусульманских, выше любой религии. В те страшные дни она впервые почувствовала себя писателем-гражданином. Разделу страны, тяжелой судьбе миллионов вынужденных переселенцев она посвятила тогда и роман. Само слово «партишн» — раздел она произносит с дрожью в голосе. Еще бы, ведь родилась она в местечке Гуджранвалла под Лахором, которое, как и Лахор, осталось по ту сторону границы.

Ей было десять лет, когда умерла мать. Братьев и сестер у нее не было. Одинокий отец мечтал, чтобы дочь пошла по его стопам — стала писательницей. Огромная его библиотека в лахорском доме была для нее местом первых детских раздумий, окном в необъятный мир. Уже в отрочестве Амрита обнаружила непреодолимую тягу к стихам. Но и проза влекла ее. Ее путешествие в мир острых социальных чувств, душевных драм, удивительных судеб и борьбы за справедливость началось в том далеком, навсегда покинутом Лахоре. Краски его и будни завладели ее душой. После раздела она не стала жить в той части Пенджаба, которая отошла к Индии, поселилась в Дели. Из-под ее пера вышло полтора десятка романов. Тысячи и тысячи стихотвор-

ных строк ее славят любовь, доблесть, братство. «Партишн» оказал огромное влияние на все ее последующее творчество: она стала яростным и стойким борцом против религиозной и коммуналистской розни во всех ее проявлениях. Ее герои всеми своими поступками, всей логикой поведения утверждают: любовь — высшее достояние человека, она в душе его занимает куда более существенное место, чем религия. Мракобесы предъявляли ей самое страшное в Индии обвинение — обвинение в атеизме. В ее романе «49 дней» мусульманка и индус любят друг друга. Отец девушки не только не препятствует ее браку, но и советует будущему зятю обратить ее в индуизм. Тот отказывается: нас, говорит он, связывает любовь, а это самое главное. Религия тут ни при чем.

Когда к Амрите Притам пристают с требованием разъяснить свое отношение к религии, она коротко отвечает: «Я верю в дхарму», то есть в систему этических норм, этического поведения индуса, которую, однако, едва ли стоит отождествлять с религией в целом.

Главным богатством человека она считает его способность чувствовать, сопереживать, любить, мечтать, эмоциональный заряд, которым обладает его душа. Люди постепенно утрачивали это богатство, ибо жили в стране, сотни лет простоявшей на коленях. И вот теперь оно медленно к ним возвращается. И все же:

Им кто-то ночью взламывает грудь,
украсть стремясь заветные мечты.
О, похититель, вечно проклят будь,
не смеешь ты касаться красоты!

— Какова общая черта индийской литературы наших дней? — спрашиваю я.

— Прозрение... Обретение огромного внутреннего богатства... Борьба не только за лучшую материальную жизнь человека, что естественно, но и за возвращение ему его исконных чувств — любви, терпимости, доброты. В Пенджабе ли, в Ориссе или в Карнатаке настоящий писатель и поэт зовут людей быть выше национальных, кастовых, религиозных предрассудков... Характерно, что такая направленность нашей поэзии и прозы прослеживается повсюду в стране, хотя произведения наши переводятся с одного индийского языка на другой редко и плохо. Мы знаем друг друга в основном по английским переводам, которые тоже не бле-

щут качеством... Почти все мои стихи — рифмованные. А в английском переводе рифмы исчезают...

Амрита Притам много путешествует. Она не раз была в нашей стране, посетила Болгарию, Чехословакию, Югославию, ездила в Лондон, Рим, Париж. В каждой стране она переводит на пенджаби десять стихотворений: «чтобы почувствовать и национальную систему образов, и стремления людей». Сдерживая волнение, вспоминает свое пребывание в Ясной Поляне, после которого написала «Песню о молчании»...

Популярность Амриты Притам, ее повсеместное признание в Индии — свидетельство быстрого приближения людей к подлинной современности, роста их самосознания. А разве не о том же говорит широкая известность Вишну Прабхакара? Как-то я поехал к нему в старый Дели.

Прошел мимо маленького храма с трезубцем Шивы, мимо женщины, выплеснувшей на мостовую мыльную воду из корыта, мимо сцепившихся велоколясок и их орущих друг на друга водителей, мимо горы бледно-зеленых арбузов и остановился в нерешительности. И вдруг сообразил, что нахожусь среди героев писателя, к которому шел. Я спросил у зеленщика, как найти дом господина Вишну Прабхакара, и тут же обрел десяток босоногих гидов-добровольцев. Популярность писателя стала для меня очевидной.

Он сидел в темноватой гостиной на топчане, подобрав под себя ноги. Он был в белой шапочке и дхоти. Глаза за толстыми стеклами очков смотрели на меня с интересом. На высокой полке в беспорядке толпились книги. На стенах висело несколько небольших деревянных рельефов, видимо кашмирских. Он представил мне двух посетителей — издателей из Бомбея, сидевших рядом с топчаном на стульях. Через несколько минут после моего прихода гости удалились.

Этого человека я давно уже знал по его книгам, вышедшим в Москве.

Я помнил, как в маленьком городке, в котором вот-вот должна была вспыхнуть индо-мусульманская резня, старейшина индусов врач Сундарлал вылечил умиравшего сына предводителя мусульман Махбуба и как этот эпизод освободил души людей от дурмана вражды и восстановил в городке мир. Я помнил убежавшего из дома мальчишку, возненавидевшего мать за то, что она вышла замуж вторично, мальчишку, который через во-

Семь лет вернулся в родное село с мыслью убить отца, но вместо этого вынес из огня его детей. Я помнил женщину, которая в последний момент расстроила выгодное замужество дочери, нашла в себе силы воспротивиться освященному веками подходу к браку как к торговой сделке.

Рассказы Вишну Прабхакара — это чаще всего мудрые притчи, сюжеты которых строятся на стечении исключительных обстоятельств, позволяющих обострить главную мысль. Основная идея его произведений в том, что подлинный гуманизм требует борьбы против религиозной розни, против уродливых законов феодального и капиталистического обществ, против кастовых предрассудков.

Особенно часто писатель выступает в защиту женщины, ее человеческого достоинства, ее права мыслить, выбирать жизненный путь, любить. Его творчество было замечено в свое время великим Прем Чандом. Перу Прабхакара принадлежат свыше 200 рассказов, десятки пьес, несколько романов; огромную популярность завоевала его книга об одном из талантливейших писателей Индии Сарате Чандра Чаттерджи «Авара масиха». Советский журнал «Совет лэнд», предназначенный для индийского читателя, присудил Вишну Прабхакару премию имени Неру, которая включает в себя поездку в СССР.

— Кто ваш читатель? — спросил я. — Как вы определяете его адрес, находите его в столь многоликой, многоязычной стране, в этом гигантском калейдоскопе национальностей, каст, религий, в этом водовороте различных, порой противоречивых интересов, стремлений, чувств?

— Я не ищу какого-то особого, только своего читателя, — ответил он. — Да и вряд ли есть резон даже мысленно «вербовать» себе читателя. Мои рассказы, судя по многим признакам, доходят и до ортодоксальных индусов, и до мусульман, к ним проявляют интерес и коммунисты. У нас в Индии литература стала одним из важнейших рычагов национальной интеграции, одним из самых мощных средств преодоления разобщенности, утверждения гуманистических идеалов. Тут одним адресом не обойтись. Хочу и пытаюсь апеллировать ко всем, кто вместе со мной переживает судьбы людей, из которых состоит народ... И еще — в такой стране, как наша, очень важно утвердить в сознании

людей принципы терпимости, способствовать развитию более широких взглядов на жизнь.

— Недавно был реорганизован и возрожден созданный в 50-х годах и пришедший в последнее время в упадок Национальный комитет интеграции, призванный усилить борьбу за ликвидацию каст и кастовых различий. Что вы думаете по этому поводу?

— Комитет — хорошее дело, — улыбнулся писатель. — но ведь кастовая система терзает нашу страну уже три тысячи лет. Шаги, которые предпринимает правительство, чтобы смягчить остроту кастовых конфликтов, конечно, похвальны. Однако достичь результатов здесь можно лишь путем ежечасной, ежеминутной работы — идеологической, политической. Вместе с тем нужны и жесткие меры. Вы, конечно, читали — следствие по делу об убийстве большой группы хариджанов в Бихаре еще практически не ведется...

Я читал. Зверское убийство нескольких крестьян из хариджанов в деревне Пира прогрессивная индийская общественность глубоко переживает. Хариджанов убили изуверы, нанятые землевладельцами. Только за то, что они потребовали увеличения платы за труд.

— Преодоление кастовости — самая трудная проблема, — продолжал Вишну Прабхакар. — Но и менее сложные задачи на пути национальной интеграции требуют многолетней кропотливой работы, огромных всенародных усилий. Взять хотя бы вопрос о государственном языке. Я пишу на хинди, свободно владею бенгальским, гуджарати, маратхи. И разумеется, урду. Вопрос о том, какой язык в конце концов станет у нас государственным, меня лично не так уж волнует. Тем более что в переводах мои книги читают повсюду в Индии. Но для миллионов бенгальцев или тамиллов это весьма большой вопрос. Интеграция — процесс долгий и мучительный. Вы посмотрите, что происходит в Ассаме и других штатах северо-востока! Экстремисты требуют изгнания так называемых иностранцев, составляющих чуть ли не половину населения штата, главным образом бенгальцев, эмигрировавших с территории нынешней Бангладеш с 1951 года, грозят выйти из Индийского союза. Всякого рода сепаратисты, поддерживаемые извне, терроризируют население. И все это — в рамках общего процесса интеграции. Слово «раштра» можно понимать и как «нация», и как «государство». Наша раштра выковывается с большим трудом... На фоне та-

кой вот сложной борьбы за единство развивается и другая борьба. Стране ведь надо решать гигантские задачи по преодолению вековой нищеты, хотя в этом плане проведены уже известные преобразования, но задача продолжает оставаться острой...

Писатель умолк. Тяжелая тень опустилась на миг на его лицо. Слишком запутан и тяжел клубок проблем, которые Индия должна решить во что бы то ни стало. И конечно же, за всем этим кастово-национальным камуфляжем просматривается процесс усиленной, ускоряющейся день от дня классовой дифференциации. Именно она в конечном счете наполняет жизнью, консервирует и усиливает все другие виды отчуждения. И это понимают некоторые герои Вишну Прабхакара. Доктор, вызванный к больному полицейскому, застрелившему когда-то его сына, шедшего во главе антиколониалистской демонстрации, говорит: мой сын стремился выполнить свой долг, а вы, начальник полицейского участка, выполняли свой. Разница лишь в том, что один хотел разбить цепи рабства, а другой — укрепить их.

Я хотел напомнить Прабхакару этот его давний рассказ — «Болезнь», но не успел.

— Я не коммунист, — сказал он. — Я разделяю основные принципы индуизма, хотя и не приемлю религиозной и всякой иной ограниченности. Но я твердо убежден, что люди в России счастливы. Счастливы по большому счету, ибо жизнь их озарена настоящей целью. Я очень ясно это ощутил во время своих поездок по Советскому Союзу.

Человек в белой шапочке-топи рассуждал о вещах, которые имеют для него принципиальное значение. Смеялся, перебивал себя и меня, шутил, мрачнел, волновался и неожиданно затихал. Уже начало смеркаться, когда он пошел провожать меня. К дверям моментально сбежались мои босоногие тиды, те самые, которые привели меня к дому мастера.

— Вы спрашивали о моих читателях, — просиял вдруг Вишну Прабхакар. — Вот они. Все они. Я ведь и для детей пишу. И буду считать себя абсолютно счастливым, если мои рассказы хоть в небольшой мере помогут вывести их души на орбиту человечности.

Аббас, Бенегал, Амрита Притам, Прабхакар лучше других слышат зов будущего, знают верный и добрый путь к нему, вселяют надежду в сердца людей.

«Сэкьюлэр демокраси»

Горбатая корова лениво разлеглась посреди площади, со всех сторон окруженной лавками. Старик в красном тюрбане, шевеля губами, отмеривает специальной бронзовой мерой-пиалой белоснежный рис «басмати» и высыпает его в мешок надменного, пижонистого слуги. Тощий чиновник долго торгуется, покупая яблоки. Продавец в модной кофте с безукоризненно подстриженными бакенбардами обрызгивает из стакана нарезанные дольками ананасы, дабы не теряли они товарного вида. Три школьницы в голубых пелеринах переходят площадь по диаметру. Кто-то выплескивает из мясной лавки ведро с помоями. Часовщик, разложивший на лотке корпуса часов, ремешки и браслеты, играет в шашки-камешки с галантерейщиком. Трое парней, вымазав тело пеплом и прицепив сзади изогнутые хвосты, изображают войско обезьяньего вожака Ханумана... Утро, солнце, тишина. Типичная картина в типичном индийском городке: все улыбаются, все довольны жизнью и друг другом.

Трудно представить себе, что день или два назад на этом пятачке лилась кровь, шел кулачный бой, падали, задыхаясь в предсмертном крике, дети. Как-то, едучи в Канпур, я задержался на полдня в Алигархе, который очень походит на описанный выше абстрактно-индийский город. Там было все: и корова посреди площади, и торговцы, игравшие в шашки, и школьницы в пелеринах, и улыбавшиеся зеленщичики. Через два дня я ехал обратно. Алигарх казался вымершим — на улицах не было никого, кроме патрульных военных и полицейских. Оказалось, вчера какой-то индус, то ли из озорства, то ли по злобе, втащил в мечеть живую свинью, которая, освободившись из плена, своим яростным хрюканьем нарушила святость общения правоверных с Аллахом и долго не давала себя поймать. В ответ на это обиженные мусульмане подбросили в индусский храм традиционный символ оскорбления — отрезанные уши коров. Немедленно возникло чудовищное побоище, и власти, с трудом его разогнав, объявили комендантский час.

В тот раз все произошло в связи с ванаспати.

Несколько лет назад парламент принял билль, разрешающий свободный ввоз в Индию животных жиров для мыловаренной и фармацевтической промышленно-

сти. Подавляющее большинство населения Индии не употребляет в пищу животные жиры. Индусы, как правило, вегетарианцы, особенно строго блюдают свой обет, когда речь идет о говядине, ибо корова для них — священное животное. Мусульмане же ни под каким видом не едят свинины. И те и другие используют для ежедневной стряпни растительное масло — ванаспати. Когда в стране появилось много дешевых импортных животных жиров, предприимчивые дельцы стали потихоньку добавлять их в ванаспати. Прошло какое-то время, и вездесущие газетчики вывели этих дельцов на чистую воду. Разразился грандиозный скандал. Им воспользовалась находящаяся в оппозиции правая «Бхаратия джаната парти», она попыталась организовать широкую кампанию протеста не столько против нечестных дельцов, сколько против правительства, которое им якобы попустительствовало. В местах, населенных преимущественно индусами, во всем обвинили мусульман и наоборот — мусульманам все пытались объяснить происками «этих индусских язычников».

Я рассказывал о событиях, сотрясающих Пенджаб. Еще более острые и частые столкновения происходили на протяжении трех с половиной лет моего пребывания в Индии в Ассаме. Я почти каждый день с чувством беспокойства читал сообщения из Ассама, в котором так и не побывал, ибо он закрыт для посещения иностранцами. Две ассамские националистические организации — Всеассамский студенческий союз и «Ассам Гана Санграм Паришад» потребовали от центрального правительства изгнания из штата так называемых «иностранцев», то есть людей, в разное время и по разным причинам переселившихся туда из других штатов Индии и из соседней Бангладеш. С 1951 по 1961 год население Ассама увеличилось благодаря переселенцам на 36 процентов, тогда как в целом в Индии население за это же время возросло лишь на 24 процента. Примерно то же самое произошло и в следующее десятилетие. Население Ассама достигло 19,9 миллиона человек. Националисты утверждают, что 7,8 миллиона из этого числа — «иностранцы». Несмотря на то что цифра эта явно завышена, правительство согласилось рассмотреть вопрос о переселенцах в штате. Оно, однако, готово было изучить вопрос о законности пребывания в Ассаме лиц, переселившихся в него после 1971 года, тогда как националисты настаивают на том, чтобы из Ассама

были депортированы все неассамцы, переселившиеся в штат после 1961 года. Начались бесконечно долгие раунды переговоров между центральным правительством и националистами, время от времени прерывавшиеся. Парадоксальность ситуации, как и в Пенджабе, состояла в том, что законно избранная власть в штате оказывалась неизменно бессильной что-либо решить, и националисты, являющиеся одновременно религиозными фанатиками и находящиеся в своем штате в оппозиции, через голову своего штатского правительства выходили на прямой диалог с Дели. Центральное правительство приняло ряд мер по предотвращению дальнейшей инфильтрации переселенцев в Ассам, укрепило пограничные посты с Бангладеш. Однако оно не пошло и не могло пойти на то, чтобы изгнать из штата людей, живущих в нем более двух десятилетий. Снова начались провокационные демонстрации, избиения «иностранных», налеты на села и хутора, в которых живут бенгальцы-мусульмане. Шовинисты сажали иностранцев в лодки и на плоты, выдворяли их на противоположный берег Брахмапутры, поджигали хижины. Наиболее оголтелые из них устраивали церемонии сожжения индийского флага, требовали «прекращения оккупации Ассама» и т. д.

Ассамские беспорядки, так же как и пенджабские, во многом инспирируются извне. Наглость, с которой ведут себя сепаратисты из семи северо-восточных штатов, соединенных с основной территорией страны лишь узкой полоской Западной Бенгалии, объясняется моральной и материальной поддержкой, которую оказывают им из-за рубежа. В мировой печати было немало подробных сообщений о разработанном ЦРУ США плане «Брахмапутра», предполагающем отделение от Индии семи ее северо-восточных штатов. Иностранные покровители снабжают денежными средствами ряд сепаратистских банд в Мизораме, Нагаленде, Манипуре, вдохновляют коммуналистские столкновения в Ассаме и других частях северо-востока.

Особенно трагическими были в Ассаме события, связанные с выборами в законодательное собрание штата, которые проходили 14, 17 и 20 февраля 1983 года. Ассамские шовинисты заранее пригрозили, что сорвут выборы. Они обещали кровопролитие и выполнили свое мрачное обещание.

На выборах, которые невозможно было уже откла-

дывать, победила, как и следовало ожидать, правящая партия ИНК(И). Однако в Дели едва ли могли в то время радоваться этой победе: ассамские шовинисты убили несколько сот бенгальцев-мусульман и фотографии трупов на первых полосах газет и на обложках журналов потрясли Индию. Они, однако, сыграли и серьезную политическую роль: мусульманское большинство штата Джамму и Кашмир определило исход выборов в законодательное собрание, нанеся поражение правящей партии ИНК(И).

И Ганди, и Неру, и прогрессивные политические деятели более позднего времени настойчиво подчеркивали мысль о необходимости ускорения процесса интеграции Индии, преодоления религиозных, национальных, кастовых противоречий в стране, установления в ней прочного внутреннего мира. «Ни одна часть индийского общества не может претендовать на монопольное выражение мыслей и чувств Индии,— говорил Неру.— Каждая часть внесла свою долю в то, чем является сегодня Индия. Если мы не поймем этот основополагающий факт мы не сможем понять Индию. А не поняв, не сможем действовать в ее интересах, не сможем эффективно служить стране, которой принадлежим».

И всякий раз когда прогрессивные деятели говорили о будущем Индии, со словом «демократия» непременно соседствовало слово «секуляризм».

«Хау ду ю лайк ауэр сэкъюлэр дэмокраси?» («Как вам нравится наша секуляр-демократия?») Такой вопрос вам непременно зададут в Индии. Зададут с легкой иронией, в которой, однако, вы уловите определенную гордость. Слова «секуляр-демократия» звучат с трибун, красуются в аншлагах, произносятся как заклинание в спорах политиков, обосновывают те или иные действия властей... С их помощью отвергают непомерные претензии какой-либо религиозной общины, корректируют школьные программы, мотивируют правовые постановления.

«Секуляризм» в общепринятом смысле этого слова означает независимость государства от религии, единство всех гражданских законов, светскость государства. Индийское понимание секуляризма, провозглашенное многократно, существенно отличается от общепринятого. Индийский секуляризм — это всего лишь равноправие религий. Его именем все индусские, мусульманские, христианские, сикхские, джайнские и буддистские

праздники объявлены общегосударственными и отмечаются как нерабочие дни. Для каждой религиозной категории населения существуют специальные законодательные акты. Так, большинству индийцев строго предписана моногамия, тогда как мусульманину специальный законодательный акт разрешает, в соответствии с Кораном, иметь четырех жен (в том, правда, случае, если все они мусульманки).

Таким образом, равенство всех граждан перед единым законом носит в Индии условный характер и обеспечивается лишь в том случае, когда светский закон не противоречит религиозному. Государство не стоит над религиями — оно вынуждено лавировать между ними, постоянно стремясь обеспечить их мирное сосуществование. В Индии оно и не может сегодня занимать другого положения. Религия в этой стране пронизывает всю жизнь человека — от рождения до смерти сопровождает его, предопределяет его социальное поведение. Гигантское большинство индийцев вообще не знает о том, что где-то в мире существует понятие «атеизм». А тот, кто знает, приходит в ужас от одного этого слова. Поэтому ни один политический деятель, каким бы прогрессивным он ни был, не может здесь абстрагироваться от религиозного фактора. Для некоторых буржуазных партий Индии религия является одним из важнейших орудий в политической борьбе.

В стране существуют сотни религиозных организаций и религиозно-политических союзов самого разного толка — от невинных богаделен и центров медитации до фашиствующих РСС и «Джамаат-э-ислами». Коротко расскажу об РСС.

Это — первые буквы слов «Раштрия сваямсевак сангх», что означает «Союз служения нации». Создал РСС в 1925 году мракобес К. Б. Хедгевар. В те годы, когда лучшие люди страны без колебаний отдавали жизнь борьбе против английских колонизаторов, Хедгевар и его «соратники» объявили главным врагом страны «млеччха», как они с презрением называли всех неиндусов. Англичане оказывали РСС покровительство — все, что разобщило страну, было им на руку. «Млеччха», по Хедгевару, подлежали просто-напросто уничтожению. Наследники фюрера слегка исправили его «идею». Они объявили Индию страной индусов, а мусульман, христиан, парсов и т. д. — гостями страны, которые должны-де знать свое место. Была срочно вы-

работана «теория», провозгласившая индуизм не религией, а национальной общностью людей, населяющих Индостанский полуостров. Сарсангхчалаки — верховные предводители РСС — открыто восторгались деятельностью Гитлера и Муссолини. В европейском фашизме их больше всего привлекала система слепого подчинения фюрерам. РСС строит свою организацию на принципе железной дисциплины. Сарсангхчалак перед смертью сам называет имя человека, который должен стать его преемником. «Доктор» Хедгевар назначил своим преемником в 1940 году другого «доктора» — М. С. Голвалкара, который вскоре объявил себя воплощением Кришны.

Именно фашисты от религии убили Махатму Ганди, который посвятил всю жизнь борьбе против религиозной и национальной розни, против кастовой нетерпимости. Они убили его, ибо мир между индусами и мусульманами, которого страстно добивался Ганди, их не устраивал. После этого убийства РСС была запрещена, вожаки ее были арестованы. Вскоре, однако, в 1949 году, Голвалкар заверил правительство, что РСС станет лишь спортивно-культурнической организацией, и ее деятельность снова была разрешена. Это не помешало РСС уже в 1951 году выпестовать и взять под свое покровительство политическую партию «Бхаратия джан сангх», которая открыто вела курс на борьбу против секуляр-демократии и предала анафеме идеи коммунизма. Партия эта не имела поддержки масс. Ее лидеры пытались во время выборов 1961—1962 годов создать блок против Неру и потерпели поражение. Однако позднее, в 1977 году, правые партии и группы, объединившись в «Джаната парти», сумели ненадолго прийти к власти. Когда «Джаната» обанкротилась, «Джан сангх» отделилась от нее и переименовала себя в «Бхаратия джаната парти» (БДП). Слова «Джан сангх» превратились в синоним религиозного экстремизма, их решили убрать. Индира Ганди как-то заметила, что БДП — это всего-навсего псевдоним РСС. Если говорить более точно, БДП — это псевдоним верхушки эрэсэсовского айсберга.

Тысячи и тысячи молодых эрэсэсовцев ежедневно надевают униформу и, подчиняясь команде, делают физические упражнения с бамбуковыми палками, отдают честь шафрановому знамени, выкрикивают шизофренические лозунги. Тех, кто пытается их сфотогра-

филировать во время «священных занятий», эрэсэсовны жестоко избивают. Незаметно проникают они в армию, полицию, администрацию, пытаются манипулировать действиями местных властей, провоцируют коммуналистские столкновения. Эрэсэсовский журнал «Органайзер» восхваляет нынешнего сарсангчалака Баласахеба Деораса и, не заботясь о правдоподобности своих «сообщений», льет ушаты грязи на правительство, клеветает на Советский Союз, прокликает индийских коммунистов.

Внутренняя жизнь эрэсэсовских организаций протекает в обстановке таинственности. Даже сами члены РСС не знают всех ее направлений и ответвлений. Многие утверждают, что не все источники колоссальных средств, которыми располагает РСС, находятся в Индии. Индийские фашисты жертвуют средства своей организации в один и тот же день и час по всей стране. Каждая шаха (ячейка) проводит торжественный митинг. Члены шаха строятся в каре и выслушивают легенду о том, как некий Элавия, принадлежавший к низкой касте, мечтая овладеть искусством стрельбы из лука, стал тайно подражать учителю Дроначарии и постепенно научился стрелять лучше, чем кшатрий Арджуна. Узнав об этом, Дроначария разгневался: шудра не должен превосходить кшатрия в таком сугубо военном деле, как стрельба. Он взыскал с Элавии «гуру дакшина» — «плату за обучение». Этой платой стал большой палец Элавии, без которого последний не мог натягивать тетиву. День уплаты членских взносов, размеры которых не определены, получил название «гуру дакшина», то есть день расплаты с учителем, сарсангчалаком. Выслушав рассказ, эрэсэсовцы присягают шафрановому флагу и подходят к ящику, находящемуся в центре площади метрах в двадцати-тридцати от строя. Каждый кладет столько денег, сколько считает нужным. Никто при этом не видит, сколько именно. Затем деньги стекаются в Нагпур, где пребывает сарсангчалак, и поступают в полное его распоряжение. «Гуру дакшина» дает возможность скрыть источники поступлений и деньги, подлежащие налогообложению.

РСС — тайная империя, не желающая признавать официальное деление страны на штаты. У индийских фашистов существуют свои политико-административные карты страны, на которых она разделена на шесть частей — «кшетра», каждая из которых делится

ла «пранты» — «провинции». Столицей страны является Нагпур.

Конгрессисты обычно говорят об РСС с иронической улыбкой. Руки, мол, у них короткие в стране, где прочно утвердилась «сэкьюлэр дэмокраси». Они по-своему правы, ибо подавляющему большинству индийцев, в том числе индусов, не до фюреров, тайных сборищ и размахиваний шафрановыми флагами. Люди еще слишком заняты тяжелой борьбой за рис насущный, их трудно соблазнить риторикой нетерпимости и вражды. Однако я бы не стал иронизировать, глядя как забрасываются в сегодняшнюю индийскую почву ядовитые семена. Они ведь могут прорасти завтра! Никто не знает действительной численности членов РСС, но часто люди с удивлением обнаруживают, что эрэсэсовские ячейки-шаха возникают там, где их не было десятилетиями.

Примерно такую же роль в мусульманских общинах страны играет «Джамаат-э-ислами». Особенно активно «Джамаат-э-ислами» орудует в штатах и районах, где велика прослойка мусульманского населения.

«Сэкьюлэр дэмокраси» предполагает существование в стране множества политических партий. О БДП я только что упоминал. Она, как уже говорилось, образовалась в результате распада «Джаната парти» в 1980 году и представляет собой не что иное, как «Джан сангх». Руководит ею А. Б. Ваджпаи, бывший лидером «Джан сангх» еще в 50-е годы. БДП — крайне правая партия. Эта партия, стремясь приспособиться к обстановке, сняла некоторые откровенно фашистские лозунги, выдвинула в качестве своих кандидатов на выборах в законодательное собрание союзной территории Дели несколько мусульман, в ее лексиконе появилось слово «секуляризм». Выборы в Дели в 1983 году БДП проиграла. Однако она имеет немало последователей в Северной Индии, Махараштре, Гуджарате, Карнатаке. Трудно точно определить, чьи именно интересы она выражает сегодня. Не исключено, однако, что в будущем на нее сделает ставку крупный капитал.

«Джаната парти» долго не могла оправиться после краха 1979 года. Ее нынешний руководитель Чандра Шекхар совершил пропагандистский пеший переход через всю Индию. Партия имеет последователей в большинстве штатов. В 1979 году из разрозненных групп, отколовшихся от ряда партий, образовалась партия «Лок дал», объявившая своей задачей борьбу за интe-

ресы мелких и средних землевладельцев. Ее возглавил известный политический деятель Чаран Сингх. В августе 1983 года «Лок дал» и БДП объединились в так называемый «Национальный демократический альянс». Почти одновременно «Джаната парти» и три другие партии образовали «Объединенный фронт».

Характерной особенностью индийской политической жизни является активная деятельность региональных партий. Она во многом определяется сложностью и противоречивостью отношений центр — штат. В ряде случаев региональные партии, сохраняя лояльность по отношению к центру, находятся у власти в штатах. Читатель, видимо, помнит о недавно родившейся и пришедшей к власти в Андхра-Прадеше партии «Телугу десам», возглавляемой киноактером Рамарао, об АДМК в Тамилнаду, также руководимой кинозвездой Рамачандраном. Бывает, что религиозные партии выступают по отношению к центру с враждебных, ультранационалистических позиций. Именно так поступает экстремистское крыло «Акали дал» в Пенджабе. Среди региональных партий выделяется своей прочностью и постоянством Национальная конференция, находящаяся у власти в штате Джамму и Кашмир и возглавляемая Фаруком Абдуллой.

Правящая партия — Индийский национальный конгресс — старейшая и наиболее влиятельная партия в стране. Она была основана в 1885 году. Эта партия ассоциируется у каждого индийца с именами Махатмы Ганди и Джавахарлала Неру. Под ее знаменами народы Индии боролись за независимость, завоеванную в 1947 году. Президентом партии является Раджив Ганди.

ИНК(И) — буржуазная партия, имеющая, однако, устойчивую традицию антиимпериалистической борьбы и сохраняющая антиимпериалистическую направленность. Как показала практика, эта партия в течение трех с половиной десятилетий являлась единственной политической силой, способной в условиях чрезвычайной религиозно-национальной и социально-кастовой пестроты вести корабль индийского государства. Партия имеет молодежную организацию, пользуется безраздельным влиянием в Индийском национальном профсоюзном конгрессе и в Национальном студенческом союзе. Внешняя политика ИНК(И) и сформированного этой партией правительства, много лет возглавлявшего

ся И. Ганди, основана на принципах мира, невмешательства во внутренние дела других стран, неприсоединения. Одним из важнейших ее направлений является укрепление всестороннего сотрудничества и дружбы с Советским Союзом.

Большим влиянием пользуется в Индии левое движение. Коммунистическая партия Индии, наиболее массовая из левых партий, была основана в 1925 году. Она организует миллионные марши и демонстрации, помогает трудящимся бороться за свои права, играет руководящую роль в ряде массовых организаций, таких, как Всеиндийский конгресс профсоюзов, Всеиндийская федерация молодежи, Студенческая федерация Индии. В 1964 году в КПИ произошел раскол. Образовалась новая партия, добавившая к своему названию в скобках слово «марксистская». В настоящее время по основным вопросам международной политики и внутреннего развития Индии позиции КПИ и КПИ(М) весьма близки. КПИ(М) возглавляет блок левых партий, находящихся у власти в Западной Бенгалии и Трипуре. На протяжении многих лет левые партии находились у власти в штате Керала, в которой и сейчас пользуются большим влиянием.

Политическая жизнь Индии зыбка. Крупные общественные деятели время от времени переходят из одной партии в другую или создают новые партии. Многие партии постоянно раскалываются, от них то и дело отпочковываются группы и фракции, добавляющие к названию новой организации первую букву имени лидера.

Обилие политических партий и групп добавляет новые перегородки к тем религиозным, кастовым, национальным, социальным и лингвистическим барьерам, которые разделяют индийское общество, осложняет и без того сложное и хрупкое равновесие. Очень распространены в Индии голодные забастовки. Вы можете увидеть у входа в роскошную гостиницу «Маурия-Шератон» несколько палаток и сидящих у них людей. Кельнеры, официанты, швейцары гостиницы объявили голодную забастовку, требуя повышения зарплаты. Как правило, в таких случаях хозяева сдаются, ибо забастовщики и в самом деле могут умереть и часто умирают от голода и это наносит толстосумам колоссальный моральный и материальный ущерб.

Неустойчивость политической структуры, связанная с удивительной неоднородностью общества, компенсиру-

ется прочностью и неизблемостью государственного аппарата. Этот аппарат унаследовал традиции, сложившиеся при англичанах. Его независимость от представительных, выборных органов является фактором, стабилизирующим буржуазный правопорядок. В то время как министры и их заместители являются политическими деятелями и принадлежат к правящей, победившей на выборах партии, секретари министерств и чиновники более низкого ранга обязаны быть беспартийными. В значительной мере независима от политической власти и система юстиции.

Бюрократизм английского типа невероятно громоздок и разветвлен, он охватывает все стороны жизни, проникает во все поры общества. Тысячи и тысячи людей в обшарпанных, прокуренных зданиях листают и переключают с места на место засаленные папки, заполняют десятки тысяч бессмысленных бланков, ведут между собой учтливую «переписку» на листах с прошениями и заявлениями, что-то без конца разрешают, запрещают, санкционируют, требуют. Горы бумаг, трещающих под вращающимися фенами и прижатых тяжелыми предметами, бесконечные отчеты, свидетельства, «экземпшны», «инвойсы», «пермиты», толпы людей, стоящих в очереди и переходящих от стола к столу, исполненные важности лысые чиновники, закинувшие босую ногу на ногу, и служки, разносящие на подносах стаканы с водой — так выглядят индийская полиция, страховая контора, юридическая консультация... И все же гигантская бюрократическая машина играет не только отрицательную роль. Она гарантирует обществу тот автоматизм правовых отношений, без которого оно перестало бы существовать как единое целое.

«Сэкьюлэр демокраси», разумеется, дает разные шансы бизнесмену, торговцу, рабочему, крестьянину-кисану. Но страна развивается, меняется на глазах, интегрируется, крепнет. А это значит, что «секуляр-демократия» в ее индийском варианте обладает известной жизнеспособностью. Медленно, но уверенно движется Индия вперед, шаг за шагом приближаясь к современности. К тому времени, когда станет она могучей процветающей державой. Когда не будет лишений, болезней, голода. Когда индус, мусульманин, христианин, буддист заживут в мире и дружбе. Когда улыбнется радостно и беспечно мастер удачи и везения — слоголовый Ганеш.

СОДЕРЖАНИЕ

От автора	3
Эхо Ганга	5
Вторжение в сказку	5
Остров грез	19
Вода сошла	35
Ганг	48
У вечных гхатов	48
Короткое имя «Дели»	76
Сердце страны	88
Краски раджпутского края	95
Люди в тюрбанах	102
По ту сторону тоннеля	115
Галактика Бомбея	126
Чудо Махараштры	180
Новые контуры Гоа	185
Калькуттский лабиринт	191
Под солнцем Ориссы	206
Бросок в Гуджарат	214
Юг	218
Зигзаги времени	248
Война невежеству	248
Невидимые стены разрушая	253
Индия спасет своих женщин	259
Королева бандитов покидает трон	266
И станет земля добрей	271
Кино, писатель, жизнь	275
«Секьюлэр дэмокраси»	291

«Когда улыбнется Ганеш» — последняя книга известного журналиста-международника Александра Тер-Григоряна.

Он успел увидеть ее корректуру, но прочитать до конца уже не смог — 14 февраля 1985 г. А. Тер-Григоряна не стало. Ушел из жизни человек, многие годы посвятивший изучению стран и народов Дальнего Востока и Южной Азии, обладавший точным глазом, способностью видеть в гуще политических событий главное и мастерски рассказывать о них. Работая корреспондентом «Комсомольской правды» и «Известий» в Китае, Вьетнаме, Монголии, Индии, Бангладеш, Непале, он всюду стремился постичь суть сложных перемен, связь времен, традиций и современности, национального характера и искусства. Каждый очерк, каждая книга А. Тер-Григоряна пронизана искренним уважением, неподдельной любовью к людям далеких стран, восхищением их трудом и свершениями, будь то в древности или в наши дни, горечью перед лицом бедности, отсталости, ненавистью к мракобесию, религиозному фанатизму и насилию. Именно эти качества привлекли и еще долгие годы будут привлекать читателей к работам А. Тер-Григоряна.

Александр Леопович Тер-Григорян

КОГДА УЛЫБНЕТСЯ ГАНЕШ

**Будни и бури Южноазиатского
субконтинента**

*Утверждено к печати
Редакционной коллегией серии
«Рассказы о странах Востока»*

Редактор *В. И. Кюзаджян*
Младший редактор *А. В. Бодянская*
Художник *Л. С. Эрман*
Художественный редактор *Б. Л. Резников*
Технический редактор *Л. Е. Синенко*
Корректор *И. И. Чернышева*

ИБ № 15310

Сдано в набор 26.09.84. Подписано к печати 05.03.85. А-05519. Формат 84×108^{1/32}. Гарнитура литературная. Печать высокая. Бумага типографская № 2. Вкл. отпечатана на мелованной бумаге. Усл. п л. 13,44+2,52 вкл. Усл. кр.-отт. 16,49. Уч.-изд. л. 16,98. Тираж 30 000 экз. Изд. № 5721. Зак. № 651. Цена 1 р. 20 к.

Ордена Трудового Красного Знамени
издательство «Наука»
Главная редакция восточной литературы
103031, Москва К-31, ул. Жданова, 12/1

3-я типография издательства «Наука»
107143, Москва Б-143, Открытое шоссе, 29

1 р. 20 к.